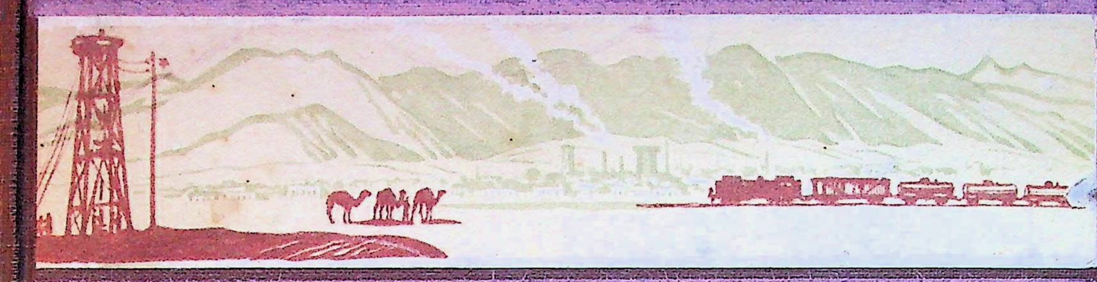
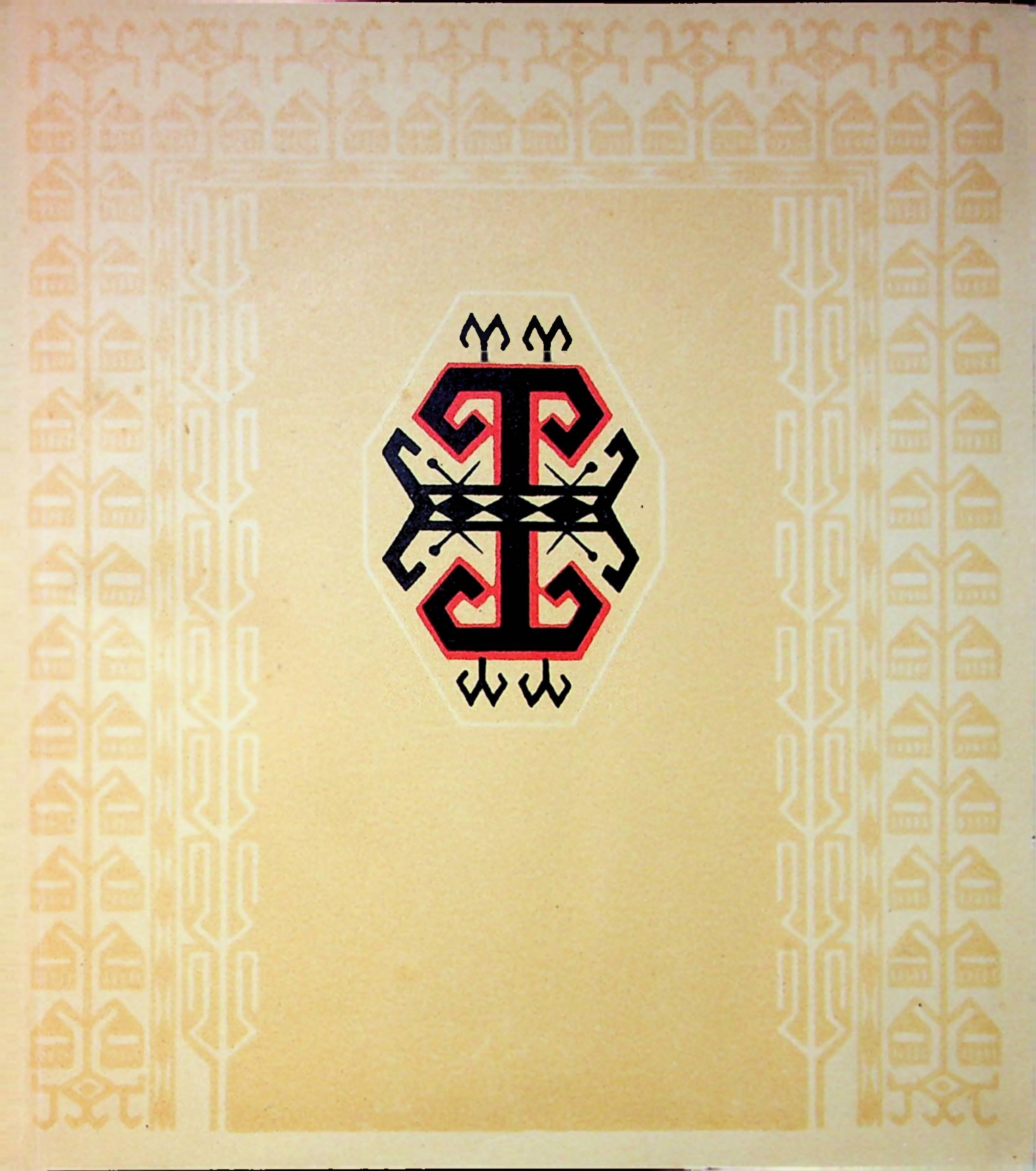

ТУРКМЕНИСТАН

С.С.С.Р

Географическая
научно-художественная
серия

НАША РОДИНА

под общей редакцией
Н. Н. Михайлова

издательство
ЦК ВЛКСМ
Молодая Гвардия
Москва — 1948

Туркменистан

П. СКОСЫРЕВ

Раздел «Туркменистан в образах литературы»
составлен А. П. КВЯТКОВСКИМ.

Раздел «Туркменистан в цифрах»
составлен ученым секретарем Туркменского географического общества В. Я. ЧЕРМЕНСКИМ (основной цифровой материал) и кандидатом географических наук В. В. ПОКШИШЕВСКИМ (карты).

Редактор Н. Н. СТАВРОГИН.
Художник В. И. БРОДСКИЙ.
Переплет, титул и контртитул работы художника С. М. ПОЖАРСКОГО.
Картограф С. В. ПРОХОРОВ.
Фото В. И. БРОДСКОГО и М. А. ТРАХМАНА.
Художественный редактор Е. М. ГУРКОВА.
Технический редактор В. М. ПЛЕШКО.

Человеку, впервые попавшему в Туркменистан, сначала кажется, что на поверхности туркменской земли нет того, что, собственно, мы и привыкли называть землей, — того увлажненного верхнего почвенного слоя, на котором растет трава и который призван питать корни злаков, цветов, деревьев.

«Вот, наконец-то, начинается подлинный Туркменистан! — готов подумать такой путешественник, после долгого пути завидевший вдали зелень оазиса. — Вероятно, все предыдущие километры по пустыне были своего рода лишь предисловием к Туркменистану. Проеду вдоль этого арыка еще дальше, и откроется, наконец, лицо туркменской земли, которое ускользало все время, заслоняемое то грудами песка, то какими-то рыжими камнями, то колючим кустарником, окружившим здание полустанка, затерявшегося среди однообразной глинистой пустыни».

Оазис обычно обрывается так же внезапно, как и начался. Дорога едва успеет вбежать в тень садов и оград, минует поселок и зелень полей, густо поросших кустами хлопчатника, как впереди уже опять раскрывается сухой пустой простор...

Орошенные земли, естественно, составляют силу Туркменистана. Это источник главных его богатств, среди которых такая драгоценность, как длинноволокнистый, мягкий хлопок — краса туркменских полей. В оазисах живет основная часть населения Туркменистана. Но чтобы понять туркменскую землю, надо видеть ее всю целиком, а не только те ее места, сравнительно небольшие по площади, до которых стараниями человека дошла вода.

Имеют свою цену и сухие пески Кара-Кума, выкармливающие колхозные и совхозные стада и дающие стране серу, и залежи озокерита на пустынном Челекене, и недра Кугитангских гор, на склонах которых в годы послевоенной сталинской пятилетки поднимутся корпуса мощного

химического комбината, загрохочут механизмы в угольных и серных шахтах, загудят паровозы. За время советской власти обнаружило свои богатства и высохшее соленое озеро Баба-Ходжа, на котором стоят металлические нефтяные вышки неисчерпаемого Небит-Дага. Включены в советское хозяйство и берега залива Кара-Богаз-Гол — с виду мертвого, но богатого ценными солями, и зеленоватые глубины Каспия, обильные рыбой, и фисташковые рощи холмов Бадхыза, что залегли между долинами Теджена и Мургаба, и тугайные заросли речных пойм, настолько густые, что по ним без топора и не пробраться. Лишь ему впору одолеть густостволье тополей, лоха и других растений, что образовали целые джунгли в долинах Аму-Дарьи и Мургаба. Еще недавно только редкий охотник рисковал углубляться в эти чащи, где порой ночами рычит тигр и где, того и гляди, можно встретить дикого кабана.

Советский Туркменистан вносит свой вклад в общесоюзное народное хозяйство не только каракулем и хлопком, а еще и нефтью, химикалиями, многими другими ценностями.

Лицо любой страны складывается из всего многообразия черт, присущих ее пейзажам и климату, недрам и почве, истории и экономике, архитектуре зданий и покрою одежд жителей. Так и облик Туркменистана. Он открывается каждому, кто пытливо отыскивает его особые черты, в оазисе и пустыне, на улицах красавца Ашхабада и среди войлочных кибиток аула, затерянного где-нибудь в самой глубине горячего Кара-Кума. Вот дым новых, растущих заводов, а вот дымок от костра, что разложили колхозные пастухи, готовясь к ночлегу. Овцы кончили пастись и толпятся около колодца. Те, что постарше, пропускают вперед ягнят и затем уже сами припадают к солоноватой воде, какую нашел и поднял на поверхность пустыни человек, много столетий назад поселившийся здесь и сказавший себе и другим: «Я пришел сюда жить, это моя родина, и я ее никому не отдам».

Лицо страны — это прежде всего лицо человека, который ее заселил, который ее преображает.

Основную массу жителей Туркменистана составляют туркмены. Много веков назад туркменские племена пришли на территорию нынешней Туркменской республики. Это были пастухи-кочевники. Свой быт и свое хозяйство они применили к условиям местности, в которой поселились, и на протяжении всей своей истории упорно обороняли родную землю от врагов, пытавшихся захватить туркменские кочевья. А внутри каждого племени, каждого аула кипела жестокая борьба между богатыми и бедными.

Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции туркменский народ не знал единства и самостоятельности. Лишь революция

сделала разрозненные туркменские племена независимым, целостным народом.

Страна песков и редких кочевий; страна мучительного ручного труда на выжженных солнцем сухих полях; страна натурального хозяйства, подчиненного интересам рода, — этого оплота внутриаульной деспотии, когда численно небольшая верхушка родовых старейшин и баев обрекала гнету всю остальную массу населения; страна нищеты; страна цепких болезней, которые, раз вспыхнув, не выпускали из своих лап человека всю его жизнь от молодых лет до, почти всегда преждевременной, смерти; страна национального и социального бесправия; страна, бывшая в царской России на положении колонии,— в результате великих побед сталинских пятилеток и мудрой ленинско-сталинской национальной политики стала передовой советской республикой, имеющей свою собственную социалистическую промышленность, свое передовое колхозное и совхозное сельское хозяйство, свою собственную, социалистическую по содержанию и национальную по форме, культуру.

Все, чем горды и счастливы сейчас люди Туркменистана,— все это добыто за короткий срок трех десятилетий советской власти. Все это родилось в результате забот большевистской партии и советского правительства. Все это создано упорным трудом свободного туркменского народа с братской помощью великого русского народа.

Советский Туркменистан занимает юго-западную часть Средней Азии. На западе его ограничивает Каспийское море; на юге — хребты Копет-Дага и предгорья Парапамиза. Восточная граница туркменской земли на большом протяжении идет вдоль Аму-Дарьи, северная уходит к плато Усть-Урт. Это самая южная из республик СССР. Наиболее выдвинувшийся к северу населенный пункт ее, аул Кесеклик, лежит почти на двести километров к югу от наиболее южной точки Крыма. А крайняя южная точка Туркменистана — район города Кушки — даже для жителей африканского города Алжира может считаться югом, поскольку Кушка на полтора градуса ближе к экватору.

Площадь Туркменистана велика, но заселена она крайне редко. На огромной территории почти в полмиллиона квадратных километров — немногим меньше Украины — живет всего лишь 1,3 миллиона человек, то есть примерно в тридцать раз меньше, чем на Украине.

Причиной такой слабой заселенности Туркменистана является огромная пустыня Кара-Кум — одна из самых больших пустынь мира, представляющая собой грандиозное скопище песка и занимающая почти $^{4}/_{5}$ всей туркменской территории.

Недостаток воды — отличительная особенность природы Туркменистана. Осадков здесь выпадает ничтожное количество, а сухость воздуха и накаленность почв летом исключительно велики.

Кара-Кумская пустыня занимает всю среднюю часть Туркменистана. Население республики сосредоточено главным образом в долинах рек или у подножия гор — в местах, более или менее обеспеченных водой. Рек же в Туркменистане мало, и текут они главным образом по ее периферии. Таким образом, жизненные центры республики географически являются ее окраинами. От столицы республики — Ашхабада — до государственной границы с Ираном по прямой линии меньше тридцати километров. Город Чарджоу и весь Чарджоуский населенный район прижат к Аму-Дарье, за которой начинаются земли Узбекистана. Наконец, один из крупнейших жизненных узлов Туркменистана, Ташаузский населенный район, смыкается с Хорезмской областью Узбекской республики, с землями Кара-Калпакии. Да и новые центры добывающей промышленности в большинстве своем размещаются по краям республики — Кара-Богаз-Гол, Небит-Даг, Челекен на западе, растущий район Кугитанга на востоке.

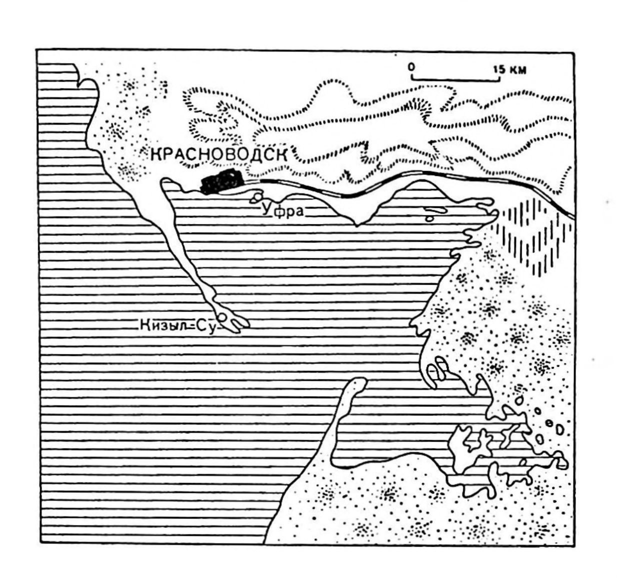
Если на карте Туркменистана обозначить все населенные места особым цветом, ну, хотя бы зеленым, а слабо заселенные, пустынные районы — другой краской, например желтой — по цвету песка, то карта республики приняла бы вид несколько вытянутого с юго-востока к северо-западу массивного желтого четырехугольника. И только по краям его обозначились бы неширокие зеленые полоски или скопления зеленых точек, обозначающие возделанные поля и людские поселения — аулы и города.

Пройдем же по этой, не легкой для освоения, своеобразной земле неторопливым шагом, приглядываясь ко всему, что она может открыть внимательному и доброжелательному взгляду.

КРАСНОВОДСК

0
15 КМ
КРАСНОВОДСК
Уфра
Кизыл-Су

1

Каспийское море издавна было кратчайшим и наиболее доступным путем в туркменскую землю с запада. В наши дни таким путем может считаться воздух. Но и воздушная дорога из Москвы в Ашхабад на одном из участков все равно пролегает над морем; так что воздушный путник, прежде чем завидит вдали желтоватую туманность туркменского берега, в течение почти часа летит над каспийской водой. Если погода ветреная, синяя плоскость Каспия сверху кажется как бы изрезанной белыми молниями. Лишь в недолгие периоды затишья Каспийское море выглядит покойным и одноцветным. Впрочем, оно редко бывает таким. Если нет ветра в одном месте, то он есть

в другом, и волнение передается далеко. Да и когда ветер спадает, волнение прекращается не сразу. Каждый, кто плавал между Баку и Красноводском, знает явление мертвой зыби, когда при полном безветрии происходит непрерывное вспучивание и перемещение больших водяных масс, точно где-то на большой глубине море закипает. Мертвая зыбь вызывает качку, гораздо более томительную, чем даже зимние и весенние штормы.

Плавание из Баку в Красноводск непродолжительно. Оно длится теперь не больше 18 часов. Стоит пароходу обогнуть белый мыс Красноводской косы, оставляя к югу плоские берега полуострова Челекен, как уж мореход перестает испытывать и шторм и зыбь. Красноводский залив прикрыт косой, вытянувшейся в море на 30 километров.

Туркменское побережье Каспийского моря протянулось с севера на юг почти на пятьсот километров. Если же учесть изрезанность береговой линии и посчитать морским побережьем берега огромного залива Кара-Богаз-Гол, то протяженность береговой линии Туркменской республики возрастет в два, в два с половиной раза.

Такое тесное соприкосновение туркменской земли с морем позволяет говорить о Туркменистане как о приморской стране, хотя это как будто и противоречит устоявшемуся мнению о ней как о стране караванных троп и безводных пустынь.

Каспийское море всегда играло в жизни Туркменистана исключительную роль. Особенно велико его значение сейчас, в советское время, когда полностью обнаружилась ценность для хозяйства республики Каспийского приморья, с его нефтеносными районами Небит-Дага и Челекена, с химической промышленностью берегов залива Кара-Богаз-Гол и того же Челекена, с рыбными промыслами Гасан-Кули и острова Огурчинского, с отличной поваренной солью озера Куули, наконец, с портовыми сооружениями и промышленными предприятиями Красноводска, этого крупнейшего, быстро растущего порта не только Туркменской республики, но и всего восточного побережья Каспия — от Гурьева на севере до советско-иранской границы на юге.

2

Едва пароход обогнет Красноводскую косу, ослепительно белую от покрывающего ее ракушечника, как впереди уже становится явственно различим каменистый, приподнятый край туркменской земли.

Туркменский берег возникает перед глазами в виде розовато-рыжей скалистой стены, вплотную придвинувшейся к бледнозеленой глади залива. У подножия скалистых холмов скопились домики с плоскими крышами. Это Красноводск. Главный город туркменского побережья с мо-

ря кажется прижатым к каменной стене, которая становится все выше, чем больше пароход приближается к пристани.

По сравнению с домами Красноводска высота скал представляется громадной. На самом деле это не так. Высшая точка стены, непосредственно окружившей город, поднимается над уровнем океана всего на 259 метров. Правда, к этой цифре надо прибавить еще 28 метров — разницу в уровнях Каспийского моря и океана, ибо, как известно, уровень Каспия лежит ниже океанского; но все равно высота выходит небольшой.

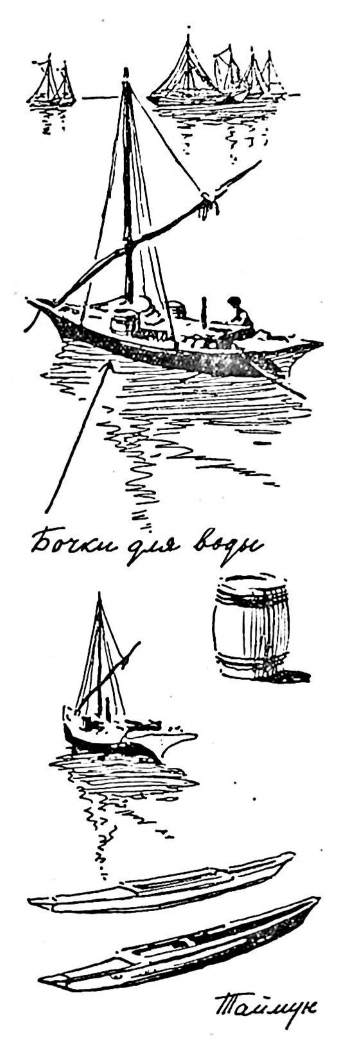
Однако очертания гор, нависших над городом, так строги, что первая встреча с Красноводском оставляет впечатление, будто город лежит у подножия величественного хребта. Впечатление это усиливается тем, что красноводские скалы лишены каких-либо признаков растительности.

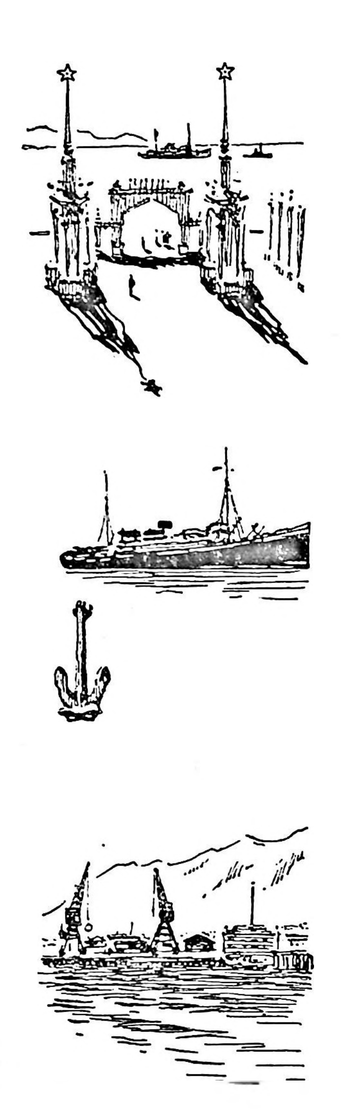
Город расположен на слегка покатой поверхности той части берега, где каменная стена, несколько отступив от моря, образовала подобие просторного амфитеатра.

Улицы уходят от воды в глубь этой каменной площадки. Чем ближе к горам, тем они теснее сливаются с ущельями; и здесь, если бы вы захотели перейти с одной улицы на другую, вам пришлось бы преодолевать разделяющие их скалистые гряды, высота которых достигает порой нескольких десятков метров.

Окруженный скалами с трех сторон, Красноводск напоминает крепость.

Стена, окружившая город, увенчана с западной стороны остроконечным пиком Ша-Кадам. От него протянулась к заливу цепь меньших, как бы дочерних, пиков. Приближаясь к морю, эти маленькие скалы постепенно теряют в высоте, и самый крайний пик уже не превышает своими размерами дом в три этажа.

Скалы в этой части города разбросаны посреди дворов или стоят на улицах в один ряд с домами, тесно вплетаясь в архитектурный пейзаж. Для детворы они — излюбленные места игр. Ни травы, ни деревьев на красноводских двориках нет. Двор в Красноводске — это покрытая галькой или залитая асфальтом площадка, со всех сторон огороженная каменными стенами. А стоит взобраться на скалу, и увидишь сразу и деревца городского сада, и морскую даль с пароходами, и поезда, идущие в глубь страны по узкой тропинке между обрывом берега и водой залива.

Красноводск — порт. Для пассажиров и грузов, направляющихся в Туркменистан с запада, здесь кончается морской путь. И здесь же начинается великая Средне-Азиатская железнодорожная магистраль.

Морской и железнодорожный вокзалы до недавнего времени были наиболее примечательными зданиями в городе.

Морской вокзал — это угловатое здание, с плоской крыши которого виден весь Красноводский залив и одновременно весь город, лежащий на каменной ладони гор, как горстка плоских одноцветных камней. Вокзал железной дороги расположен от морского в полукилометре. Он построен из естественно окрашенного местного известняка. Из него же сложено и большинство других домов города. Разработки камня находятся почти в самой черте Красноводска. Этот строительный материал легок, прочен, порист, красив и так же податлив обработке, как и дерево. Его можно пилить простой пилой и обтачивать топором или ножом. Запасы строительного известняка в красноводских горах неисчерпаемы. Можно думать, что к прочим предметам туркменского вывоза прибавится и он. Баржи, груженные им, будут пересекать Каспийское море; по-

селки и города безлесной полосы Поволжья украсятся домами, сложенными из чудесного красноводского природного кирпича.

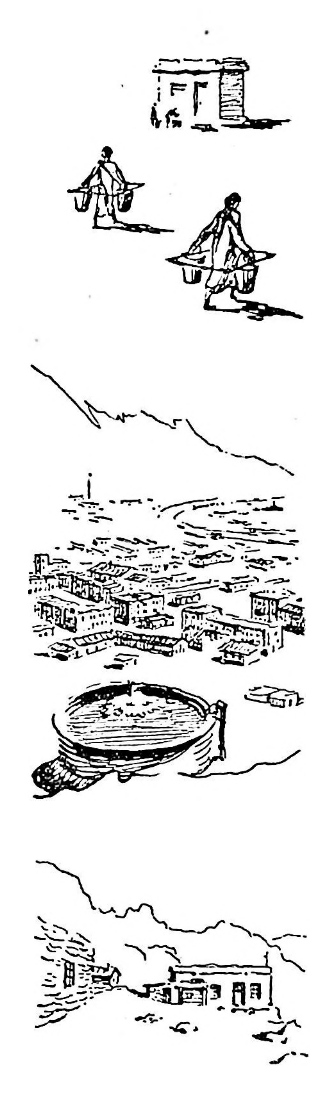
Красноводский порт играет для Туркменистана роль никогда не запирающихся ворот.

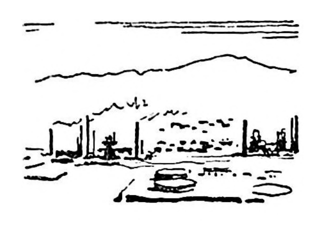
Между морским и железнодорожным вокзалами по подъездным путям ежедневно передвигаются тысячи тонн самого разнообразного груза. Через Красноводский порт идут в Туркменистан хлеб Кубани и Поволжья, питьевая вода из-под Баку, строевой лес из северных районов Союза, промышленные товары Москвы, Ленинграда и других городов: станки, автомашины, тракторы. Часть этих грузов направляется через Красноводск и в другие наши среднеазиатские республики. Через красноводские ворота Туркменистан отправляет в Российскую республику, на Украину и в другие районы Советского Союза хлопковое волокно, серу, озокерит, шерсть, каракуль, соль, мясо, рыбу, фрукты, семена люцерны, вина, шелк и туркменские ковры, равных которым по красоте нет в мире.

3

Красноводск застроен каменными, преимущественно одноэтажными, домами, цвета земли под ногами или цвета окружающих гор. Лишь в последнее время появились и большие здания. Улицы города широки и прямы, дома же обычно — с плоскими крышами, лишенные карнизов — так малы, что почти не дают тени. Так как Красноводск принадлежит к числу самых жарких городов СССР, то отсутствие тени на его улицах сильно ощущается человеческим организмом.

Жаркий климат, свойственный Красно-

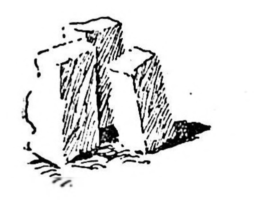
водску, кажется еще более жарким оттого, что городу пока недостает воды. Каменистые обрывы и скалы, придающие городу своеобразную красоту, не источают ни капли влаги. Дождей в Красноводске почти не бывает. Те 114 миллиметров осадков, которые выпадают здесь в течение года, не влияют на увлажнение почвы и на снабжение населения водой. Построенный из камня и на камне, город Красноводск не имеет собственной пресной воды. Вода либо доставляется с Кавказа, либо же вырабатывается на опреснителях из морской воды. Лишь в самые последние годы к северу от Красноводска, возле колодца Кабиль-Нефес, нашли грунтовую солоноватую воду. Запасы кабильнефесской воды оказались значительными. Эта добавочная вода позволила Красноводску взяться за озеленение улиц и заложить два новых городских сада. По обеим сторонам главной улицы, носящей имя Шаумяна, посажены деревца. В первой половине марта они покрываются листочками. Зеленый цвет древесной листвы вошел естественной составной частью в общую цветовую гамму красноводского пейзажа.

Сделана попытка высадить на одной из площадей города субтропические растения — пальмы и кактусы. Саженцы хорошо принялись; но им туго приходится зимой, когда с вершин нагорного плато в январе и феврале к городу устремляются порывы норда. Средняя температура января в Красноводске довольно высока: она равняется 3 градусам тепла. Однако во время норда вода залива, хотя и на краткий срок, иногда покрывается льдом.

Красноводск в течение десятилетий был лишь перевалочным пунктом с моря на железную дорогу и с сухопутных путей на море. Собственной внутренней жизни у него не было. Усилия города сосредоточивались

Красноводск

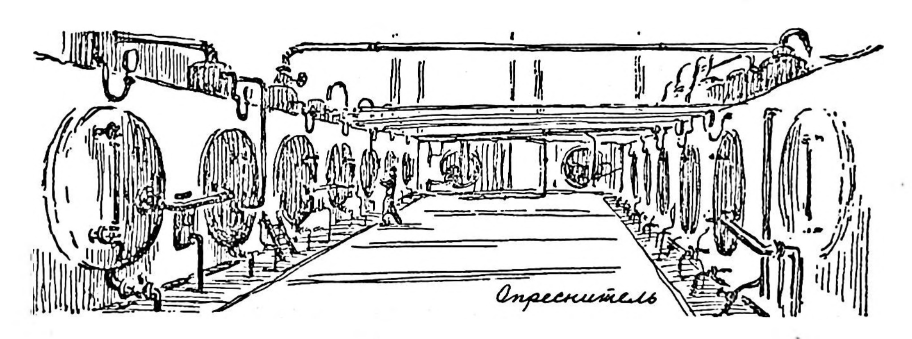
только на обслуживании транспортных путей — морского и железнодорожного. Соответственно и главными городскими предприятиями до последних лет были лишь судоремонтные мастерские, паровозное депо, опреснители, электростанция да нефтесклады.

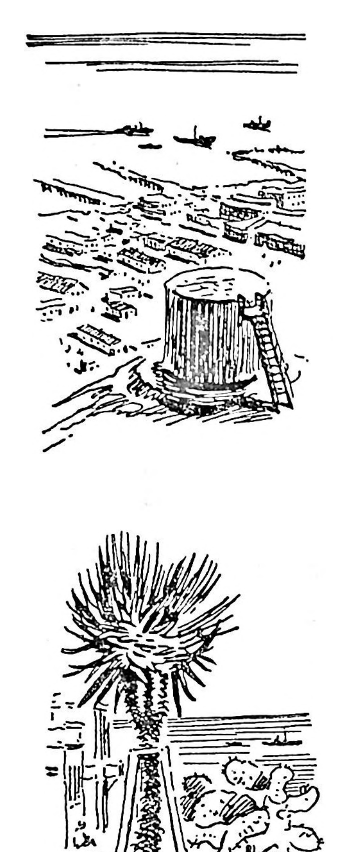
Изменения пришли в годы сталинских пятилеток, когда началась индустриализация города. Прежде всего здесь появился рыбокомбинат. В Красноводск стали свозить для обработки рыбу из округи, с морского побережья. Город приобрел уже не только транспортное, но и промышленное значение. Но особенно резкие перемены в хозяйственном облике Красноводска произошли в последнее время. Это, несомненно, скажется на будущем Красноводска.

В годы Великой Отечественной войны Красноводск принял непосредственное участие в подготовке победы. Когда немецкие фашисты прорвались к Сталинграду, сообщение между страной и Кавказом поддерживалось через Красноводский порт. Город, прежде имевший значение лишь для Средней Азии, стал портом общесоюзного значения. Через Красноводск на Кавказ двигались войска, вооружение, танки. И через Красноводск с Кавказа шла нефть.

Через Красноводск же производилась эвакуация Северного Кавказа. Эвакуировались не только люди, — эвакуировались целые заводы, которым угрожал враг. Один из крупных нефтеперегонных заводов, следовавший с кавказского берега, был оставлен в Красноводске. Он и положил начало новой отрасли туркменской промышленности, которая в послевоенной сталинской пятилетке получает общесоюзное значение.

Советский Красноводск приобретает индустриальные черты. Меняется состав его населения: в городе живут уже не только моряки и железнодорожники, но и промышленные рабочие.

Но любое крупное производство требует обильного расхода воды Открытием источников Кабиль-Нефеса Красноводск обязан именно новым заводам Вода для заводов берется и из моря Начата прокладка водопровода из района Казанджика, богатого водой. Длина будущего водопровода примерно 250 километров Это тоже одна из крупных строек послевоенного пятилетия. Она требует больших технических усилий и больших капиталовложений Зато проблема воды для Красноводска будет, наконец, разрешена.

4

Красноводск — естественный центр для всего туркменского приморья. Он не только ворота в Туркменистан со стороны моря — он и самый крупный населенный пункт туркменского побережья. К нему протянулись транспортные, хозяйственные и культурные нити, связывающие между собой, а также с центром республики Ашхабадом, и промыслы Кара-Богаз-Гола, и Челекен, и рыболовецкие колхозы Гасан-Кули, и Чикишляр, и верблюдоводческие совхозы, расположенные вдали от моря во внутренних песчаных и нагорных районах.

Такое значение город приобретал постепенно в течение восьми десятков лет своего существования. Красноводск основан в 1869 году. Впрочем, первые поселения русских в этих местах возникли на полтора столетия раньше. Петр Первый, задумывая хивинский поход Бековича-Черкасского, велел основать на восточном берегу Каспийского моря укрепление, названное Красноводском. Вскоре после гибели экспедиции Бековича было уничтожено и Красноводское укрепление. Но память о нем уцелела, и когда через сто лет генерал Ермолов послал

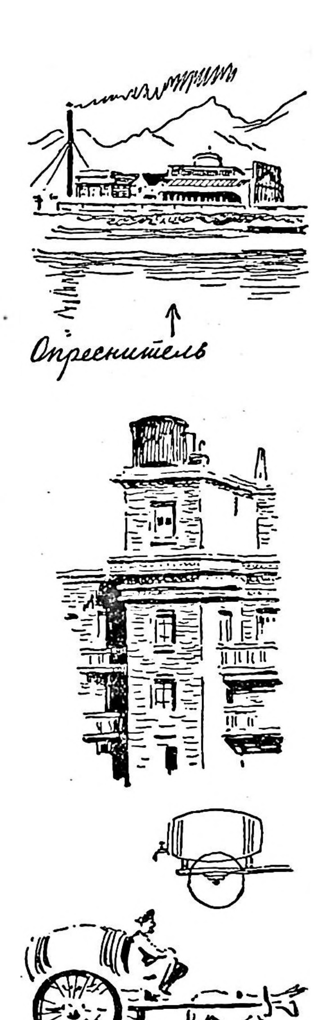
на восточный берег Каспийского моря двух офицеров-исследователей — Муравьева и Пономарева, они пришли к заключению, что «лучшим местом для устройства торговой фактории и укрепления мог бы служить пункт на берегу Красноводского залива».

В 1869 году, через пятьдесят лет после экспедиции Муравьева и Пономарева, в пункте, ими намеченном, и был заложен город. Это было захолустное военное укрепление, находившееся в подчинении у Закавказского военного округа. Оно оставалось таким вплоть до того дня, когда сюда был перенесен начальный пункт Закаспийской (Средне-Азиатской) железной дороги, расположенный сперва на восточной стороне залива, у поселка Узун-Ада.

Первый гудок паровоза раздался в Красноводске в 1896 году. Он знаменовал начало новой эры для города: захолустное военное укрепление становилось важнейшим перевалочным пунктом на крупной магистрали.

Но и став уже значительным городом, Красноводск еще долгое время оставался как бы инородным телом на туркменской территории. В нем жили переселенцы из Европейской России и с Кавказа; туркмены же только изредка наведывались в него для выполнения какой-нибудь тяжелой повинности, наложенной на местное население уездным начальством.

Сейчас в городе бок о бок живут и работают русские, туркмены, армяне, азербайджанцы, казахи. Именно эта разноплеменная, но братски спаянная семья жителей советского Красноводска и вынесла на своих плечах все трудности героических лет Великой Отечественной войны. Эти памятные годы навсегда вписали имя города Красноводска в золотую книгу истории Советской страны. В то время работа в порту

шла круглые сутки. Разгружали и нагружали суда, строили новые пути и склады. На помощь портовым рабочим и жителям города пришли тысячи колхозников. Сыны туркменского народа самоотверженно боролись за победу в тылу, так же как они самоотверженно сражались за победу на фронте в рядах героической Советской Армии.

А прежде с Красноводском была связана наиболее трагическая из страниц истории революции. В 1918 году в трюме парохода, захваченного белыми, в город были доставлены 26 большевиков Кавказа — бакинских комиссаров, имена которых ныне легендарны. Белогвардейцы передали пленных в руки англичан-интервентов, и герои-мученики, по повелению английского командования, были без суда и следствия расстреляны возле путей Средне-Азиатской железной дороги, на перегоне между станциями Перевал и Ахча-Куйма, в двухстах с небольшим километрах от Красноводска.

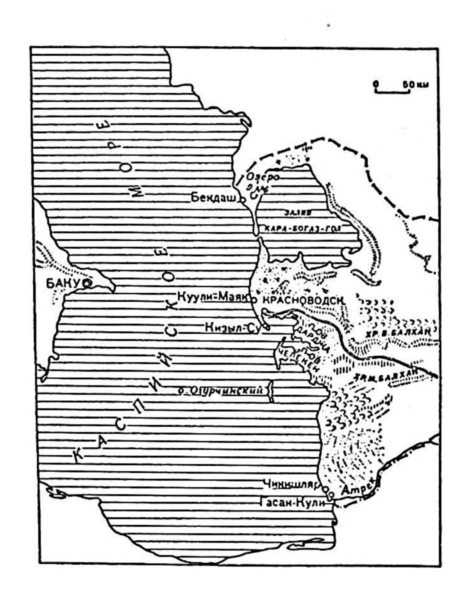
Вечным напоминанием об этом зверстве иноземных захватчиков служит Красноводский музей имени 26 комиссаров, перед входом в который воздвигнуты бюсты товарищей Шаумяна, Фиолетова, Джапаридзе и Азизбекова.

Многие улицы города носят имена погибших героев.

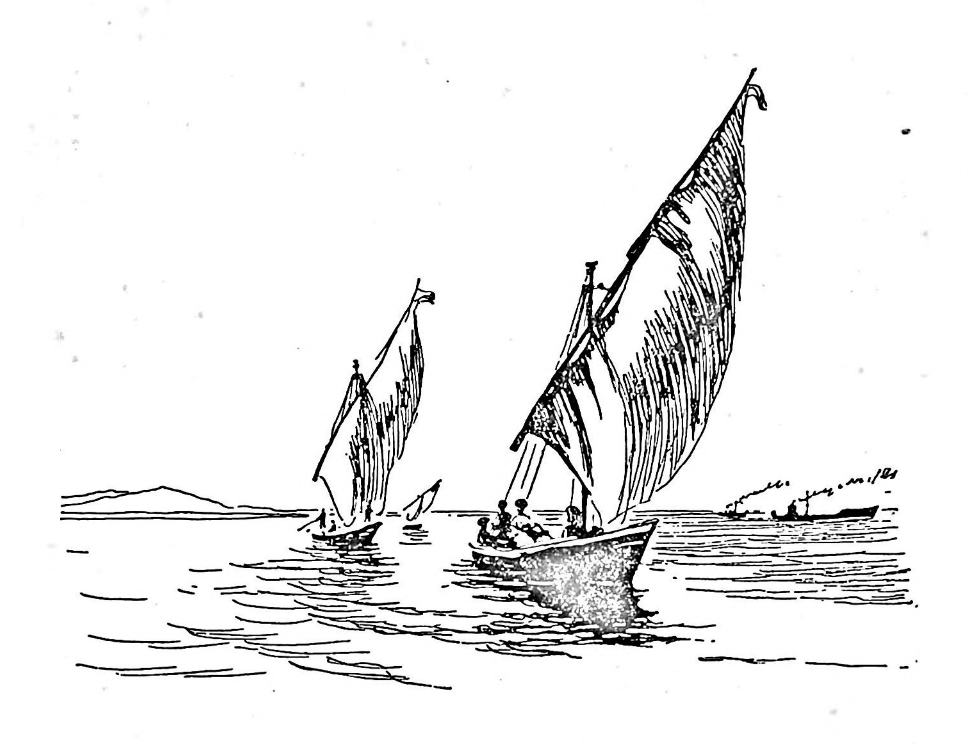

ВДОЛЬ КАСПИЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

0 60 км
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Озеро
Бекдаш
Залив
КАРА-БОГАЗ-ГОЛ
БАКУ
Куули-Маяк
КРАСНОВОДСК
Кизыл-Су
П-ОВ ДАРДЖА
П-ОВ ЧЕЛЕКЕН
ХР. В. БАЛХАН
о. Огурчинский
Чикишляр
Гасан-Кули
Атрек

1

Горы Куба-Даг, стеной нависающие над Красноводском, не являются самостоятельной горной цепью. Это только несколько приподнятая закраина обширной возвышенности, заполняющей почти весь Красноводский полуостров, ограниченный с юга Красноводским заливом, а с севера — заливом Кара-Богаз-Гол.

Возвышенность эту называют Красноводским плато. Приподнятое в южной своей части до высоты в 278 метров, оно постепенно понижается к северу, принимая вид слабохолмистой равнины, изрезанной частыми мелкими оврагами и сухими руслами дождевых по-

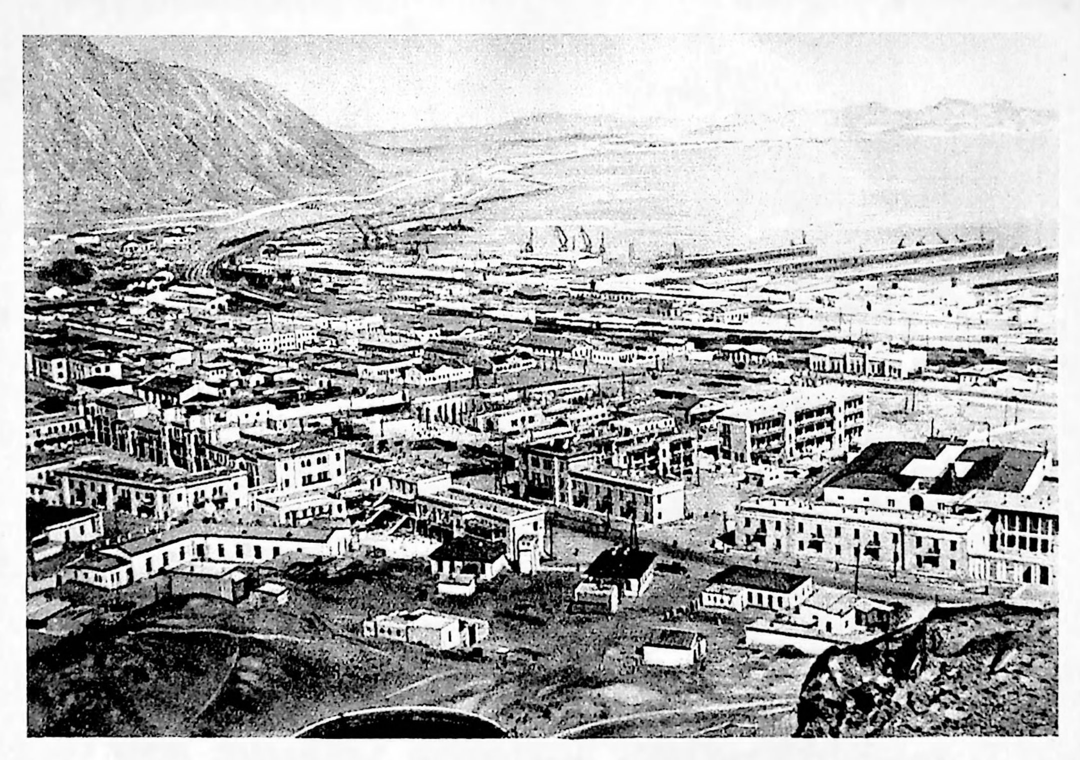

токов Но перед тем как выйти к водам Кара-Богаз-Гола, плато поднимается вновь, достигая в одной точке 267 метров.

Для поверхности плато характерны глубокие впадины и вымоины, наподобие как бы гигантских каменных ванн, из которых спущена вода. Глубина таких ванн достигает 80 и более метров. Недалеко от колодцев Демерджан, в северной части плато, находится впадина глубиной в 100 метров. Геологи говорят о тектоническом происхождении этих впадин-ванн. Сейсмичность района остается высокой и до наших дней. На памяти многих старых жителей Красноводска — катастрофическое землетрясение, которое разразилось летом 1895 года. Толчки начались ночью, в 2 часа 25 минут, а к утру пейзаж многих районов каспийского побережья стал неузнаваем. Поселок Узун-Ада, бывший в то время начальным пунктом Средне-Азиатской железной дороги, перестал существовать. Были снесены все находившиеся в поселке железнодорожные строения, все жилые дома; почва осела, из-под земли била вода. Она смывала рельсы, шпалы, стены. В несколько часов было уничтожено все, что строилось в течение десятка лет. Полотно железной дороги от Узун-Ада до Казанджика было так исковеркано, что движение поездов прекратилось.

Толчки, начавшиеся в июне, продолжались до октября и распространились на громадное пространство — до Самары на севере и Ташкента на востоке.

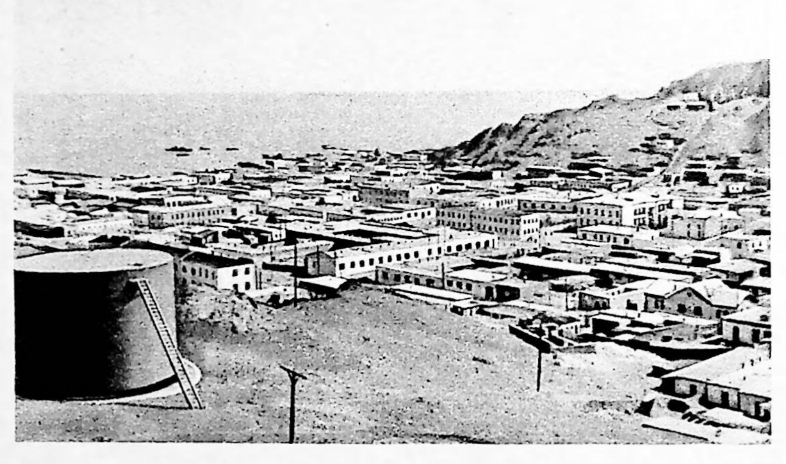
Узун-Ада с тех пор не восстанавливался. Именно землетрясение послужило непосредственным поводом для переноса начального пункта железной дороги в Красноводск. Преимуществом Красноводска была гораздо более значительная глубина залива возле берега, нежели в Узун-Ада. К причалам Красноводского порта пристают морские суда с любой осадкой, а к причалам Узун-Ада могли подходить только

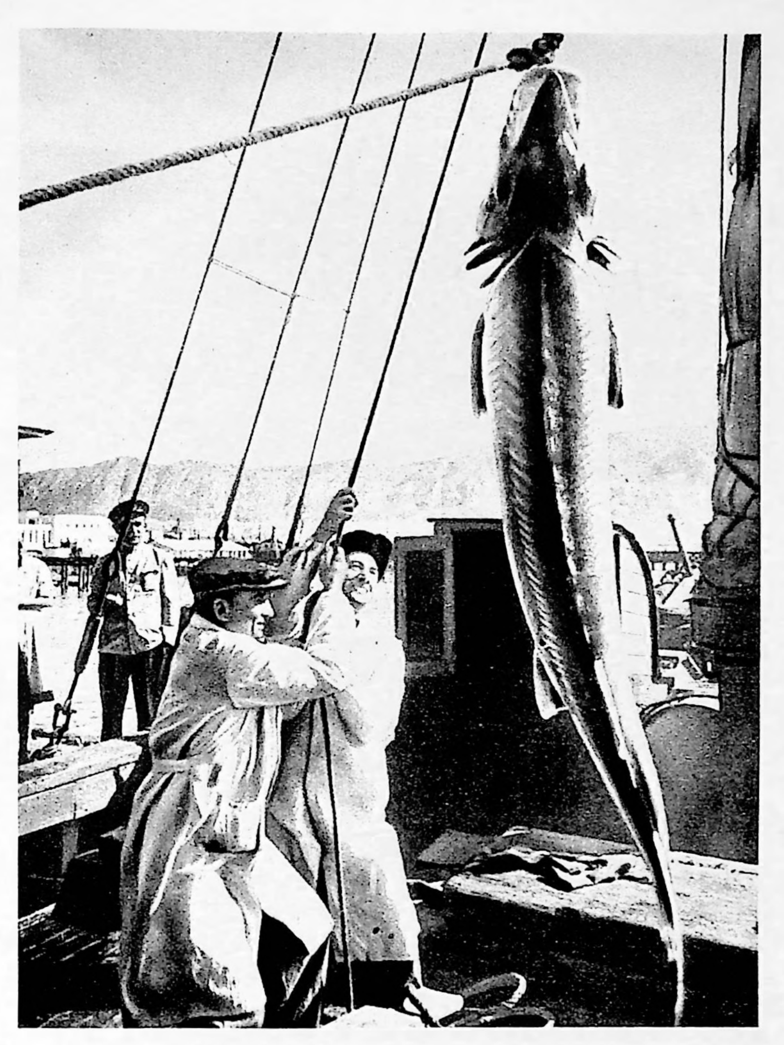
Красноводск — общий вид

Красноводск — новые дома

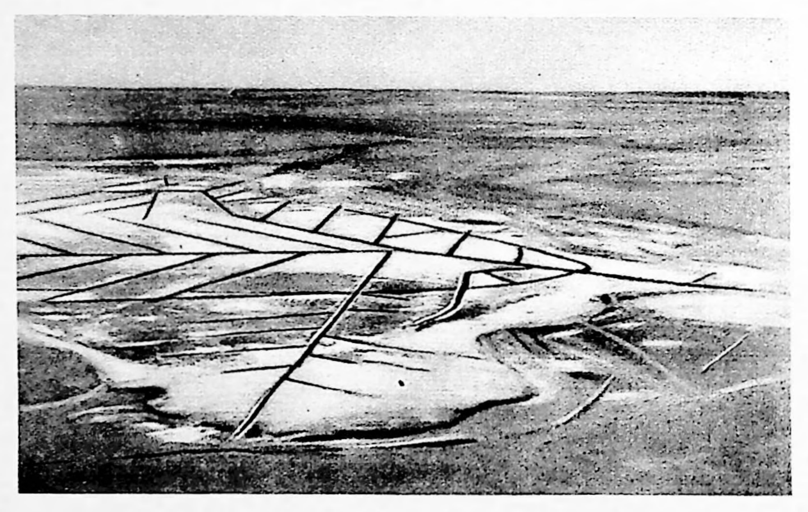
Красноводск — побережье

На рыбопромыслах у Гасан-Кули

Домик в Гасан-Кули

Озеро № 6 на промыслах Кара-Богаз-Гола

плоскодонные баржи. Грузы, шедшие в Узун-Ада, перегружались в открытом море с кораблей на баржи и только так достигали берега.

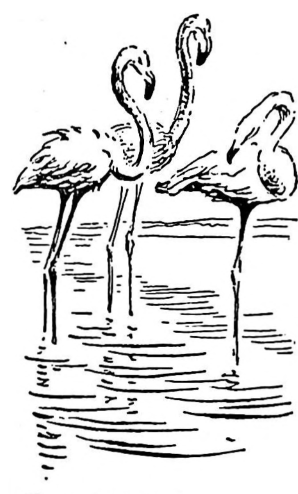
По Красноводскому плато раскинуты редкие колодцы и искусственные ямы для собирания дождевой воды. Эти скудные источники влаги дают возможность немногочисленному населению заниматься скотоводством. Однако природные условия этого района гораздо больше способствуют развитию рыбных промыслов на берегу Каспия и промыслов по добыче сульфата в Кара-Богаз-Голе. Население этих прибрежных рыбачьих поселков и промыслов непрерывно растет.

Большая часть населения туркменского приморья живет в городах и в поселках городского типа. Этот район — один из наиболее «городских» в Туркменской республике.

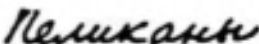
В процессе роста городского, промышленного населения за годы сталинских пятилеток немалую роль сыграло развитие промыслов по добыче сульфата в Кара-Богаз-Голе.

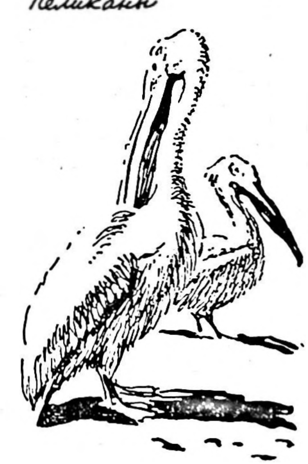
2

Чтобы из Красноводска попасть в Кара-Богаз-Гол, не следует пробираться через неприветливое и труднопроходимое Красноводское плато. Легче проделать этот путь на катере или, еще проще, на автомобиле, который, покинув город, сперва обогнет скалистые кряжи Ша-Кадама, затем повернет на север и, оставляя невысокие холмы Красноводского плато с правой руки, а с левой — узкое и длинное озеро Куули, через четыре-пять часов пути по прибрежным укатанным пескам доставит вас к узкому проливу

Фламинго

между двумя песчаными косами. К востоку от этих песчаных кос раскинулось огромное, таинственное озеро-залив, в течение столетий пугавшее местных жителей загадочными свойствами своей горькой воды. Туркменские рыбаки прозвали этот залив Кара-Богаз-Гол, что в переводе на русский язык означает «Залив Черной пасти».

Залив, заслуживший такое прозвище, принадлежит к числу замечательных географических феноменов.

Уровень воды в заливе, по площади равном Ладожскому озеру, лежит ниже уровня Каспийского моря. В течение многих столетий вода из Каспийского моря с упорной настойчивостью изо дня в день устремляется через узкий пролив в Кара-Богаз-Гол и оттуда девается неизвестно куда. Это и породило у окрестных рыбаков мнение, будто в середине залива есть дыра — «Черная пасть», непрерывно сосущая морскую воду.

На самом деле разница в уровнях залива и моря объясняется тем, что в мелководном Кара-Богаз-Голе происходит гораздо более интенсивное испарение, нежели в море. Каспийская вода, выпариваясь, оставляет в заливе всю свою соль Вода в Кара-Богаз-Голе раз в двадцать более насыщена солями, чем в Каспии. Рыба, занесенная из моря в залив, не может дышать и погибает.

Русские мореплаватели много сделали, чтобы выяснить загадку «Черной пасти». Особенно велики в этом отношении заслуги Г. С. Карелина, обследовавшего Кара-Богаз-Гол в 1836 году, и лейтенанта Жеребцова, возглавлявшего морскую экспедицию в 1847 году.

Карелин писал: «Подтвердилось поверье, с времен Петра Великого существовавшее, что воды Каспийского моря постоянно стремятся в залив Кули-Дарья (так местное население называет порой Кара-Богаз-Гол. — *П. Ск.*), и притом с такой силой, что лодки с величайшим трудом и то бичевою могут выбраться обратно из пролива».

Лейтенант Жеребцов оставил красочное описание Кара-Богаз-Гола, которое надо знать хотя бы в выдержках.

«Северный берег крут и обрывист и состоит из засоленной глины и белого гипса, — писал лейтенант. — Ни травы, ни деревьев. Вдоль восточного берега возвышаются унылые горы, а южный берег низок и покрыт множеством соленых озер.

«Все берега пустынны и не имеют пресной воды. Мной не было обнаружено ни одного ручья, каковой впадал бы в это, поистине мертвое море.

«Удобных бухт для стоянки судов нет, но сие обстоятельство отнюдь не препятствует плаванию, ибо глубины залива ничтожны и всю-

ду одинаковы. Суда могут останавливаться в любом месте. Имеющиеся бухты настолько мелки, что шлюпки останавливаются в кабельтове от берега и люди идут на сушу по косточку в воде полчаса, а то и больше.

«Ни подводных камней, ни рифов, ни островов на пути корвета не встречалось... Беспокойство представляют лишь жестокие ветры, дующие с востока и разводящие крутую, высокую волну. Вода в заливе имеет чрезвычайную соленость и плотность, почему удары воды гораздо сокрушительнее, чем в море. Но штормовой ветер, в отличие от моря, разводит волну в заливе как бы с большой натугой. Сие приводит к весьма забавному зрелищу, когда один и тот же ветер успевает поднять в море шторм, а в заливе за узкой косой господствует еще затишье. После бури волны залива успокаиваются медленно, и берега в течение долгих часов сотрясаются тяжелой мертвой зыбью.

«При подходе к заливу оный рисуется в виде купола из красноватой мглы, пугающей с давних времен мореплавателей. Полагаю, что явление это объясняется сильным испарением Кара-Бугаза. Надлежит помнить, что залив окружен раскаленной пустыней и является, если будет уместно сие сравнение, большим котлом, где вскипает каспийская вода.

«Грунт залива весьма замечателен: соль, а под ней известковая глина. Соль, полагаю, особенная, не того состава, что обыкновенная, употребляемая в пищу и для засола.

«Пребывание, даже кратковременное, в водах сего залива порождает чувство великого одиночества и тоску по местам цветущим и населенным. На всех берегах залива на протяжении сотен верст мною не было встречено ни одного человека, и, кроме горчайшей полыни и сухого бурьяна, я не сорвал ни одной травинки. Только соль, пески и всеубивающая жара властвует над сими негостеприимными водами...

«Вода была мало прозрачна. В ней плавали мертвые рыбы, занесенные из моря. На берегу мы нашли великое множество этих мертвых соленых рыб.

«На вторые сутки, продвигаясь вдоль северного берега, мы достигли косы Кара-Сукут, где обнаружили на воде обширные красноватые полосы пены. Удивленный неестественным цветом пены, я приказал спустить шлюпку и отправился к ближайшей пенной полосе. Зачерпнув пену, я увидел в ней красную, очень дробную рачью икру и подивился тому, что икра может существовать в столь едкой воде. Засим я направился ко второй пенной полосе, несколько более пышной и розовой. Произошел казус. Пенная полоса, гулко гогоча, поднялась в небо

и с неуклюжей тяжестью пронеслась над нашей шлюпкой и обомлевшими гребцами. То была стая фламинго, сидевших на реке (то есть в заливе.—*П. Ск.)* и питавшихся рачьей икрой. В Кара-Сукуте наблюдали мы несметное количество диких гусей и злых пеликанов, называемых по-здешнему «бабами.»

Трудно что-либо добавить к этому яркому описанию, исключая разве то, что фламинго теперь редко залетают в Кара-Богаз-Гол. Излюбленное место их зимовок — берега реки Атрек, протекающей на крайнем юго-западе Туркменистана.

Устарело и утверждение, что на берегах Кара-Богаз-Гола нельзя встретить ни одного человека. За годы сталинских пятилеток некогда мертвый залив стал местом жительства для многих сотен рабочих, занятых на промыслах по добыче сульфата. Ибо Жеребцов был прав: соль, оседающая на дно и берега залива, — это действительно не обыкновенная поваренная соль, «употребляемая в пищу или для засола». Из солей Кара-Богаз-Гола особенно важна так называемая десятиводная глауберова соль, или мирабилит. Из этой соли путем сушки на солнце получают сульфат натрия, весьма ценное исходное сырье для химической промышленности.

Добыча сульфата

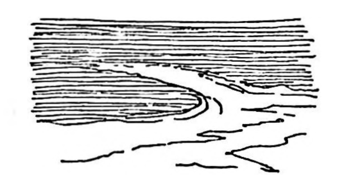

В соединении с углем, известняком или кварцевым песком сульфат дает каустическую соду, серную кислоту, сернистый натрий, сульфогидрат, натрий и другие вещества, столь нужные промышленности и сельскому хозяйству.

Кара-Богаз-Гол — крупнейшая в мире естественная фабрика сульфата.

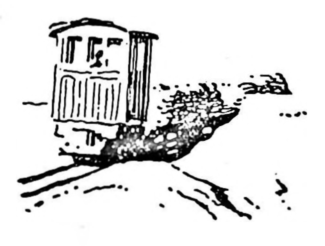
Мирабилит сам, без какого-либо постороннего вмешательства, выпадает из воды и выбрасывается волнами в таком обилии, что его можно, как песок, сгребать лопатами и насыпать в мешки. К сушке на

солнце выпавшего мирабилита и сводится, собственно, весь производственный процесс добычи сульфата. Единственными условиями, необходимыми для оседания мирабилита, являются температура воды, не превышающая + 4—6°С, и непрерывное смешивание вод залива со свежей морской водой. Эти условия естественно возникают на берегах Кара-Богаз-Гола в зимние месяцы, с января по апрель, когда температура воды в заливе равняется 4—6 градусам тепла.

С апреля вода начинает нагреваться, и выпавший мирабилит снова растворяется; таким образом, добыча сульфата имеет сезонный характер.

Общие запасы мирабилита в Кара-Богаз-Голе исчисляются большими количествами. Практически их нужно считать неисчерпаемыми. О том, что эти запасы могли бы приносить пользу отечественной промышленности, еще в 1897 году писал химик А. А. Лебединцев. Но лишь Октябрьская революция решила вопрос о создании сульфатных промыслов. Исключительную роль в этом сыграл Владимир Ильич Ленин. Страна была в блокаде, еще бушевало пламя гражданской войны, когда Владимир Ильич в проектной записке о развертывании социалистической промышленности уже указывал на великую ценность карабогазского сульфата.

Вывозка сульфата

В годы первой сталинской пятилетки промыслы Кара-Богаз-Гола вступили в строй. Чтобы дать им жизнь, пришлось побороть великие препятствия, которые многим казались непреодолимыми. Главным препятствием были особенности щедрого на летний зной туркменского климата и отсутствие пресной воды. В районе залива были обнаружены уголь кварцевый песок, строительные материалы, гончарная глина, маг-

ниевые соли и разные другие ценные ископаемые. Не нашли только самого драгоценного — пресной воды. Тогда воду стали доставлять в специальных баржах с кавказского берега. Доставляли не только воду Все — до последнего гвоздя, до щепки, чтобы развести самовар, до веника, чтобы подметать полы в общежитиях, — приходилось везти морским путем из Баку, Махачкалы или Астрахани.

Но все эти трудности были преодолены. Уже второе десятилетие промыслы Кара-Богаз-Гола принадлежат к числу передовых социалистических предприятий Советского Туркменистана.

Однако в последние годы в режиме залива, а следовательно, и на промыслах, произошли неожиданные резкие изменения. Эти изменения столь серьезны, что промыслы южного берега в конце концов пришлось закрыть. Вся добыча мирабилита из залива перенесена в так называемое «озеро № 6» на северном побережье.

Что же случилось?

А случилось то, что связь между заливом Кара-Богаз-Гол и морем сократилась, перестала быть постоянной. Это сразу изменило химический режим в заливе, изменило всю обстановку на промыслах. Для выпадания мирабилита необходимо, чтобы вода залива смешивалась с морской водой. Но пролив из-за обмеления Каспийского моря заполнило песком, и это обстоятельство затруднило проникновение в залив морской воды.

Однако сульфат нужен стране попрежнему. Тогда решили делать искусственно то, что прежде легко получалось само собой. Стали накачивать воду по трубам в «озеро № 6», где и происходит выпадание мирабилита. Было бы неразумно искусственно накачивать воду из моря в грандиозный водоем залива. Это потребовало бы огромных технических усилий и затрат. «Озеро № 6» представляет собой небольшой водоем, лежащий севернее Кара-Богаз-Гола, и для получения нужной смеси достаточно сравнительно незначительного количества морской воды, добавляемой к воде залива, которая идет в озеро из Кара-Богаз-Гола.

Новый способ бассейнизации — более совершенный. Он устраняет зависимость от капризов природы.

Советские люди нашли выход из положения, созданного таким непредвиденным и чрезвычайным обстоятельством, как понижение уровня моря.

3

Что уровень Каспийского моря подвержен колебаниям, было замечено давно. В записках многих путешественников XVIII и XIX веков имеются на это весьма определенные указания.

Совершим мысленное путешествие по туркменскому побережью и сопоставим факты и наблюдения нынешнего дня с тем, что нам известно об этих местах из записей прошлого.

Начнем с севера.

Залив Кара-Богаз-Гол ни один мореплаватель никогда не называл озером. Исследователи XVIII и XIX веков всякий раз обязательно упоминали о проливе, соединяющем залив с морем. О том же говорят и народные туркменские и казахские предания. Однако пролив этот на наших глазах сильно сократился. Это свидетельствует о том, что Каспийское море сейчас значительно понизило свой уровень по сравнению с прошлым.

Южнее Кара-Богаз-Гола вдоль берега вытянулось длинное и узкое озеро Куули, известное своими промыслами поваренной соли. Еще сравнительно недавно — на памяти многих старых жителей побережья — оно считалось морским заливом. Теперь озеро Куули прочно отделено от моря широким перешейком из ракушечника и песка.

Еще дальше к югу в море вдается узкая и плоская Красноводская коса, на которой 230 лет назад было основано Бековичем-Черкасским первое Красноводское укрепление. Южная оконечность косы и северные берега Челекена образуют пролив. Каждое судно, идущее в Красноводск или из Красноводска, обязательно огибает эту косу, держась средней части пролива.

Еще пятьдесят лет назад пролив был судоходен во всей своей ширине. Теперь остался только узкий канал, по которому проходят морские суда. В остальных местах пролив доступен лишь для рыбацких шаланд да мелкосидящих катеров, поддерживающих связь между Красноводском и рыбацкими поселками.

Бекович-Черкасский, давая описание Красноводского залива, называет два острова, которые в те времена ограничивали залив с юга,— остров Нефтяной и остров Дарган. Теперь этих островов нет. Остров Нефтяной зовется Челекеном, остров Дарган — это нынешняя Дарджа. Но и Челекен и Дарджа уже не острова. Дарджа стал полуостровом еще в конце XVIII века, а Челекен соединился с материком в самые последние годы. Со времени, когда жил Бекович, уровень Каспийского моря понизился, и вода отхлынула от проливов, отделявших и Дарджу и Челекен от материка.

Между северными берегами полуострова Дарджа и южным обрывом Красноводского плато еще недавно был морской залив, вдававшийся в сушу на десятки километров. Путник, подъезжая к Красноводску со стороны Ашхабада, за много часов до конца путешествия уже видел за окном вагона широкую синюю гладь моря Больше ста километров поезд шел по берегу, и если это было зимой, пассажир

удивлялся обилию уток и другой птицы, которая заполняла залив. На длительных стоянках поезда пассажир мог сесть в лодку и просто веслом набить сколько угодно уток. Теперь, подъезжая к Красноводску со стороны Ашхабада, не видишь вблизи ни уток, ни воды. На месте голубого залива протянулась сухая, песчано-солончаковая равнина.

На картах, составленных в XVIII столетии, можно увидеть и другой глубокий залив, вдававшийся в сушу южнее острова Дарджа. Он доходил почти до подножия горных хребтов Большого и Малого Балханов. Посредине этого залива на карту были нанесены два острова — Нефтяная гора (Небит-Даг) и Мунжуклы. Заливу было присвоено название Хивинского.

В XIX веке этого залива уже не видел ни один путешественник. И Муравьев (1821), и Басаргин (1826), и Карелин (1836), и более поздние исследователи даже выражали сомнения, что Хивинский залив когда-нибудь существовал. Они упоминали лишь о большом соленом озере, окружавшем Нефтяную гору и холм Мунжуклы.

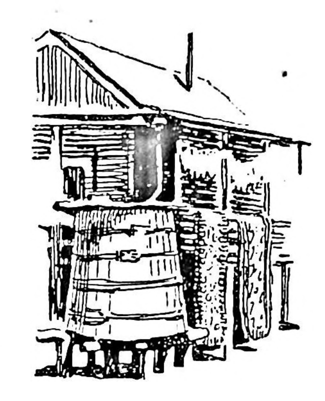

А еще через сто лет уже не оказалось ни залива, ни озера. Холмы Небит-Дага и Мунжуклы теперь окружены просто большим солончаком Баба-Ходжа, через который проложена дорога, соединяющая нефтяные промыслы с железнодорожной станцией и городом Небит-Даг.

О том, что уровень Каспия понизился, говорит и более южное побережье, расположенное между Челекеном и иранской границей.

Самым крупным населенным пунктом этого голого берега, открытого всем набегам морских волн, является городок Гасан-Кули. На всех картах, издававшихся до Великой Отечественной войны, Гасан-Кули обозначен

как порт. Теперь в Гасан-Кули нет ни одного метра морского берега. «Порт» Гасан-Кули со всех сторон окружен сушей. Море отошло от него на десяток километров, и морскую даль не увидишь, если влезешь даже на самую высокую городскую крышу. Впрочем, высоких крыш в Гасан-Кули нет; бывший портовый, ныне сухопутный поселок Гасан-Кули застроен одноэтажными деревянными домиками.

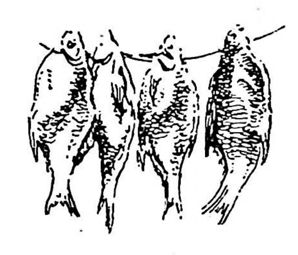

В течение геологической истории Земли уровень Каспийского моря значительно колебался — то опускался, то вновь поднимался. Но за обозримое нами историческое время уровень Каспия понизился, хотя на отдельные периоды вода в нем и прибывала.

Особенно упал уровень Каспия в последние годы.

Какие же надо видеть к тому причины?

За год Каспийское море теряет на испарение около 500 кубических километров воды. Если эту испарившуюся воду распределить по поверхности моря, то окажется, что за год море теряет слой воды толщиной, кругло говоря, в метр. Примерно такое же количество воды вливается в море из рек. Главную массу воды приносит Волга, остальную часть дают прочие реки Каспийского бассейна, а также дожди и снегопады. Выражаясь по-бухгалтерски, ежегодный приход и расход воды в Каспии в общем сбалансирован.

При таком шатком балансе любое, даже самое незначительное, изменение в режиме рек должно сразу же вызвать повышение или понижение каспийского уровня. Принесет Волга или Урал воды больше обычного — и уровень моря поползет вверх. Оскудеют реки — и уровень понизится. Прольются над Волгой из года в год обильные и продолжительные ливни — и Челекен вновь вернется в первобытное состояние

Грязевой вулкан

острова. Но стоит разразиться над всем Каспийским бассейном небывалой засухе — и Челекен будет полуостровом.

Период последних пятнадцати лет в бассейне Волги особенно отличался маловодностью и высокими температурами, и это отозвалось понижением уровня Каспия.

Нет ничего невозможного и в том, что по той или иной причине на Каспии происходят какие-то изменения с морским дном, сказывающиеся на высоте уровня моря.

Советские ученые ведут большую работу по исследованию этих сложных, недостаточно еще изученных, процессов. Имеются предположения, что дальнейшего сколько-нибудь значительного понижения уровня Каспия не произойдет.

4

Из Красноводска автомобильная дорога ведет на север, в сторону Кара-Богаз-Гола. Железнодорожный путь бежит на восток — мимо Небит-Дага, мимо Балханских гор, к Ашхабаду и дальше — на Бухару и Ташкент. Морские пути раскинулись веером: на запад — к Баку и Махачкале, на север — к Астрахани и на юг к Челекену, острову Огурчинскому, Чикишляру и Гасан-Кули.

Морские пути на юг могут считаться как бы внутренними транспортными линиями Туркменистана. Ими пользуются в основном местные рыбаки да работники различных, разбросанных по побережью, промыслов, среди которых наибольшее значение имеют промыслы полуострова Челекен.

Челекен, если подъезжать к нему с моря, открывается взору как песчаная низменность, почти всегда подернутая легкой дымкой. Центральная часть западного берега приподнята над морем на 25 метров. Эта возвышенная часть Челекена носит название Чохрак. В центре полуострова она поднимается еще более. Вокруг Чохрака гуляет ветер и громоздятся барханы.

Греческий географ Страбон, живший девятнадцать столетий назад, рассказывая о странах, лежащих к востоку от Гирканского (то есть Каспийского) моря, писал: «Землекопы открыли возле реки Оха масляные источники. Действительно, если в этой стране встречаются источники щелочные, асфальтовые, клейкие, сернистые, то, вероятно, там можно найти и источники масляные».

Река Ох, упомянутая Страбоном, это Атрек, впадающий в Каспийское море к югу от Челекена. Еще и теперь местное население именно так называет эту реку. Страна же, в которой, по свидетель-

ству ученого грека, можно найти источники масляные, асфальтовые, щелочные, клейкие и сернистые, — это, без сомнения, Челекен, и ныне являющий удивительное разнообразие редких источников. Академик А. Е. Ферсман увлеченно сказал, что на Челекене «все бурлит и кипит, всюду текут горячие источники, насыщенные разными солями».

Рисуя своеобразную природу Челекена, Ферсман писал: «...этот остров заслуживает совершенно исключительного внимания, а отдельные участки его должны быть объявлены государственным заповедником. Совершенно голый, лишенный даже кустарниковой растительности, окруженный кольцом барханных грядовых песков, Челекен возвышается на 100 метров над уровнем Каспийского моря. Целый лес нефтяных вышек разнообразит голую и безотрадную картину острова с населением около 2 тысяч человек; часть из них связана с промыслами и работает по добыче нефти и озокерита, другая — занимается рыболовством и постройкой судов, населяя совершенно исключительный для Туркмении аул Карагель, где, во избежание морского прибоя и песчаных заносов, все дома носят характер как бы свайных построек...»

Нефть и озокерит были первыми богатствами Челекена, которые привлекли к нему внимание исследователей.

О нефтяных источниках на острове (тогда Челекен был островом) писали все русские путешественники XVIII и XIX веков. Бекович-Черкасский, обнаружив на Челекене нефть, бьющую из земли фонтаном, назвал остров Нефтяным. Впрочем, Бекович был не первым русским, побывавшим на Челекене.

За полвека перед тем на острове Нефтяном делал остановку Степан Разин, плывя в Астрахань из Персии.

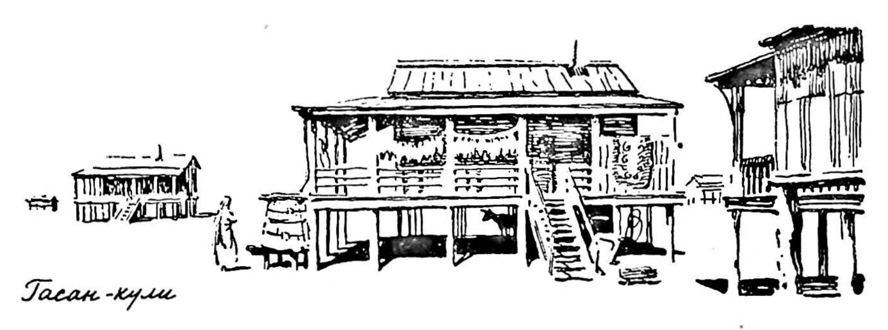
Промышленная добыча челекенской нефти началась в конце XIX века. Расцвет ее падает на 1909 — 1912 годы. Позднее нефтедобыча стала падать.

Зато неизменно шла в гору добыча озокерита. Озокерит, или, как его называли прежде, горный воск, является весьма редким, ценным минералом. Из озокерита вырабатывают церезин — незаменимый материал для пропитывания тканей, чтобы придать им водонепроницаемость и электроизолирующие свойства. На земном шаре очень мало озокеритовых промыслов.

Добыча горного воска на Челекене началась в глубокой древности. Говоря об асфальтовых источниках на берегу Гирканского моря, Страбон имел в виду именно челекенский озокерит, порой называемый и теперь еще естественным асфальтом.

На озокеритовых промыслах в годы Великой Отечественной войны была занята примерно четверть всего населения Челекена.

Обилие родников на Челекене и в наши дни так же велико, как

во времена Страбона. Температура воды одного из родников достигает 63 градусов. Вода, изливающаяся из старых нефтяных скважин, порой бывает нагрета до 70—73 градусов. Есть скважины, откуда горячая вода вырывается через определенные промежутки времени, точно под землей, где-то в глубоких недрах полуострова, работает гигантский насос.

Иные возвышенности Челекена имеют на своих вершинах круглые, как бы заасфальтированные, площадки. Это застывшие грязи бывших кратеров. В иных кратерах скопилась вода, образовав идеально круглые озера. Цвет воды в одном из таких озер совершенно розовый. Это розовое озеро находится в непрерывном кипении. Сохранились и действующие сопки. Кратер одной из них наполнен нефтью, через которую то и дело прорываются газы. Породы, складывающие Челекен, так переломаны и перемешаны, что это дало повод известному исследователю Челекена Н. И. Андрусову сравнить Челекен с «разбитой тарелкой». Академик Ферсман называл Челекен «подогреваемой сковородкой».

На Челекене действительно все бурлит и кипит. Тут и там извергаются газы. Извергается нефть. Изливаются различные подогретые и холодные грязи, и бьют — теплые и холодные — железистые, иодистые, бромистые и сернистые воды.

Все эти грязи и воды пристально изучаются советскими учеными, открывающими в них все новые и новые ценности.

К традиционным для Челекена нефтяным и озокеритовым промыслам за годы сталинских пятилеток прибавилась еще добыча иода и брома.

О том, что буровые воды Челекена насыщены иодом, знали и в царской России. Но до революции на острове было добыто всего двести килограммов иода. Теперь добыча иода возросла в десятки раз.

Еще значительнее выработка брома. Если в литре челекенской воды растворено 25 миллиграммов иода, то брома в том же литре содержится до 1 000 миллиграммов, то есть целый грамм. Такая насыщенность воды позволяет считать запасы брома на Челекене неисчерпаемыми. В послевоенной сталинской пятилетке все эти производства значительно расширяются.

Добыча ископаемых богатств сосредоточена в возвышенной части Челекена. Низменная часть полуострова — это типичная пустыня. Пропитанные солью челекенские глины легко превращаются в пыль, которая при малейшем движении ветра взлетает в воздух и долго не опускается на землю. С моря Челекен редко бывает хорошо виден именно из-за этой мелкой, плотной, бесцветной пыли, которая лишает воздух прозрачности. В дни, когда налетает пыльная метель, солнце в безоблачном небе висит без лучей, бесцветное и похожее на луну.

Население Челекена — это главным образом промысловые рабочие, добытчики нефти, горного воска, иода, брома. Рыбачество — их второе, подсобное дело.

Рыбаками-профессионалами туркменского приморья надо считать жителей Кизыл-Су на Красноводской косе, жителей острова Огурчинского, вытянувшегося длинной полосой к югу от Челекена, и жителей Гасан-Кули, до которого от Челекена морским путем около двадцати часов ходу на самом быстроходном рыбацком катере.

5

Плавание по Каспийскому морю всегда чревато неожиданностями. Даже в самый безветреный день морская гладь, похожая на сияющий зелено-голубой паркет, совер-

шенно внезапно и без всякой видимой причины может превратиться в кипящий котел. Плоские валы, тяжелые, как жидкое стекло, начнут переваливать судно с боку на бок, хотя при выходе из гавани ничто не предвещало перемену погоды. Да погода как будто и не изменилась. То же стоит в чистом небе беспощадное солнце, та же тишина в воздухе. Ничто не говорит о близости шторма. Однако поверхность воды живет все более деятельной и беспокойной жизнью. Валы становятся круче. Они уже не только медленно набухают и спадают — они обрели быстрое поступательное движение, и на их вершинах вскипают белые гребни. Бывает, не успеешь и оглянуться, как судно уже всецело во власти многотонных водных громад.

Тяжелый пароход, и тот не остается безразличным к этой грозной морской силе. Туркменские же рыбаки нередко оказываются перед лицом бури в простом баркасе, а то и в совсем уже утлой лодчонке, так называемом таймуне. И остаются победителями. Прославленные наездники, туркмены вполне заслужили звание и отменных мореходов. Вспомним 1936 год, когда вся Советская страна впервые услышала о таймунах. Тогда 15 туркменских рыбаков-таймунщиков на своих легких суденышках за три недели проделали грандиозный переход от Красноводска до Москвы — по морю, Волге, Оке и Москве-реке.

Туркменский рыбак не покидает моря в течение почти круглого года. Рыбная ловля в разные сезоны происходит в разных районах моря.

Ранней весной, в феврале и марте, наибольшую добычу дают участки против острова Огурчинского и Гасан-Кули. Именно сюда собираются рыболовецкие артели со всех каспийских побережий — от Астрахани,

Махачкалы, Гурьева, Красноводска и Баку. Позднее суда передвигаются на запад, к берегам Азербайджана, к Ленкорани. Потом лов пойдет в дагестанских водах. Еще спустя месяц рыбачьи флотилии уже видны у северных берегов Каспия. Лишь описав полный круг вдоль побережья и использовав все сезоны лова, таймуны и баркасы, построенные руками челекенских и гасанкулийских мастеров, на короткий срок возвращаются к родным берегам.

Одним из крупнейших центров туркменского рыболовства является Гасан-Кули, расположенный в трехстах километрах к югу от Красноводска.

Когда-то этот город рыбаков стоял на самом берегу. Теперь, когда пассажирам объявляют: «Приехали, вот он, Гасан-Кули! Высаживайтесь», — они к удивлению своему видят, что судно кинуло якорь в открытом море: ни города, ни берега не различишь даже в бинокль.

Из-за мелководья суда, идущие в Гасан-Кули, останавливаются на рейде. Пассажиры пересаживаются на большие рыбацкие лодки. Лодки на веслах, а если есть ветер — на парусах, направляются в сторону берега. Но, пройдя несколько километров, останавливается и лодка. Берега еще не видно, но уже песок то и дело царапает дно лодки. Приходится оставлять килевую лодку и пересаживаться в плоскодонку, а еще через полчаса, когда весло начнет цепляться за песок при каждом взмахе, придет очередь расстаться и с этим последним видом водного транспорта и вновь пересаживаться, теперь уже на арбу, которая еще не меньше получаса будет тащиться по воде, прежде чем, наконец, начнется берег.

Впрочем, где именно кончается море и начинается берег, уследить невозможно.

Море у гасанкулийских берегов напоминает огромную мелкую лужу, по которой бежит некрупная рябь. Если ветер усиливается, рябь становится крупней. Тогда плоская, мелкая волна далеко раскатывается по плоскому берегу, чтобы затем откатиться назад, обнажая сырую глинистую равнину, какая протянулась на десятки километров вдоль берега и окружила Гасан-Кули со всех сторон.

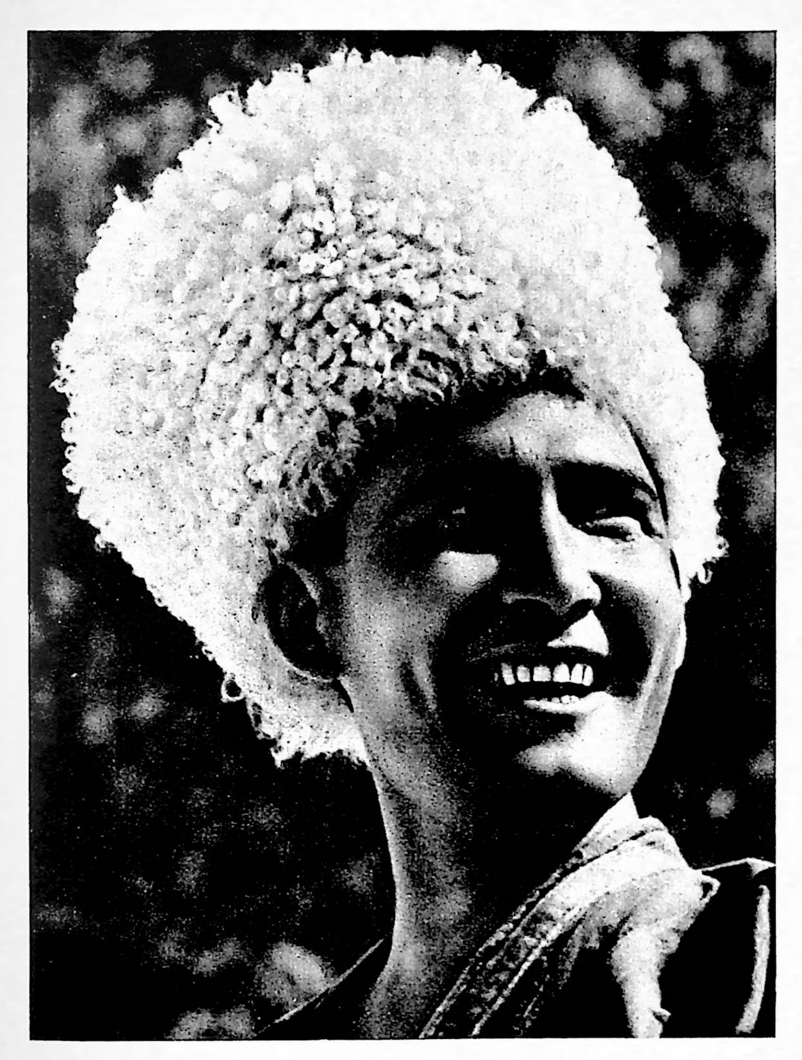
Первое, что привлекает внимание каждого, кто раньше не бывал в этом городке, — это то, что все дома Гасан-Кули построены на сваях. Прежде, когда море было близко, сваи оберегали дома от набегов волн. Теперь, когда воды Каспия ушли за горизонт, пространство, огороженное сваями, используется горожанами в качестве сараев или стойл для скота.

Гасан-Кули — сплошь деревянный город. Это единственный деревянный город не только в Туркменистане, но и во всей Средней Азии. Одноэтажные бревенчатые или дощатые дома его стоят на толстых деревянных сваях и крыты серым тесом. Вокруг каждого дома разбита неширокая веранда, на перилах которой обычно сушатся рыба и сети. Между сваями, под полом, в образовавшемся укрытии, стоят ослы, на которых население Гасан-Кули ездит за топливом и за водой. Кругом ни деревца, ни куста, так как пресной воды, подобно Красноводску, нет и здесь. Воду дают зимние и весенние дожди да опреснитель, когда-то стоявший на морском берегу, а теперь оказавшийся среди суши, так что морская вода к нему доставляется по трубам. Для сбора дождевой воды у водостоков каждой крыши расставлены большие чаны. Дождевая вода сохраняется также в объемистых металлических бидонах, которые вы увидите в каждом доме, если не в каждой комнате. Когда бидоны и чаны пустеют, гасанкулийцы едут по Чикишлярской дороге за несколько километров, к колодцу Хаджи-Махтум. За топливом приходится ездить и еще дальше, за десять-пятнадцать километров, к поросшим камышами берегам Атрека.

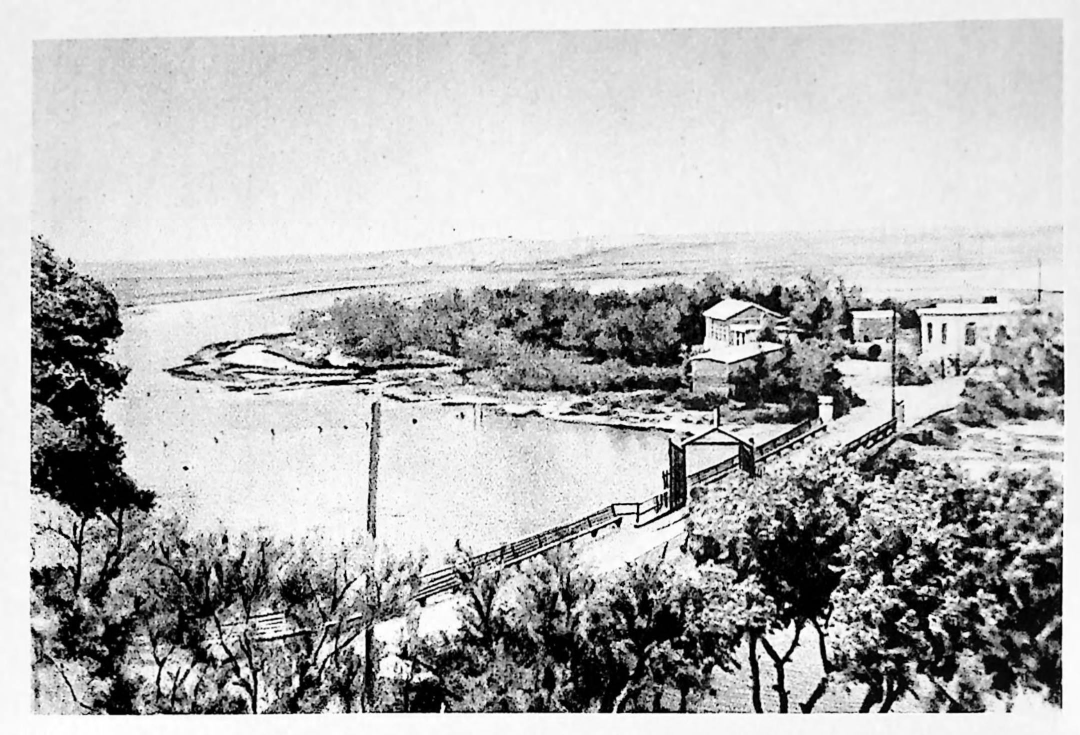
Гасанкулийские женщины — великие мастерицы ковроделия. Поэтому на верандах, в жилых помещениях, в Доме рыбака и везде, заменяя и украшения, и мебель, разостланы и развешаны ковры. Их смелая, скупая на расцветку, красота придает особый стиль этому деловитому деревянному городку, пропахшему рыбой.

Гасан-Кули — последний крупный населенный пункт южной части каспийского побережья. В нескольких километрах от него по одному из рукавов реки Атрек проходит граница СССР с Ираном. Дальше к югу на горизонте синеют далекие хребты иранского Эльбруса.

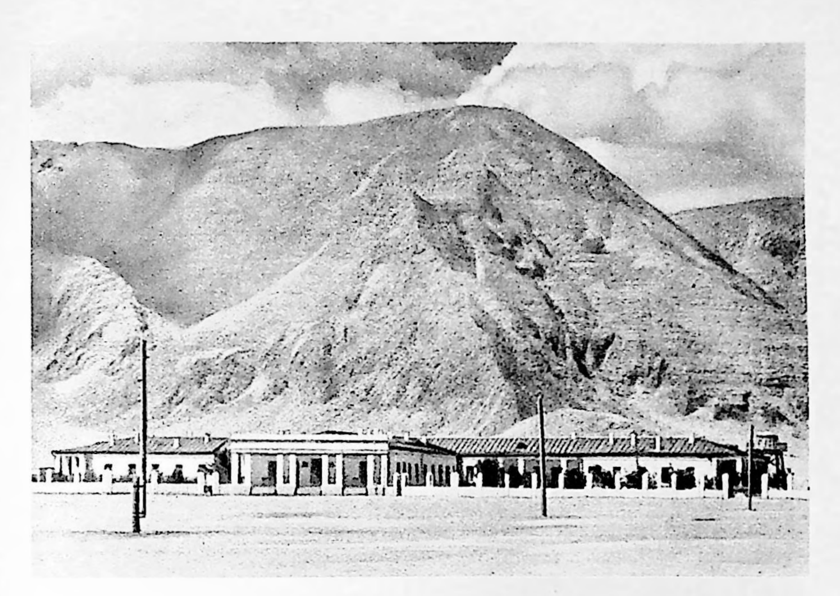
Теперь дельта Атрека пустынна. А когда-то здесь находился центр богатой и могущественной страны — Гиркании. Еще остались некото-

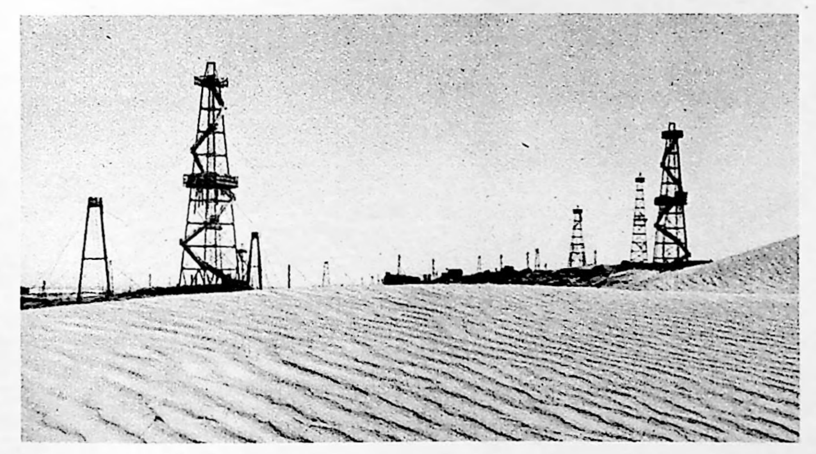
Молодой туркмен

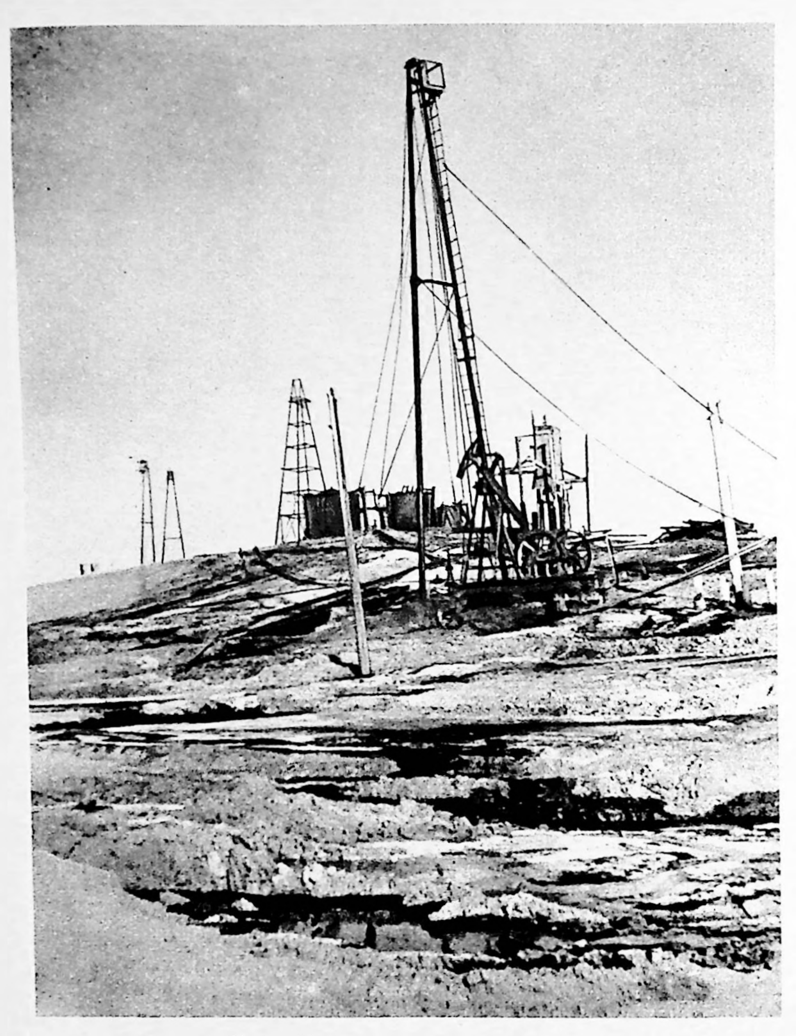
Санаторий в Мола-Кара

Небит-Даг

Нефтяные промыслы на Небит-Даге

Небит-Даг. Добыча нефти насосом

рые ирригационные сооружения, помогавшие жителям Гиркании бороться с безводьем. Это была система ям для собирания дождевых вод, мощные земляные валы, направлявшие воды в хранилища и арыки.

Атрек оскудел водой. Большую часть года он в нижнем своем течении лежит в виде сухого русла, и лишь заросли камыша говорят о том, что перед нами река, а не просто случайный неглубокий овраг.

Из культурных учреждений Гасан-Кули особенно примечателен птичий заповедник, занимающий обширную площадь от аула Чикишляр на севере до государственной границы на юге и до бугров Кара-Баба на востоке.

Со второй половины сентября на берега Атрека слетаются птицы из самых отдаленных областей Азии и Европы. Гуси, утки, белые и серые цапли, тяжеловесные пеликаны, розовые фламинго здесь проводят зиму, чтобы в конце марта начать отлет в места летнего гнездования.

Заботясь о сохранении таких редких птиц, как фламинго и пеликаны, о защите зимовий промысловых птиц Севера, советское правительство, по инициативе профессора Лаптева, учредило здесь заповедник. К сожалению, Атрек с каждым годом все больше высыхает, и это уже начало сказываться на заселенности заповедника. Птицы, не уверенные в том, что им хватит воды до весны, прилетают сюда все в меньшем количестве. Поредел и наиболее драгоценный отряд фламинго. Прежде берега Атрека в декабре казались подернутыми как бы розовым туманом от обилия этих больших красивых пернатых.

Высыхание Атрека изменило и жизнь морских прибрежных вод. К дельте Атрека собирались для икрометания огромные стаи рыб. Когда река почти перестала вливаться в море, часть рыбы в поисках пресных вод стала уходить в другие места. Теперь во избежание этого прорыт специальный канал, который в надлежащее время доводит до моря воду Атрека.

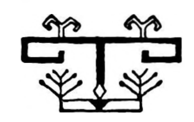
Уловы гасанкулийских, челекенских, кизылсуйских, огурчинских и других колхозов непрерывно растут. В этом сказалось преимущество колхозного хозяйства, передовой техники перед старинными способами «единоличной» ловли. Быстрые моторные баркасы, дрифтеры и разведка рыбы с самолетов позволяют рыбакам-колхозникам побеждать капризы моря. Большую помощь рыболовецким колхозам оказывает созданная советским государством рыболовно-моторная станция.

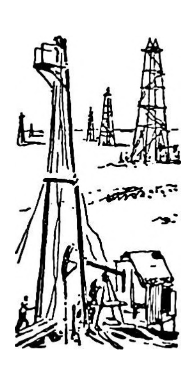
Выслеживать таинственные пути рыбьих стай активно помогают старики-таймунщики. Они в колхозах считаются столь же искусными мастерами лова рыбы, как мергени в горах Туркменистана считаются мастерами охоты. Проводя всю жизнь на море, эти старики знают

множество примет. По окраске морской волны, по крику чаек, по полету надводной птицы они безошибочно определяют, куда ушла сельдь, где в обилии скопилась вобла или другая промысловая рыба. И почти не бывает случая, чтобы сети артели, в которой ловом руководит такой мастер, были вынуты из воды пустыми.

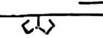
Обработка рыбы, добытой в путину, производится на заводах в Гасан-Кули и в Кизыл-Су, на Красноводской косе или в самом Красноводске. За годы сталинских пятилеток эти заводы превратились в крупные предприятия, оснащенные современной техникой. Например, в Красноводске недавно, кроме засола, введено и консервирование рыбы.

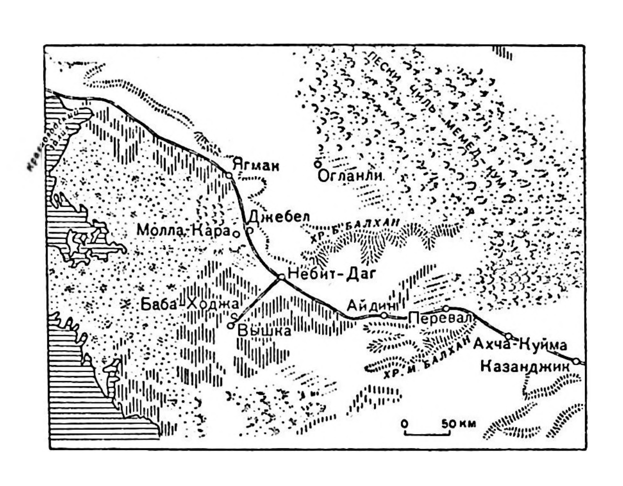
Туркменское приморье становится важным районом рыбной промышленности.

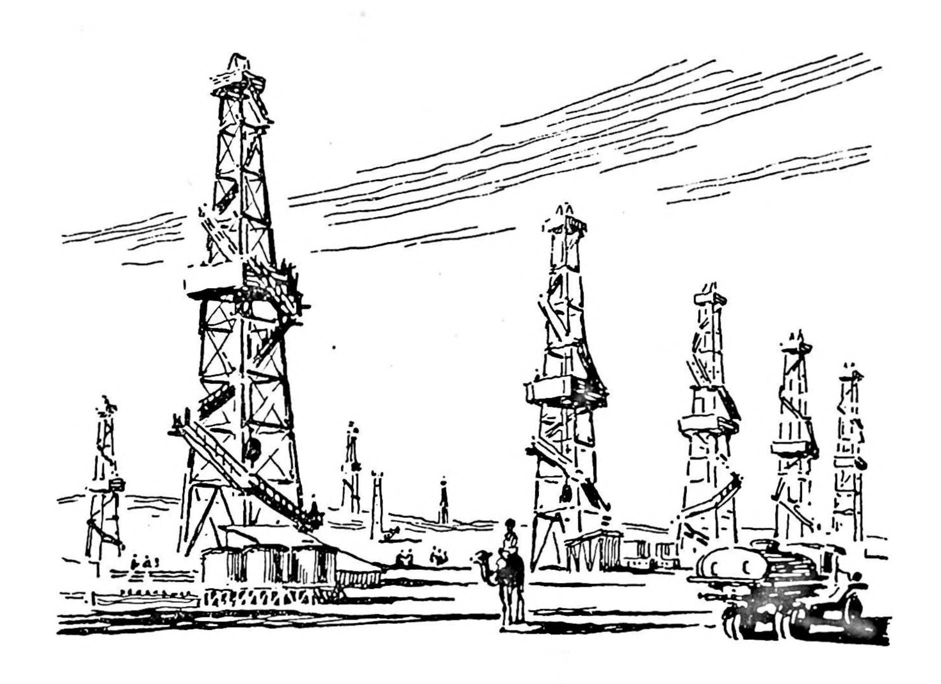

НЕФТЯНАЯ ГОРА

ПЕСКИ ЧИЛЬ-МЕМЕД-КУМ
Ягман
Огланли
Джебел
Молла-Кара
ХР. Б. БАЛХАН
Небит-Даг
Баба-Ходжа
Айдин
Перевал
Вышка
Ахча-Куйма
Казанджик
ХР. М. БАЛХАН
0 50 км

1

Покинув Красноводск, поезд на протяжении более чем ста километров идет под обрывистой стеной Куба-Дага, которая незаметно переходит в возвышенность Кюрянын-Кюре. С южной стороны полотна пассажир видит синюю гладь залива. Затем вода кончается, и ее место заступает пустынная равнина.

В этой части Западного Туркменистана мало примечательного для глаза. Горные склоны кажутся такими же безжизненными, как и сухие низины. Вид пасущегося среди голых камней верблюда всякий раз вызывает удивление. Что может он найти среди камней?

Многочисленного населения эта часть Туркменистана не прокор-

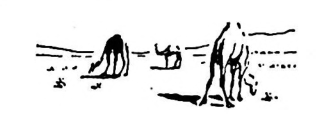
мила бы, но для тех немногих аулов, что встречаются здесь, оказывается достаточно редких колодцев, разбросанных по этому пустынному краю, и той разреженной растительности, которая все же здесь есть. Только ее трудно заметить: так похожа окраска камней и сухой глины на цвет жестких стебельков степной травы, охотно поедаемой верблюдами.

Нетребовательность верблюдов к кормам поистине достойна удивления.

Если на одном из полустанков оставить поезд и подняться по склонам Кюрянын-Кюре, взору откроется беспредельность песков Чиль-Мамед-Кум. Казалось бы, это конец всякой жизни и всех возможностей существования. Искривленные сухие прутья кусточков, торчащих кое-где среди песка, напоминают своим видом хворост, вполне годный для костра, но из которого, кажется, не выжмешь и миллиграмма питательных соков. И, однако, пески Чиль-Мамед-Кум являются излюбленным местом для верблюдов. Полынь, черкез, кандым и другие растения, встречающиеся среди песчаных гряд,— пища для верблюдов не только достаточная, но и желанная. А так как здесь растет и такое верблюжье лакомство, как верблюжья колючка (янтак), то именно в эти пески совершают перекочевки скотоводческие хозяйства из других районов республики. Верблюда вполне удовлетворяет и солоноватая вода местных колодцев. Поэтому в районе станции Джебел организован крупнейший в республике верблюдоводческий совхоз.

Станция Джебел — первая крупная станция после Красноводска. Она лежит там, где кончаются отроги Красноводского плато, а на востоке четко начинает вырисовываться другая каменная стена, гораздо более внушительная и массивная. Это приближается Большой Балхан, прибежище

охотников и скотоводов — горный массив, воспетый не раз в поэмах и дестанах как прежними, так и современными туркменскими поэтами.

Большой Балхан занимает площадь в 3,5 тысячи квадратных километров С востока на запад протянулась его гряда.

Несколько отступя от него к югу, вытянулся в том же направлении другой, меньший хребет — Малый Балхан.

Железная дорога прошла в коридоре между двумя этими горными хребтами.

Большой Балхан нельзя назвать высокими горами. Высшая точка их поднята всего на 1 880 метров над уровнем океана. Но эта высота вполне достаточна, чтобы задерживать часть той влаги, которую в других местах ветер без пользы проносит над туркменской землей. Балханы, в отличие от окружающих равнин, отличаются относительным обилием осадков. Путник, который одолел бы обрывистые склоны этих крутых гор, — для чего ему пришлось бы спускаться по иным оврагам на пятьсот и больше метров и потом подниматься по отвесным каменным стенам на еще бо́льшую высоту, — на верхней части массива увидел бы обширное плато, поросшее травой и кустарником, среди которых высятся вечнозеленые арчи — древовидный можжевельник, достигающий порой весьма больших размеров. Арча и травы с вершин спускаются в ущелья

По устным преданиям, Балханские горы были местом главного расселения самого многочисленного туркменского племени — текинского.

Янтак

Насколько это соответствует правде, сказать трудно. Это могло быть в те легендарные времена, когда Балханский кряж с востока и юга омывался рекой, впадавшей в Каспийское море.

Именно здесь к морю подходит старое русло Узбоя, идущее по Кара-Куму с северо-востока. Имеются предположения, что по этому древнему руслу столетия назад стекали в Каспийское море воды из Сарыкамышской впадины, имевшей связь с Аму-Дарьей.

Следы Узбоя можно заметить и сейчас. В виде сухой неглубокой ложбины он пересекает полотно на том участке, где железная дорога проходит в воротах между Большим и Малым Балханами.

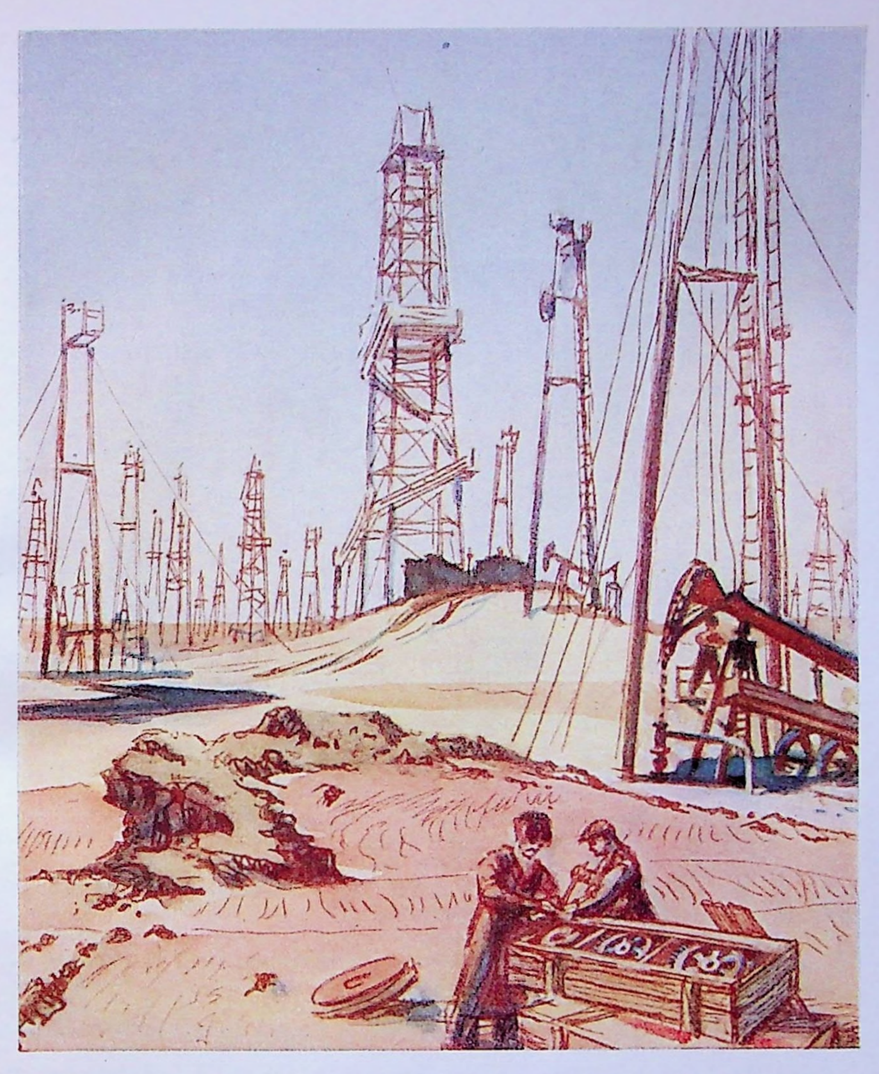
Памятью о богатых кочевьях в этих местах остались песни поэтов да десяток поговорок, в которых Балханы называются олицетворением земного плодородия и всяческого природного изобилия.

Русло Узбоя не вполне утеряло свое значение и в наши дни. Лишившись проточной воды, оно в отдельных местах превратилось как бы в цепь полузасохших болот. В месяцы весенних дождей эти болота становятся озерами; иные из них заслуженно приобрели славу целебных. Гипсовые, железистые и другие соли озер Узбоя помогают при ревматических, сердечных, подагрических, кожных и нервных заболеваниях. Если бы не слабая связь с центрами страны и не трудности жаркого климата, по берегам древней реки выросли бы многочисленные больницы и санатории. Пока что здесь, в нескольких километрах от Джебела, открыт один санаторий — Молла-Кара, к которому от Джебела проложена узкоколейка. Приезжающие сюда на лечение жители Ашхабада, Небит-Дага, Красноводска, Мары, Чарджоу и других городов Туркменистана, опускаясь в соленую воду небольшого озерка, не всегда знают, что курортный водоем — это часть русла, по которому, может быть, текли воды из великой Аму-Дарьи.

Станция Джебел после пустынных разъездов западного участка дороги предстает взору путника как цветущий поселок, обильный зеленью и водой.

Одноэтажное здание джебельского вокзала выстроено из дерева. Подобно тому, как Гасан-Кули единственный деревянный город Средней Азии, вокзал в Джебеле, кажется, единственный деревянный вокзал на всех среднеазиатских дорогах. В Западном Туркменистане, близком к морю, дерево как строительный материал вообще встречается довольно часто. Это объясняется как близостью морских путей, удобных для перевозки леса, так и тем, что на многие стороны быта в приморском Туркменистане оказали значительное влияние навыки и традиции жизни Кавказа.

В то время как восточные районы Туркменистана имели тесную связь с областями Средней Азии, населенными узбеками и кара-калпаками, жители Прикаспия чаще вступали в общение с Кавказом, где дерево как строительный материал известно издавна.

Небит-Даг

Наличие воды в Джебеле позволило невдалеке от вокзала разрастись саду. Эти сорок или пятьдесят деревьев, стоящие среди сухой, твердой, как камень, джебельской земли, являются предметом постоянного восхищения скотоводов, приезжающих сюда из песков. Не без зависти взирают на них и жители промыслового города Небит-Дага, лежащего на двадцать километров дальше к юго-востоку.

Жители Небит-Дага завидуют не только воде Джебела, но и его климату. От жестоких зимних ветров Джебел отчасти прикрыт громадой Балханского массива. В те часы, когда в Небит-Даге бушует ураган, в джебельском станционном саду иной раз может не шелохнуться ни одна веточка.

Промышленное значение Джебела до последнего времени было определено лишь наличием в нем паровозного депо да расположенными неподалеку Баба-Ходжинскими соляными промыслами и угольными разработками Ягмана. Однако недалекое будущее сулит Джебелу значительный расцвет в связи с тем, что в местности Огланли, в 30—35 километрах к северо-востоку от железной дороги, найдены залежи редких глин, называемых бентонитами.

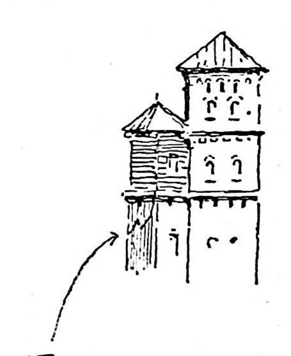
Бентонит высоко ценится работниками металлургической промышленности. Его добавляют к формовочной земле при изготовлении опок, что повышает качество литья. Бентонитовые глины находят себе применение не только в металлургии. Они употребляются при очистке и обесцвечивании нефтяных и пищевых масел, кроме того, при мыловарении и как лечебное средство при ранениях, ожогах и некоторых гнойных процессах и желудочных заболеваниях. Советские врачи обнаружили в бентонитовых глинах весьма действенное целебное вещество, названное ими «джебелитом».

Дно высохшего залива

Джебел

Трещина после землетрясения

Как видим, в развитии бентонитовых промыслов заинтересованы не только советские металлурги, но и советские пищевики и даже врачи.

В Советском Союзе нигде, кроме местности Огланли, бентонита нет. В годы послевоенной сталинской пятилетки район Джебела становится центром бентонитовых разработок.

К северу от Огланли, в пустынной, безводной местности Туар-Кыр, лежащей вблизи от берегов Кара-Богаз-Гола, советскими геологами разведано немало угля. Возможно, будет приступлено к постройке железной дороги от Джебела к месту будущих угольных копей. В таком случае Джебел станет железнодорожным узлом. Но если бы даже эксплоатация Туар-Кыра по тем или иным причинам и была отложена, рост Джебела все равно обеспечен развитием бентонитовых промыслов.

2

По соседству с Джебелом расположены промыслы Небит-Дага, одного из богатейших нефтяных месторождений не только Средней Азии, но и всего Советского Союза.

Стоит отъехать от Джебела всего несколько километров в сторону Ашхабада, как на юге, среди совершенно плоской песчано-глинистой пустыни, глаз уловит слабо очерченные силуэты двух небольших возвышенностей. Эти два бугра, отстоящие один от другого на пятнадцать километров, носят названия Нефтяная гора (Небит-Даг) и Мунжуклы. На Мунжуклы еще только ведется разведка на нефть, а Небит-Даг уже сейчас является важным нефтедобывающим районом нашей страны.

О том, что на Нефтяной горе население добывает нефть, отмечали в своих записках все путешественники XVIII и XIX веков, побывавшие здесь. Однако внимание промышленников вплоть до советского времени было обращено исключительно на челекенскую нефть, а Нефтяной горой никто всерьез не занимался. Путешественник Баранов еще в 1825 году писал: «Туркмены здесь добывали нефть до того времени, как Нефтяная гора оставалась островом; когда же озеро Баба-Ходжа обмелело и превратилось в обширный топкий солончак, добыча нефти прекратилась, так как ее не на чем стало вывозить».

Во время постройки Средне-Азиатской железной дороги на Нефтяной горе было проведено пробное бурение. Потом его оставили как нерентабельное. После установления советской власти геологи опять обратили внимание на Небит-Даг. Бурение возобновилось, но изыскателей преследовала неудача за неудачей, и через несколько лет было решено разведку прекратить. В мае 1931 года одна из скважин Небит-Дага внезапно начала фонтанировать. За 3 часа 15 минут фонтан выбросил 500 тонн нефти. Фонтан этот определил судьбу Небит-Дага. Через некоторое время грандиозный фонтан дала новая

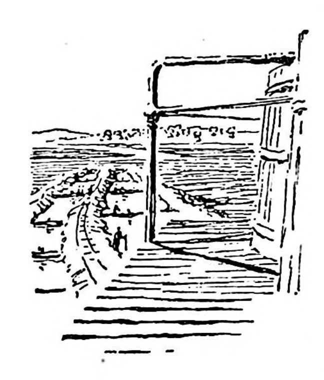
скважина. Фонтан бил 56 часов подряд, выбрасывая до 5 тысяч тонн нефти в сутки. Все нефтяные хранилища оказались переполненными. Нефть собирали в наспех вырытые ямы, а она переполняла их и растекалась во все стороны, используя каждое понижение грунта, каждую канавку. Это было похоже на извержение нефтяного вулкана.

С того дня рентабельность Небит-Дага уже никогда не бралась под сомнение. И Небит-Даг целиком оправдал оказанное ему доверие. 30 января 1933 года забил новый фонтан, один из самых богатых фонтанов, когда-либо наблюдавшихся на земном шаре. Ударив с глубины 440 метров, он бил в течение нескольких суток, выбросив за это время свыше 100 тысяч тонн нефти, то есть в два раза больше, чем давал в период своего расцвета Челекен за целый год.

Внимание геологов устремилось к туркменской нефти. Академик И. М. Губкин высказал предположение, что общие запасы нефти в районе Небит-Дага очень велики. Начались широкие разведки. С того времени добыча нефти на Небит-Даге год от году растет. К началу Великой Отечественной войны она составляла уже 600 тысяч тонн в год. За годы войны добыча на Небит-Даге возросла в связи с открытием девонского пласта, богатого нефтью. Сейчас в Туркменистане за одни сутки добывается нефти больше, чем в первые годы советской власти добывалось за двенадцать месяцев.

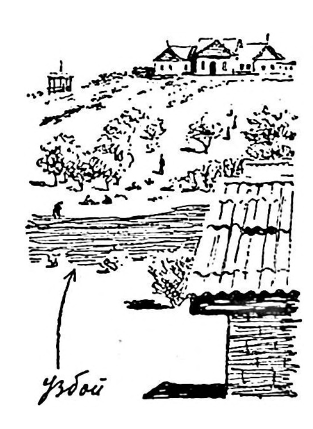
Наладить добычу нефти туркменам помогали нефтяники Баку и Грозного. Среди рабочих Небит-Дага мы, кроме туркменов, найдем и русских и азербайджанцев.

За годы послевоенной пятилетки нефтедобыча в Туркменистане возрастет почти в два раза. Основную часть нефти даст Небит-Даг.

Грязи

Санаторий Молла-Кара

Бурение на воду

Б. Балхан

Промыслы Небит-Дага расположены к юго-западу от станции и города Небит-Даг, в районе Вышки, куда идет ветка длиной в 27 километров. Социалистический город нефтяников было решено строить при железнодорожной станции на главной магистрали по той причине, что промыслы лежат среди пустынного солончака.

В сорока минутах езды железной дорогой от Джебела в направлении Ашхабада с левой стороны полотна появляются трехэтажные жилые дома, выстроившиеся в строгом порядке на обширной площади. За ними, к северу, стоит строгая, почти отвесная стена Большого Балхана. Это и есть столица туркменской нефти — город Небит-Даг.

Тридцать лет тому назад мимо этой станции, мимо этих гор, в наглухо запертом вагоне иноземные убийцы провезли 26 отважных героев-большевиков, чтобы предать их смерти в глухой пустыне, где бы никто не был свидетелем позорной расправы, какую над безоружными пленными учинили палачи. В ту ночь по обеим сторонам полотна свистел ветер, и пустыня казалась концом земли, как она оказалась концом жизненного пути для пленных большевиков.

О, если бы могли ожить теперь 26 бакинских героев! Всего в нескольких десятках километров от своей могилы они бы увидели город, вызванный к жизни той великой силой, за которую они боролись и за которую погибли.

Иноземные убийцы для своей расправы искали места поотдаленней, где бы никогда никто не стал искать могилы расстрелянных пленников. Такое место они и подыскали в конце широкого коридора, образованного горными хребтами Большого и Малого Балханов. Здесь был дан сигнал паровозу остановиться; здесь был отперт

вагон, и 26 пленников под нерусскую команду были выгнаны на песок, чтобы тут же упасть под пулями оккупантов, кончив свою короткую жизнь и начиная сияющий путь в бессмертие, уготованное им памятью благодарного человечества.

Кругом были пустыня, песок, ночь. Англичане думали, что они спрятали концы своего преступления если не в воду, так в песок, который умеет хранить тайны не хуже воды. Убивая людей, захваченных путем обмана, негодяи думали, что убивают идею, которая давала силу этим людям бороться, жить и умирать. Но великие идеи, двигающие людей вперед, бессмертны. Мало того, — идеи, зовущие человечество вперед, способны превращать мертвое в живое. Великая идея социализма, горевшая в сердцах застреленных у подножия Балханских гор 26 комиссаров, сохранила жизнь их именам и оживила эти мертвые пески. Там, где в начальные годы революции свистел ветер и катились, похожие на огромных ежей, сухие перекати-поле, — там теперь по одетому в гудрон шоссе катят автомобили, спешащие доставить жителей Небит-Дага на промыслы и обратно; там теперь свистят антенны над крышами новых домов нового социалистического города; там теперь с востока на запад регулярно летит самолет, который торопится доставить в Москву из Ашхабада деловых людей Туркменской социалистической республики, озабоченных ее дальнейшим расцветом. И там же над домами то и дело пролетает с запада на восток самолет с москвичами, для которых дела и заботы туркменской земли так же близки, как дела и заботы их собственного родного края.

О, если бы ожили закопанные в песок руками трусливых убийц 26 светлых мечтателей-воинов, тридцать лет назад вместе с

Добыча нефти насосом

Лениным, вместе со Сталиным ринувшиеся на штурм того строя, который стал помехой для дальнейшего движения человечества вперед! Они бы услышали, как гудят на ветру вышки буровых скважин, построенные руками молодого рабочего класса Советского Туркменистана, как бьется в металлических жилах крутая и горячая кровь молодой республики, созданной волею большевиков.

3

Нефтяные промыслы Небит-Дага быстро растут. Но у этого роста есть свои трудности.

Бедой промыслов являются песчаные заносы. С северо-востока, со стороны Кара-Кума, над Небит-Дагом постоянно висит угроза песчаного нашествия. Кара-Кум — это грандиозная площадь, покрытая миллиардами тонн песка, который не везде закреплен растительностью. При сильных ветрах обнаженный песок пустыни приходит в движение, песчинки подхватываются пролетающим воздухом. Ветер в то время, когда он дует со стороны Кара-Кума, представляет грозную силу. Если на пути его не встречается препятствий, он вырывается к морю, и тогда каспийские волны покрываются рябью, точно идет частый, сильный дождь. Но если на пути ветра высится гора, или просто стоит дом, или лежит большой камень, или растет дерево, или даже небольшой кустарник, ветер обрушит сюда миллиарды песчинок, которые он несет на своих сильных крыльях. После окончания бури камень, дом, кустарник или дерево, вставшие на пути ветра и занесенные песком, могут оказаться потерявшими все внешние признаки, которыми они обладали в минуты затишья. Точно так в более северных степных местах во время зимних буранов куст или даже изба могут превратиться в гладкий снежный сугроб. Разница между снежными и песчаными заносами та, что снег в конце концов когда-нибудь да растает и занесенное дерево или куст с наступлением теплой погоды выйдут из-под снега и опять станут деревом или кустом, а песок не растопишь. Как бы ни менялась погода в Туркменистане, занесенный песком дом можно освободить из-под бархана лишь путем раскопок, а для этого надо затратить соединенную физическую силу немалого числа людей.

Промыслы Небит-Дага расположены в одном из мест Туркменистана, наиболее неблагоприятных в смысле угрозы песчаных заносов. Кругом того невысокого бугра, который вошел в историю и географию

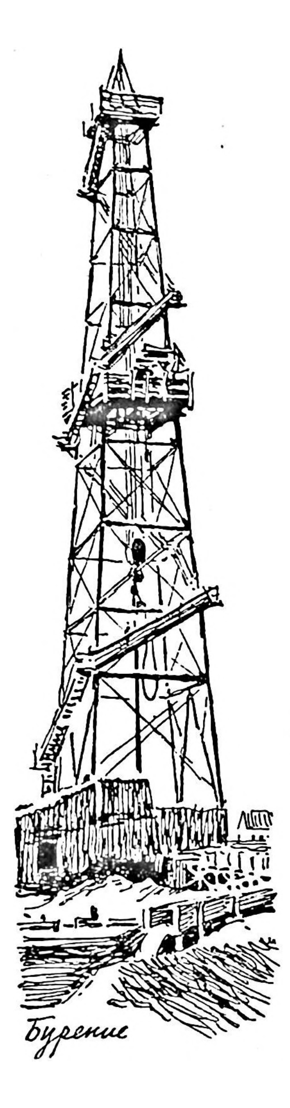
под наименованием Нефтяной горы, расстилается ровный, гладкий, без единого кустика солончак Баба-Ходжа.

Большой Балхан, стоящий к северу от Небит-Дага, был бы вполне надежным укрытием от бурь, если бы его расположение было несколько иным. Повернись он по своей оси всего на 30 градусов, и на вышках Небит-Дага было бы более спокойно — как в Джебеле. Но Большой Балхан, так же как и расположенный параллельно ему Малый Балхан, протянулся от солончака Баба-Ходжа прямо к Кара-Куму, образовав как бы специальный коридор, по которому каракумский ветер может свободно врываться на территорию промыслов. Ветер, насыщенный песком и сжатый между двумя горными хребтами, приобретает такую стремительность и плотность, что, кажется, — положи его на весы, и он перетянет любую чугунную гирю. Особенную ярость приобретают зимние ветры, когда миллионы тонн воздуха, лежащего над похолодавшим Кара-Кумом, начинают перемещаться к более теплому каспийскому побережью. Коридор между горами становится естественной аэродинамической трубой. Ветер, засасываемый в этот коридор, несет не только песок — он передвигает с места на место булыжники и катит гальку. И все это обрушивается прежде всего на город и станцию Небит-Даг, а затем и на промыслы. Многие здания промыслов пришлось оставить, так как они погребены под песчаными курганами.

Песок в Туркменистане такая же особенность территории, как вечная мерзлота в Якутии, как угроза затопления со стороны моря в Голландии. Специальные испытательные станции заняты изучением вопроса, как лучше закреплять пески и как бороться с заносами. Возведение искусствен-

ных преград для ветра до сих пор остается одной из самых действенных защитных мер. Стоит на известном расстоянии перед угрожаемым объектом поставить щит, будь это дерево, кустарник или искусственное сооружение — забор, камышевая плетенка или земляной вал, — и поток ветра, подобно морской волне, разбивающейся об искусственный мол, начнет разбиваться об этот щит, утрачивая непрерывность и силу. И мало того, что ветер теряет у подножия преграды песок, который он нес из пустыни. Расколовшись о щит, ветер может и свеять тот песок, который был занесен сюда предшествовавшими бурями.

В борьбе с песками все бо́льшую роль приобретает изучение и использование засухостойких растений. Никакой искусственный щит, никакая камышевая плетенка или земляной вал не в состоянии проявить такого упорства и стойкости против напора бури, как гибкий куст кандыма, черкеза или саксаула. Уже десятки и сотни тысяч деревьев и кустарников пустыни высажены за советское время как вдоль железной дороги, так и на открытых местах, особо подверженных ветрам. И этого все еще недостаточно. По плану послевоенной пятилетки вокруг Небит-Дага, как и вокруг других пунктов Западного Туркменистана, создаются широкие защитные полосы зеленых насаждений. Лесоводам Туркменистана в короткие сроки предстоит разрешить эту непростую задачу. Этого требуют от них интересы социалистического строительства.

К трудностям, причиняемым песчаными бурями и летней жарой, на промыслах Небит-Дага еще совсем недавно добавлялись и трудности, связанные с отсутствием воды. Пресную воду завозили в больших чанах по железной дороге. На станциях эту привозную воду сливали в подземные хранилища,

в которых уже через несколько дней она приобретала специфический запах. Местным жителям этот запах был незаметен. Но приезжему из мест, богатых хорошей водой, пить такую воду было трудно. Теперь эта добавочная трудность побеждена. Из города Казанджика до промыслов Небит-Дага проложен водопровод длиной в 135 километров.

А, кроме того, в самое последнее время одна из небитдагских скважин вскрыла подземный слой воды.

Нефтепроводы

4

Нефть Небит-Дага, как сульфат Кара-Богаз-Гола, как горный воск и бром Челекена, как рыба Гасан-Кули и Кизыл-Су, как бентониты Джебела, как соль Куули и Баба-Ходжа, как уголь Туар-Кыра, являет собой и гордость и надежду Западного Туркменистана, этого, на первый взгляд, малоприютного края, который на самом деле может считаться одним из примечательных мест нашей родины.

Природа объединила в его пределах условия, которые не часто встречаются вместе в других районах нашей страны: длинную линию морского побережья и необычайную сухость климата, горные кряжи, поднимающиеся над океаном почти до 2 километров, и низину, расположенную ниже океанского уровня на 28 метров, вулканическую неуспокоенность недр и близость каракумских песков, которые сами являются одним из редкостных явлений природы.

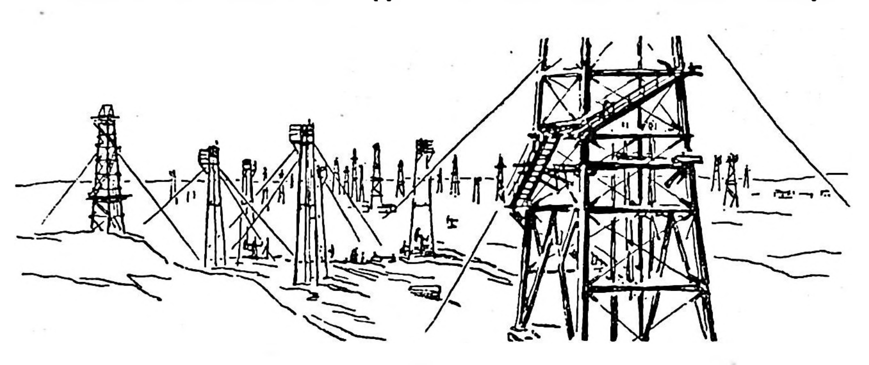
Горные кряжи под воздействием температурных колебаний дают трещины и начинают рассыпаться. Изрыхленные куски более легких пород подхватываются ветром

или смываются весенними ливнями и уносятся прочь. Постепенно как с гор, так и с долин совлекается один покров за другим и обнажается, как бы сказать, геологический костяк их. В приморском Туркменистане под ногами — или галька, или песок, смешанный с галькой, или намытый морем белый ракушечник, или просоленный песок, смешанный с измельченной глиной, или кир — тот же песок, только пропитанный нефтью и поэтому ставший плотным, как асфальт, или такыр, то есть слой глины, плотный, гладкий и растрескавшийся на манер паркета, либо, наконец, просто обнаженный явный камень. Все это серовато-рыжего цвета, напоминающего цвет загорелого человеческого тела. Как исключение, глаз вдруг выхватит из этого рыжевато-бесцветного фона ярко окрашенный куст, или дерево, или цветок — что-то зеленое, или розовое, или желтое, что нашло себе приют и питание у случайного источника или у колодца.

Подобную находку глаз обнаруживает в этом крае не часто. Растительный покров Западного Туркменистана крайне разрежен. К тому же растения, которые более всего приспособлены к жизни в иссохшей почве, обычно не отличаются яркостью зелени или пестротой цветов. Это чаще всего линяло-серебристая полынь, или сероватый выцветший гребенщик, или саксаул, ствол которого по цвету напоминает сухой песок. Но стоит подняться на Большой Балхан или выйти в пустыню ранней весной, как перед вами раскинутся яркие тюльпаны и маки.

Весна здесь короткая, и конец апреля уже может считаться началом лета. Зима еще короче. Она начинается в конце декабря и кончается в феврале. Большую часть года длится лето, когда осадков почти не бывает.

Казалось бы, здесь жить трудно. А люди здесь не только живут,

но и неохотно покидают эти места ради других. Советские люди для блага родины закладывают новые буровые вышки, роют в пустыне новые колодцы, строят новые поселки и озеленяют их, с помощью государства день ото дня улучшая условия жизни.

Святое чувство привязанности к родному краю в высшей степени свойственно туркменам, уроженцам песков: в течение столетий они подтверждали эту привязанность тем упорством, с каким отстаивали свои края от захватчиков. Теперь, в советское время, они любят родину с иной, новой силой. Они ежедневно подтверждают любовь к своей земле самоотверженностью труда и беззаветной преданностью, с какой поддерживают и осуществляют все мероприятия родной советской власти.

И в ответ на эту привязанность Западный Туркменистан открывает человеку всё новые богатства — как в морской воде, так и в недрах земли и на поверхности каменистых и песчаных пустынь. К тем местам, которые можно считать уже проверенными источниками драгоценностей, ближайшее будущее, надо думать, добавит многие новые тайники богатств. В 15 километрах восточнее Небит-Дага высится пока бесполезный бугор Мунжуклы. Геологическая разведка позволяет думать, что Мунжуклы едва ли беднее нефтью удачливого соседа.

Севернее Гасан-Кули есть приморский аул Чикишляр.

Когда-то это был опорный пункт царских войск на восточном побережье Каспия. Теперь это небольшое селение, славное лишь тем, что неглубокая подпочвенная вода позволяет чикишлярцам выращивать виноград, гранаты и дыни, чего не знают другие поселки побережья. В нескольких километрах от Чикишляра есть бугор Кеймир. Из него выделяются газы, пахнущие нефтью. Планом пятилетки предусмотрена детальная разведка Кеймира. В Чикишлярском районе это не единственное место, обещающее нефть. Когда судно проходит вдоль берега, направляясь от Челекена к Гасан-Кули, на однообразном плоском прибрежье севернее Чикишляра можно различить сопки Гек-Патлаух и Ак-Патлаух. Эти сопки кипят. Они выбрасывают грязь, смешанную с нефтью, и газ. От бурения в районе этих сопок можно ждать больших открытий.

Говоря о богатствах недр восточного побережья Каспия, нельзя забывать, что по другую сторону моря лежат сказочные земли Баку. Складки всхолмления Западного Туркменистана — это продолжение Кавказского хребта, который в районе Баку ушел под воду и вынырнул в пределах Туркменистана, возле Красноводска. О том, что это так, говорит рельеф дна Каспийского моря. Оно перерезано горной грядой как раз по подводной трассе Баку — Красноводск. Родство Красновод-

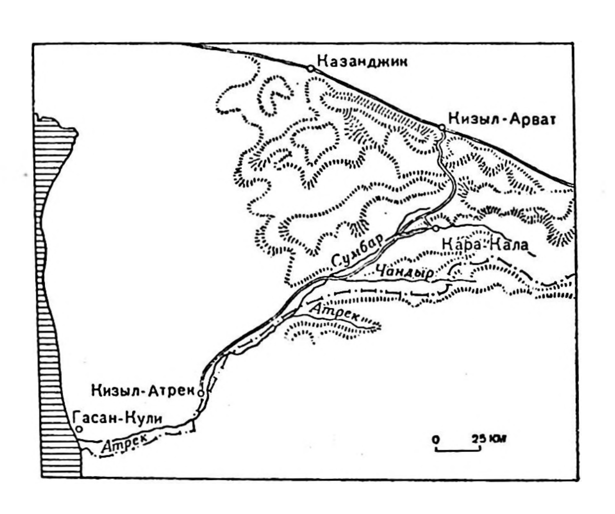
ских и Балханских гор с Кавказом сулит туркменским геологам бесспорные и богатые новооткрытия.

Запад Советского Туркменистана обретает черты передового индустриального района, разнообразная продукция которого призвана способствовать расцвету самых различных отраслей народного хозяйства нашей родины.

В ПРЕДГОРЬЯХ КОПЕТДАГА

Казанджик
Кизыл-Арват
Сумбар
Кара-Кала
Чандыр
Атрек
Кизыл-Атрек
Гасан-Кули
Атрек
0
25 км

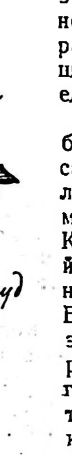

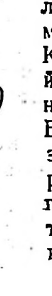
1

Поезд миновал коридор, образованный Большим и Малым Балханами; оба эти хребта слились с песчаной плоскостью. И вот с юга в мглистом далеке начали вырисовываться новые холмы и бугры. Еле заметные сначала, они постепенно становятся все выше и мало-помалу сливаются в единый горный массив. Это надвинулся Копет-Даг — главная горная цепь туркменской земли. Она подступит к железной дороге возле станции Казанджик и уже долго не оставит ее.

Хребет Копет-Даг, естественная граница Туркменистана и Ирана, прочно связан со всей политической, хозяйственной и культурной исто-

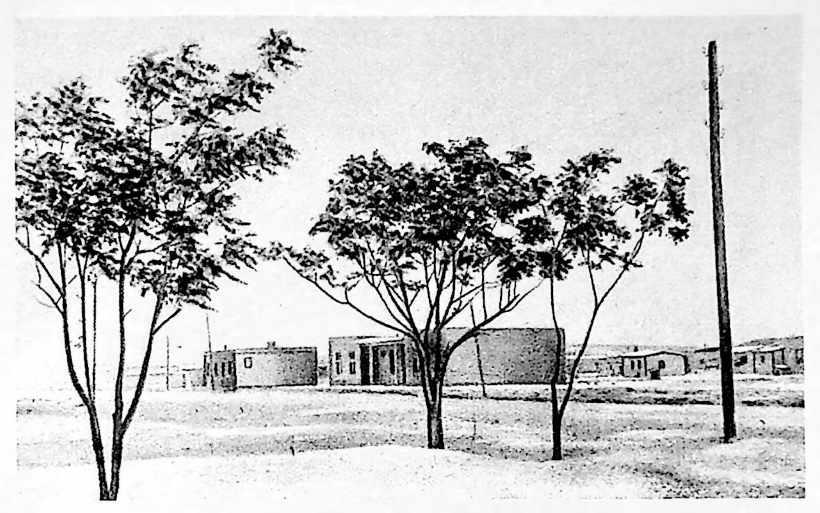

рией туркменского народа. Это один из тех центров, где шло формирование туркменского народа и его культуры.

Таких исконно туркменских земель было несколько. Прежде всего, это земли, лежащие на севере, в дельте Аму-Дарьи, в тех местах, где ныне расположена Ташаузская область. Потом это полуостров Мангышлак. Затем — долина Мургаба. Наконец, это Балханы и предгорья Копет-Дага, как северные, так и западные, с реками Горганом, Атреком и Сумбаром.

Между этими населенными районами, имеющими воду, лежали пески. Из-за них связь между главнейшими местами расселений туркменского народа была ослаблена. Даже самый быстроходный верблюд, отправившийся от предгорий Копет-Дага на север, приходил в Ташауз в конце второй или в начале третьей недели. Не меньше длилось путешествие и из Ташауза на Мургаб или с Мургаба к Балханским горам. В сочетании с другими историческими и экономическими причинами такая затрудненность внутренних связей приводила к раздробленности туркменского народа, мешая отдельным его племенам слиться в единое национальное целое.

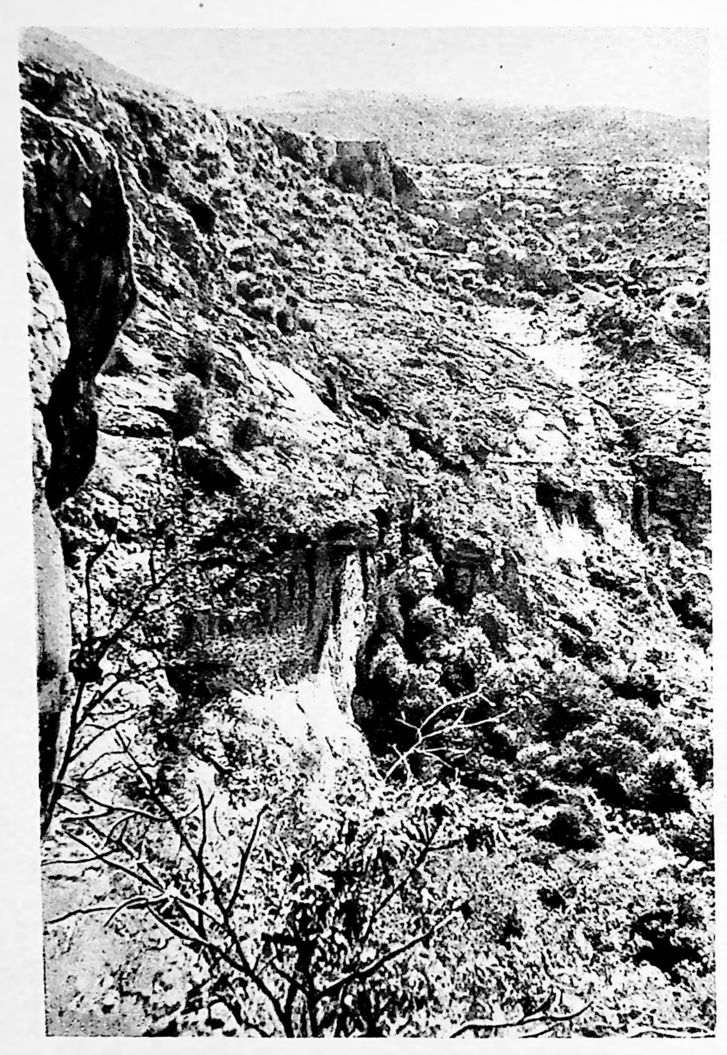
Главными туркменскими племенами были текинцы, эрсары, йомуды, салоры, сарыки, чаудоры и гоклены. Перед революцией приморская часть Западного Туркменистана — от Красноводска до Гасан-Кули и Атрека — была местом расселения йомудов. Северные предгорья Копет-Дага и низовья Мургаба — это текинские земли. Ближе к Аму-Дарье селились салоры и эрсары. В Ташаузской области жили чаудоры и йомуды, по Мургабу — сарыки, а в горных долинах западной части Копет-Дага, той, которая глядит на приморскую равнину, в большинстве аулов жили гоклены.

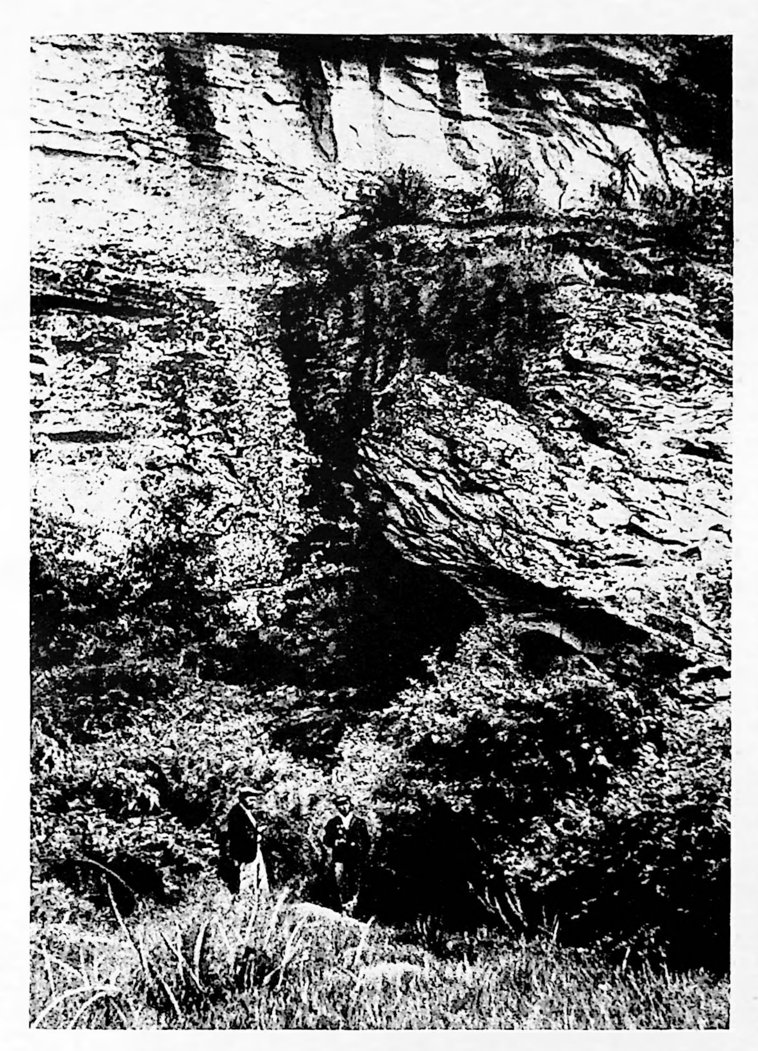
Кизыл-Атрек

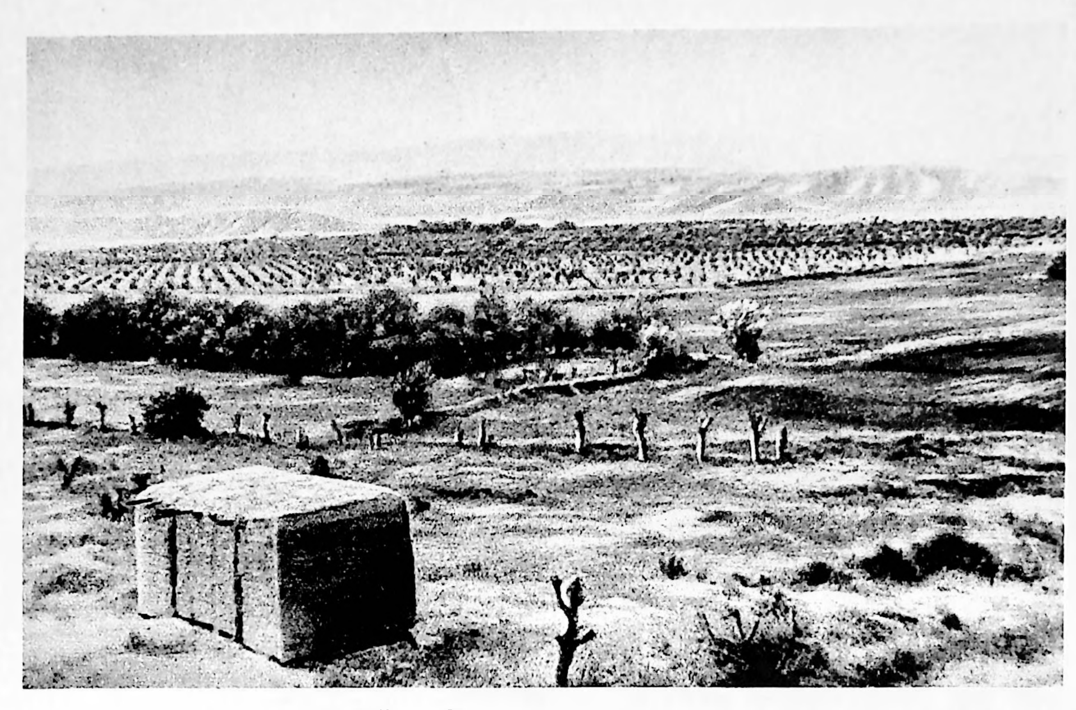
Плантации граната в Кизыл-Атреке

Ущелье в Ай-Дере

Ущелье в Кара-Калинском районе

Кара-Кала. Совхоз субтропических культур

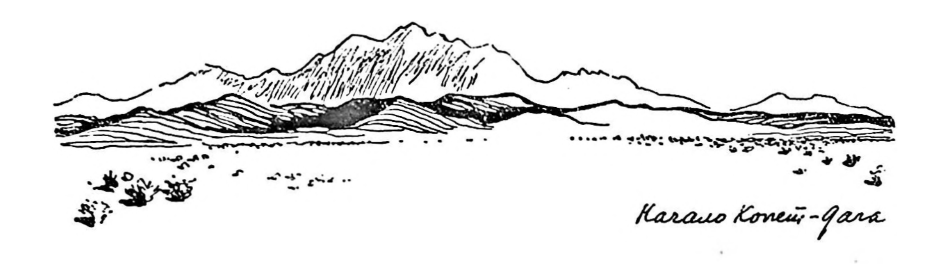
Племена эти редко вступали между собой в союзы. Чаще они враждовали из-за лучших пастбищ и колодцев. Межплеменную вражду использовали в своих интересах баи и родовые старейшины. Единство туркменского народа впервые в истории было осуществлено советской властью

Лишь победа Великой Октябрьской социалистической революции создала условия для слияния разрозненных племен в единую нацию, образовавшую Туркменскую Советскую Социалистическую Республику. Разделение на племена стало предметом истории и сохранилось лишь в отдельных географических названиях да в некоторых хозяйственных терминах и видовых определениях. Длинная, узкая и прерывистая орошенная полоса, протянувшаяся вдоль северных склонов Копет-Дагского хребта от города Кизыл-Арват до Ашхабада, долго носила название Ахал-Текинского оазиса. Ахалтекинской названа порода коней, составляющих славу туркменского коневодства, так как главные конские заводы расположены в этом оазисе. Другая порода туркменских коней известна под именем йомудской — по названию племени, культивировавшего эту породу. Различаются текинские, йомудские ковры. Туркменские старики безошибочно определят текинский и йомудский покрой халата или фасон барашковой папахи: у йомудов низкой и широкой, у текинцев высокой и несколько более узкой. Но термины эти и различия теперь имеют уже совсем иное значение, чем тридцать лет назад. До революции слова «это текинское» или «это текинец» в устах йомуда звучали, как «это не наше», «это чужое». Так же звучало «это йомудское» или «это салорское» в устах текинца, эрсаринца или гоклена. И теперь можно услышать слова «это йомудское» или «это текинское», но они имеют чисто терминологический смысл, подобно выражениям — «владимирская вишня», «ленинградская погода», «окающий нижегородский выговор» и другим.

Первым крупным населенным пунктом, расположенным поблизости от предгорий Копет-Дага, является город Казанджик. Этот город служит как бы связующим звеном между приморским Туркменистаном и Прикопетдагским предгорным оазисом.

После однообразной бесцветности Западного Туркменистана округа Казанджика может служить примером щедрот, на какие способна туркменская земля, если ей дать в достаточном количестве воду.

О казанджикской воде можно услышать разговоры уже в Красноводске. А на промыслах Небит-Дага даже то или иное местное событие определяют порой по датам строительства казанджикского водопровода. Говорят: «Это было, когда мы еще и не слыхали о казанджикской воде», или: «Мы сюда приехали с первой казанджикской водой».

Начало Копет-Дага

Вода, которой богат и славен Казанджик, стекает с предгорий Копет-Дага.

Скапливаясь в горах, вода размывает меловые и гипсовые породы Копетдагского кряжа и сбегает вниз не только по открытым руслам ручьев или рек, а и по подземным ходам, которые тянутся порой на многие километры и уходят иногда далеко под Кара-Кум. Можно, изнывая от жажды, подниматься по голым склонам Копет-Дага и не подозревать, что совсем близко, может быть, прямо под твоими ногами, бежит могучий подземный поток, — только надо его найти и вскрыть. Необнаруженная вода, стекая с гор, в конечном счете уходит в пески, образуя в низменных местах заболоченные солончаки или подземные водоемы. В интересах населения крайне важно обнаружить каждый подземный поток и заставить каждую каплю бегущей в нем воды служить на пользу человеку.

Как в сибирской тайге от поколения к поколению передаются имена особенно удачливых золотоискателей-старателей, так в предгорьях Копет-Дага всегда были славны искатели подземной воды. По каким-то, только им одним известным приметам, может быть, по несколько отличному цвету камней на горных склонах, или по расположению и росту кустарников, или по гулкости каменистой почвы, или, может быть, по направлению полета насекомых, всегда в изобилии летающих и ползающих в предгорьях Копет-Дага, эти охотники за водой удивительно удачно умеют ее находить.

В предгорьях Копет-Дага много кяризов — подземных коридоров, целиком пробитых под землей человеческим трудом. Население бережно охраняет и поддерживает кяризы. Оно укрепляет их стены и потолок от обвалов, очищает дно и русло. Если нужно, изменяет их направление, подводя воду именно к тому пункту, который особенно нуждается в ней.

Кяризное водоснабжение при всех его неудобствах имеет одну очень выгодную сторону. Вода в подземных коридорах не тратится на испарение. А это весьма немаловажное обстоятельство, если учесть сухость туркменского климата и силу инсоляции. Средняя годовая температура воздуха в Казанджике и Кизыл-Арвате равна 16 градусам тепла.

Даже в самом холодном зимнем месяце, январе, средняя суточная температура там выше нуля. Влажность же туркменского воздуха необычайно низка. Влаги испаряется всегда больше, чем выпадает осадков.

При таких условиях речка, стекающая с гор в открытом русле, теряла бы от испарения больше влаги, чем отдавала бы посевам. В кяризах, защищенных от солнечных лучей, сохраняется целиком вся вода, кроме, конечно, той, которая теряется, просачиваясь в землю.

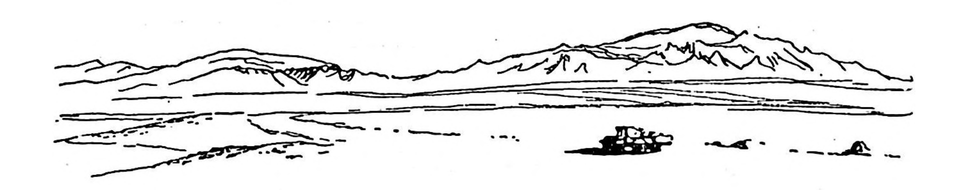
В Казанджике есть и открытые ручьи, есть и кяризы. Запасы воды в них велики. Это и позволяет многим безводным поселкам и городам, далеким и близким, смотреть на этот небольшой зеленый городок, расположившийся у крайних северо-западных предгорий Копет-Дага, как на возможного поставщика самого ценного из богатств туркменских недр — пресной воды.

2

Если подземные потоки — пример бережливости природы, охраняющей драгоценную влагу, то та же копетдагская природа дает образцы и ничем не оправданной расточительности.

Примером такой бесцельной расточительности могут служить силевые потоки.

Двигаясь вдоль северных склонов Копет-Дага, от Казанджика до

Теджена, путник то и дело наталкивается на широкие плоские овраги, похожие на высохшие русла рек. Это вымоины, проделанные мощными горными потоками. Такие русла проложены ливневыми водами, так называемыми силями, которые приобретают иной раз характер стихийного бедствия. Если в горах пройдет продолжительный ливень, то дождевая вода может обрушиться на долины, как катастрофа. В памяти населения сохраняются десятки названий аулов, некогда смытых до основания такими потоками. Вода силя, скатываясь с каменных вершин, может бушевать в долине всего час или два; но этого короткого срока бывает достаточно, чтобы все в долине оказалось разрушено, сломано, унесено. Сплевые потоки уносят в пески деревья, скот, жилые постройки, железнодорожные рельсы, шпалы, иногда людей, случайно захваченных бедствием, — все, что попалось водяной лавине на ее пути. Высчитано, что каждый крупный силевой поток проносит в пустыню такое количество воды, что, если бы эту воду задержать и по частям спускать на поля, посевы склонов Копет-Дага можно было бы увеличить вдвое. Иными словами, научись мы ловить сили в какие-то заранее приготовленные водоемы, — и на всем протяжении прикопетдагской предгорной полосы было бы много больше виноградников, больше урючных садов, больше тутовых насаждений, питающих своими листьями шелковичного червя. Было бы больше бахчей, больше пшеницы и ячменя, которые теперь с такой затратой сил и средств завозятся из Сибири, с Северного Кавказа, из Поволжья. Было бы больше и драгоценного хлопчатника, не занимающего главного места на прикопетдагских землях только из-за того, что невозможно отрегулировать снабжение этих земель водой.

Сумей мы системой заграждений и водохранилищ задерживать силевые воды — и в горах и аулах прикопетдагской культурной полосы было бы больше электричества, ибо обузданный силь с такой же легкостью вращал бы валы электротурбин, с какой теперь он смывает посевы и разрушает дома. Строительство гидростанций на склонах Копет-Дага начинает приобретать все большее значение.

Разрушения, причиняемые силями, бывают особенно велики оттого, что поток увлекает в долины, помимо ила, большие камни и целые скалы, ломающие даже капитальные сооружения.

Силевые потоки на склонах Копет-Дага случаются повсеместно. За последние десять лет наиболее разрушительные сили пронеслись через Кизыл-Арват и Теджен. Тедженский силь 1939 года совпал с весенним половодьем реки Теджен и поэтому был особенно грозен. Водяная лавина уничтожила часть города, железнодорожный вокзал и несколько километров железнодорожного полотна.

Отчего бывают сили?

Причину надо искать в орографии Копет-Дага, который в сторону Туркменистана обрывается круто, почти не образуя параллельных хребтов и долин. Тучи, приносимые ветром с Аральского или Каспийского морей или с еще более отдаленных бассейнов, наталкиваются на стену Копет-Дага, скользят вверх и теряют у главного хребта свою влагу. И вода осадков, не задерживаемая ни продольными долинами, ни руслами горных рек, которых здесь почти нет, начинает сразу же рушиться вниз. Потоки воды не задерживает и растительный покров, который на Копет-Даге весьма скуден. Эта рухнувшая с горных вершин вода и есть силь.

Финиковая пальма

Сортировка плодов

В Туркменистане есть только один небольшой по размерам район, где хребет Копет-Дага перестает быть крутой стеной и превращается в развитую горную страну, со многими хребтами и долинами, с горными реками, текущими в этих долинах, со всеми теми преимуществами и особенностями горной страны, какими отмечены южные иранские склоны Копет-Дага. Этот район расположен к югу от участка железной дороги Казанджик — Кизыл-Арват. Он носит название Кара-Калинского района или долины Сумбара, по названию реки Сумбар, на которой стоит центр района — Кара-Кала. Это туркменские сухие субтропики. К ним относится также долина Атрека.

3

В глубь сухих субтропиков Туркменистана ведут две дороги. Одна с севера, от железнодорожной станции Кизыл-Арват, другая с юго-запада, от городка Гасан-Кули. Поскольку Гасан-Кули и сам находится в стороне от основных магистралей республики, обычным путем для каждого, кто направляется в туркменские субтропики, является автомобильная дорога от Кизыл-Арвата вдоль Сумбара, к городу Кизыл-Атреку.

Расстояние от Кизыл-Арвата до Кизыл-Атрека — 240 километров. Из них добрые две трети путь идет горами. Лишь миновав долину Сумбара, дорога выходит в открытую пустыню, по которой в глубоком каньоне бежит мутная река Атрек.

Горы настигают путника сразу же, едва он покинул Кизыл-Арват. Это голые, невысокие теснины.

Сперва дорога идет прямо на юг. На восемнадцатом километре она пересекает каменную гряду, которую было видно еще

от Кизыл-Арвата, и, постепенно отклоняясь к востоку, начинает спускаться в долину, ограниченную каменными холмами с севера и юга. Вторая гряда, такая же пустынная и голая, несколько выше первой. Но стоит пересечь эту вторую гряду, как из-за ее спины сразу же поднимается третья гряда, значительно более мощная, чем обе первые. Она закрывает весь горизонт, как туча. Дорога начинает петлять. Но чем больше поворотов остается позади, тем все менее и менее грозными становятся горы. Приближаясь, они точно понижаются. Потом, когда будет преодолен и этот, третий хребет и автомобиль начнет на тормозах спускаться к долине Сумбара, гряда снова поднимется во весь свой рост. Только теперь она будет закрывать горизонт с северо-востока, тогда как до перевала заполняла своим массивом южную его часть.

Горные хребты, отделив тройной стеной долины Сумбара и его левого притока, Чандыра, от Кара-Кумской пустыни, защитили эти долины от северных ветров и тем создали в Кара-Калинском районе условия субтропиков — почти безморозную зиму.

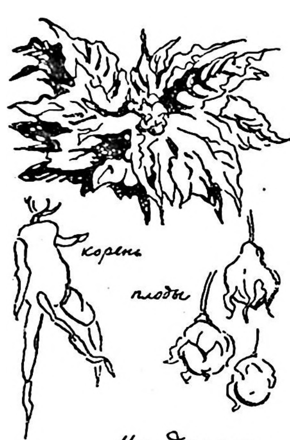
В ущельях по Сумбару все наполнено цветением и благоуханием. Здесь такое сплетение разнообразных деревьев, кустарников, лиан, трав, покрытых цветами, плодами, орехами, листьями разных окрасок и форм, что каждая такая боковая долина, образованная какой-нибудь небольшой речкой, впадающей в Сумбар, сама кажется сплошным многоцветным потоком. В диком состоянии в этих долинах плодоносят почти все фруктовые деревья прославленных садоводческих районов Средней Азии. Вот наливаются своим терпким соком плоды граната, будто обшитые крепкой красной кожей. Вот, обвившись вокруг миндального дерева, виноградная плеть свесила золотую

гроздь прямо на куст шиповника. Вот коренастая алыча придвинула свои корни вплотную к корням горного клена, и нет такой силы, которая смогла бы отделить теперь один ствол от другого. Вот деревья грецкого ореха. Звенят пчелы. Пряно пахнут плоды, гниющие на влажной, теплой земле. Если бы кто задумал сквозь эти цветущие, благоухающие дебри добраться к реке, ему бы тогда пришлось прорубать себе топором ход.

Люди Кара-Кала, небольшого городка, административного и хозяйственного центра Сумбарской долины, стремятся перевести на рельсы культуры то, что само собой, без всякого ухода произрастает здесь в диком состоянии. Кара-Калинская станция Всесоюзного института растениеводства произвела обстоятельное изучение субтропической флоры и определила те породы, внедрение которых в местное хозяйство наиболее выгодно. Прочно вошла в обиход каракалинских колхозов культура граната. Имеют все основания к более широкому внедрению инжир, миндаль. Может плодоносить японская хурма, вкусный и сытный плод которой должен стать не только предметом питания для местных жителей, но и предметом вывоза. Виноградники Сумбарской долины уже нашли своих ценителей, и не только в Туркменистане. В послевоенной пятилетке важное место на землях Атрека займет маслина. Посадки маслины доказали, что это растение дает здесь отличный урожай.

Мандрагора туркменика Мизгиревой

Субтропическое хозяйство еще совсем молодо в Туркменистане. Оно существует немногим больше пятнадцати лет. До Октябрьской революции о нем здесь вообще не могло быть речи, а в первое время после революции считали, что субтропические культуры — это исключительно удел

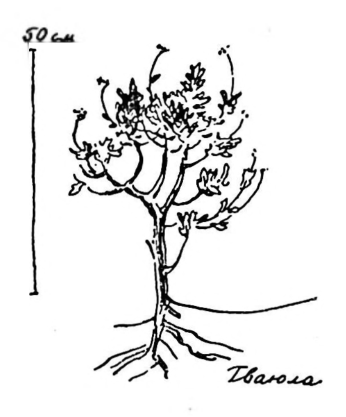

Субтропики

Закавказья. Полагали, что среднеазиатские зимы будут для них чересчур холодны. На самом же деле те районы Средней Азии, которые от зимних похолоданий защищены естественной оградой горных хребтов, оказались подходящими для культуры ряда субтропических растений. Это прежде всего долины Сумбара, Чандыра и Атрека. Здесь морозы — явление редкое.

Морозоопасный период даже необходим для нормального развития некоторых субтропических растений. Для граната, инжира, для финиковой пальмы нужно, чтобы после продолжительного летнего тепла наступал период относительной прохлады, когда растение впадает в своего рода спячку, готовясь к новому летнему цветению. В тех местах, где такого понижения температур нет, субтропические растения жить и плодоносить не могут. Финиковая пальма, например, на Цейлоне и в других местах под тропиками не растет. И та же финиковая пальма может расти в районе Кизыл-Атрека. Уже сейчас можно видеть здесь насаждения финиковых пальм.

Придет время, когда вы, проехав долину Сумбара и попав к берегам Атрека, на одном из поворотов реки увидите перед собой как бы африканский пейзаж. Вы увидите рощу широколиственных пальм, к которой из глубины пустыни подходит караван. Верблюдов ведет полуголый, коричневый от загара погонщик. Он сделал знак — и верблюды один за другим опускаются на колени. Грузчики выносят со склада финиковые гроздья. Плоды пальм перекинуты через палку, иначе их не снести — так они тяжелы и громоздки. Караван донесет этот сладкий груз до Каспийского моря; там его сложат в трюмы пароходов и повезут в Баку, Астрахань и дальше на север.

Гвайюла

Маслина

Маслина

Плоды атрекских пальм будут продаваться в московских, киевских, ленинградских или новосибирских магазинах. И москвич, киевлянин, ленинградец или житель Сибири, унося из магазина экзотическую покупку, возможно, задумается на минуту об Африке или Мексике и, быть может, даже пожалеет о том, что Африка, как и Мексика, далеко и не так-то просто туда попасть, чтобы увидеть, как растут финики. И, возможно, ему никто не расскажет, что срывали эту финиковую гроздь с финиковой пальмы не руки колониальных африканских рабов, а руки свободных туркменских колхозников, ведущих свое передовое хозяйство в районе советских сухих субтропиков.

В условиях Атрека финиковая пальма в короткие сроки может стать таким же обычным деревом, как тутовник или акация в городах и поселках прикопетдагской равнины.

4

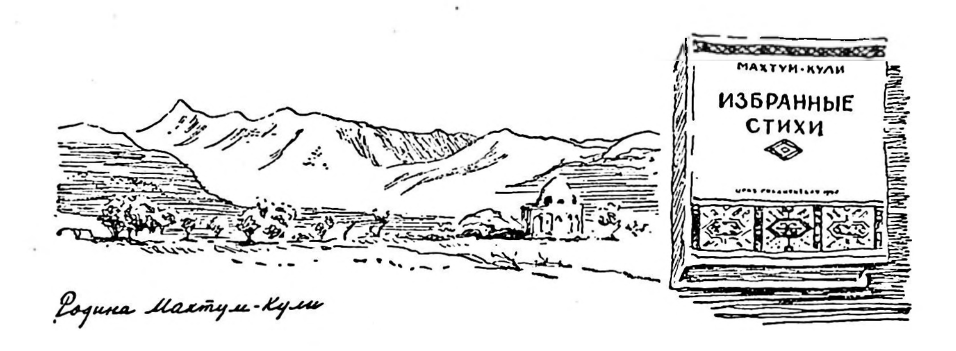
Покидая эти благословенные солнечные края, чтобы продолжить путь по железной дороге от Кизыл-Арвата к Ашхабаду, побывавший здесь уносит с собой не только воспоминание о роскошной растительности этих мест и о сладости взращенных здесь плодов.

Каждый туркмен благодарен Кара-Калинскому и Кизыл-Атрекскому районам прежде всего за то, что они в свое время служили приютом для величайшего из классиков Туркменистана, поэта Махтум-Кули.

Поэт-философ Махтум-Кули увидел свет и провел большую часть своей жизни именно в этих местах. Он происходил из племени гокленов, и Кара-Калинский район был его родиной.

Махтум-Кули родился в первой половине XVIII века. Это было тяжелое время для туркменского народа. Правитель Ирана, Надир-шах,

Родина Махтум-Кули

задумал возродить древние империи Чингис-хана и Тамерлана и начал завоевательные походы против соседних народов. Туркменские племена в борьбе с Надир-шахом понесли огромные потери. Успешной борьбе мешали межплеменные распри и раздоры. Махтум-Кули с малых лет оказался свидетелем народных бедствий, и это наложило отпечаток на все его творчество.

По преданию, дар поэзии открылся у будущего поэта в ранней юности. Образцами и примером ему служили песни, какие пел народ, и старинная книжная поэзия, которую хорошо знал отец Махтум-Кули, Давлет-Маммед-Азади, подражавший в своих назидательных стихах знаменитому персидскому поэту Саади.

Махтум-Кули окончил высшую мусульманскую школу в Хиве, а когда вернулся на родину, в долину Сумбара, стал учить грамоте аульных ребят. Свободное время он посвящал поэзии, ремеслам и странствиям по многим местам Востока. Кроме Хивы, он был в Бухаре, в Иране, на Кавказе и даже на Нижней Волге, в Астрахани. Он многое видел и о многом передумал. Особенно волновали его судьбы родного народа. Он видел вражду, которая раздирает туркменские племена. Он видел темноту и отсталость аулов. Он понимал, что для туркменских племен самое главное — это единство, которое сделает их независимыми и сильными. И он знал, что врагами этого единства являются корыстные баи и родовые старейшины, для которых выгодно раздробление народа.

Обладая замечательным поэтическим даром, Махтум-Кули слагал стихи, направленные против зла, владеющего миром и мешающего людскому счастью.

Эти стихи до сих пор считаются образцами туркменской поэзии. Совершенные по форме, они исполнены живых наблюдений и глубоких мыслей.

Помимо философских стихотворений, Махтум-Кули слагал также стихи лирические, сатирические, бытовые, стихи-песни и стихи-назидания. Туркменский народ при жизни поэта был почти сплошь неграмотным. Но стихи и песни Махтум-Кули были так понятны сердцу аульного жителя, что их заучивали наизусть, слово в слово, и старались, чтобы и дети, подрастая, также запоминали их слово в слово, храня в памяти как величайшее национальное достояние.

Не следует забывать, конечно, что философия Махтум-Кули ограничена соответственно условиям его времени. В стихах поэта присутствуют далекие нам социальные мотивы с религиозной окраской.

Махтум-Кули умер 150 лет назад. Грамотность туркменскому народу принесла только Октябрьская революция. В 1939 году на 100 человек в Туркменистане приходилось уже 80 грамотных, а до 1917 года на 100 человек трудно было найти и одного грамотного. Обычно в большом ауле был всего один или два грамотея, и то это были муллы, которые, кроме погребальных и свадебных молитв, ничего не знали и никогда ничего не читали. И все же произведения Махтум-Кули были известны всем туркменам.

Широкое распространение поэзии Махтум-Кули даже у самых отдаленных друг от друга туркменских племен вызывало представление о некоем общенациональном достоянии, стоящем выше всех их межплеменных и родовых распрей.

Позднее туркменский народ выдвинул и многих других талантливых поэтов, чьи произведения считаются теперь классическими. Среди них назовем автора больших романтических поэм Шабенде, поэтов-воинов Зелили и Сеиди, остроумного сатирика Кемине, замечательного лирического поэта Молла-Непеса. Туркменская классическая поэзия XVIII и XIX веков богата. Но все эти поэты обязаны своим развитием Махтум-Кули, который был подлинным зачинателем туркменской национальной культуры и основоположником туркменского национального самосознания.

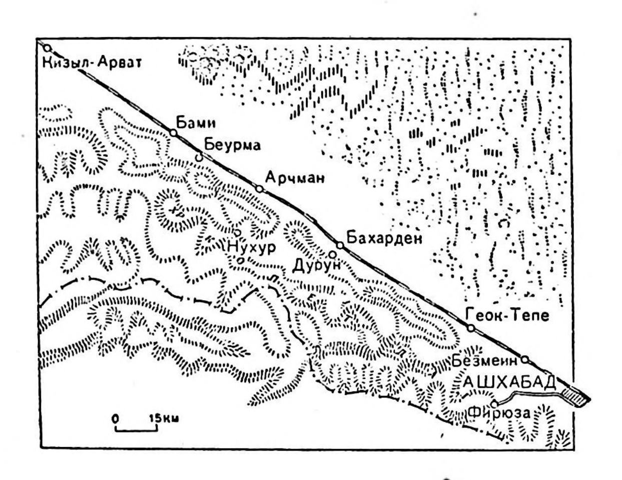
По преданию, Махтум-Кули умер от «постоянного огорчения сердца по поводу непрекращающейся кровавой вражды, губившей народ». Это широко распространенное предание лучше всего свидетельствует об ореоле, каким окружен в памяти туркменского народа облик знаменитого поэта.

ОТ КИЗЫЛ-АРВАТА К АШХАБАДУ

Кизыл-Арват
Бами
Беурма
Арчман
Бахарден
Нухур
Дурун
Геок-Тепе
Безмеин
АШХАБАД
Фирюза
0
15км

1

В городах среднеазиатских оазисов деревьев больше, чем домов, а может быть, и больше, чем жителей. Акации, тутовник, чинары и тополя, растущие на улицах городов в несколько рядов, занимают в пейзаже главное место. Это придает всем городам среднеазиатских оазисов вид городов-парков, а иной город, особенно богатый зеленью, хочется назвать даже городом-лесом, как бы это ни противоречило самому понятию города. Именно таким представляется глазу город Фергана в Узбекистане или город Байрам-Али в Туркменистане. Там деревья так обильны и тенисты, стволы их так толсты, а высота их настолько превышает незначительную высоту одноэтажных домиков, что на иных улицах из-за деревьев домов почти и не видно. Этому в боль-

шой мере содействует цвет зданий. В большинстве городов Средней Азии дома сложены из кирпича, материалом для которого служит местная порода — светлосерый лесс. Здания строят как из обожженного кирпича, так и из кирпичей, просто высушенных на солнце. Но и тот и другой кирпич одинаково сохраняют цвет земли.

Этот светлосерый цвет и есть основной цвет городов и поселков всех среднеазиатских республик. Это также основной цвет туркменских полей в те месяцы, когда они лишены зелени. Можно ехать по Туркменистану сотни и тысячи километров, и цветовая гамма пейзажа будет оставаться неизменной: под безоблачным голубым небом простерлась обширная серая земля, от ярких лучей кажущаяся белой. На горизонте, обычно с южной стороны, высятся горы, похожие на весеннюю тучу. Порой то тут, то там возникают как бы островки зелени или лесок. Издали купы деревьев кажутся черными. Потом, когда подъедешь ближе, деревья обретают полагающуюся им зеленую окраску, и глаз начинает различать между стволами стены и крыши строений. Оказывается, это не лесок, а поселок или даже город. Если в Средней России или в Сибири вид леса всегда связан с представлением о безлюдности, об известной оторванности от шумной городской жизни, то в Средней Азии в этом отношении все наоборот: где больше деревьев, там и ищи сосредоточие жизни. Люди, селясь около источников воды, употребляют воду не только для полива полей, но и для посадки деревьев. Без древесной тени очень трудно жить и работать и передвигаться по улицам, которые больше двухсот дней в году залиты солнцем и накаляются в иные дни до 60 и больше градусов.

Лишь в местностях, крайне скудных водой, таких, как все районы каспийского побережья, городские селения имеют оголенно-каменный вид. Впрочем, в последнее время и там появляется зелень.

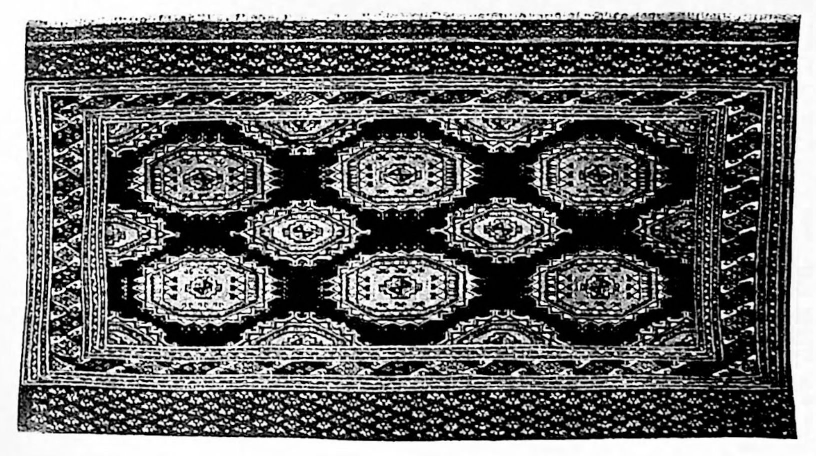
Человеку, едущему от каспийского побережья в глубь Туркменистана по железной дороге, первым по-настоящему зеленым городом представляется Кизыл-Арват, хотя деревьев в нем и не так много. Но это уже город оазиса. Он приветлив на вид.

Кизыл-Арват не занимает в хозяйстве республики сколько-нибудь значительного места. Его промышленная роль определена лишь наличием довольно крупного завода по ремонту подвижного состава.

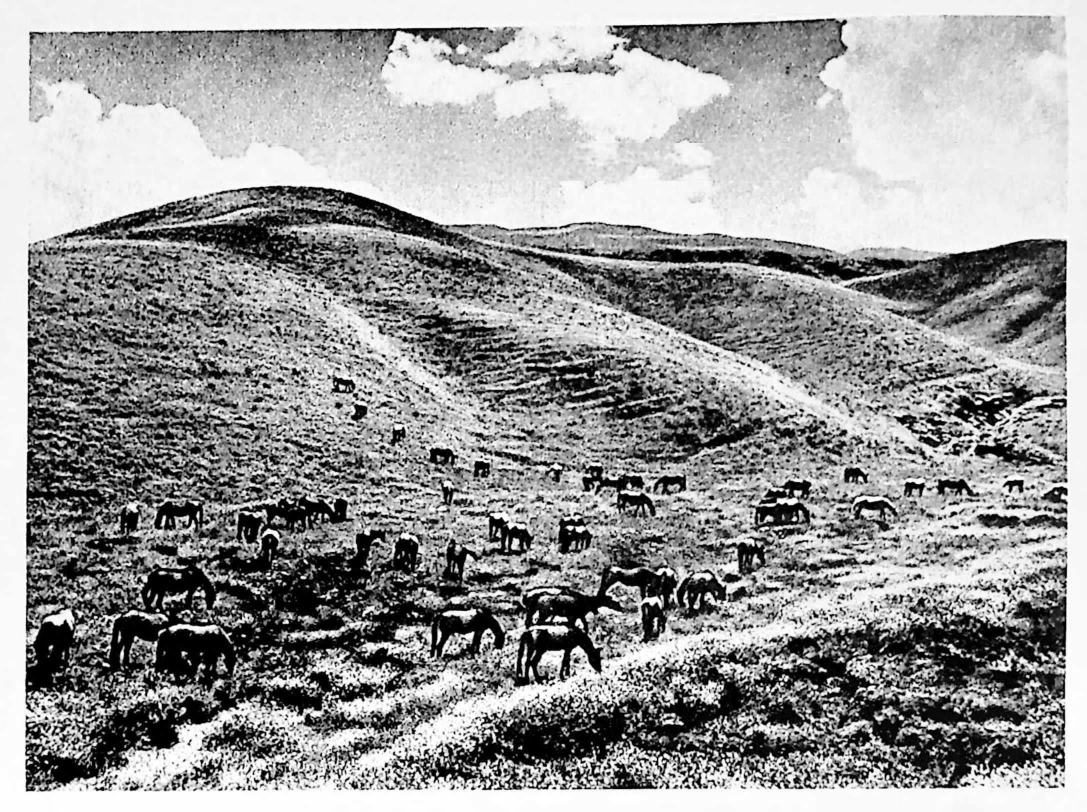
Когда в конце XIX века царское правительство задалось целью окончательно присоединить к России Закаспийский край, было решено от берегов Каспия протянуть железную дорогу, которая бы позволила перебрасывать войска и вооружение в глубь края. Кизыл-Арват был избран как конечный пункт Средне-Азиатской железной дороги. Позднее дорога была продолжена, и в 1885 году первый поезд подошел к Ашхабаду. А еще через два года был построен мост через Аму-Дарью,

В ковровой мастерской

Керкинский ковер

Табун ахалтекинских коней

Жеребец-ахалтекинец

Бетонированный арык под Ашхабадом

и дорога, перекинувшись на территорию Бухары, поползла в сторону Самарканда. Строительство военно-стратегической ветки, имевшей поначалу чисто местное значение, постепенно превратилось в одно из самых грандиозных транспортных сооружений XIX века.

Постройка Средне-Азиатской железной дороги еще ждет своего описания. Проложенная в невиданно короткие по тому времени сроки, она может считаться крупнейшим достижением русской технической мысли дореволюционной эпохи.

Дорога должна была пройти по местности, почти совсем лишенной воды, по пескам, которые во время ветров имеют склонность передвигаться, а при ураганах способны засыпать все железнодорожное полотно. Дорога должна была пройти по краю, самому южному в нашей стране и одному из самых жарких в мире. Ее приходилось прокладывать в условиях, когда все — от шпалы и гвоздя до пресной воды для рабочих и корма для лошадей — нужно было завозить с Кавказа или из Средней России.

Строительство началось в 1880 году. Начальным пунктом дороги, как мы говорили выше, был определен поселок Узун-Ада на пустынном и безжизненном берегу залива, образованного полуостровом Дарджа и островом (тогда еще островом) Челекеном.

Пароход за пароходом доставляли из России строительный материал и рабочую силу. Одним из первых мероприятий по строительству дороги была постройка опреснителя на 4 тысячи ведер в сутки. Вдоль трассы будущей дороги пресную воду добывали лишь в двух пунктах — в Казанджике и Кизыл-Арвате. С развоза воды по строительным участкам начинался каждый рабочий день.

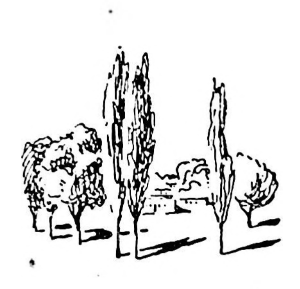
Иностранные наблюдатели предсказывали провал русской затеи. Пески пустыни, по их уверениям, должны были похоронить мечты русских инженеров и самую мысль о возможности прокладки железной дороги к подножию Копет-Дага. На строительстве действительно бывали моменты, когда инженеры и техники приходили в отчаяние. Особенно угнетающе действовали песчаные бури. То, что было уложено сегодня, иногда назавтра оказывалось погребенным под толстым слоем песка. А подчас наоборот: после окончания песчаной бури оказывалось, что вся почва между шпалами унесена ветром и рельсы висят над пустотой. При прокладке путей по одному особенно трудному участку у строителей даже возникла мысль о сплошном искусственном тоннеле, внутри которого должна была пройти дорога.

И все же упорство человеческой воли и изобретательской мысли победило все препятствия. Для закрепления песков из Африки сперва привозили специальное песчаное растение — «альфу». Затем его заменили местным гребенщиком и саксаулом. Для борьбы с развеиванием почвы

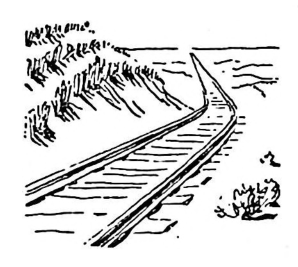

между шпалами стали класть глину, — и это сразу устранило главную опасность. Полотно сделалось устойчивым не менее, чем если бы оно было протянуто не в песчаной пустыне, а по чернозему Воронежской или Орловской области.

В те годы жизнь песков еще не была изучена. Никто не мог сказать с уверенностью, как быстро и при каких условиях происходит движение барханов и что надо делать, чтобы пески закрепить. Да и можно ли их закрепить? Все, что удалось строителям предпринять для охраны полотна, — все это было новооткрытием. Потом, много позднее, когда начались систематические наблюдения над жизнью Кара-Кумской пустыни, учеными в первую очередь был учтен опыт строителей Закаспийской дороги.

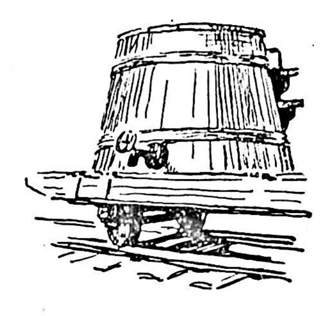

Одним из наиболее действенных способов защиты полотна от развеивания почвы и от заносов оказалось скрепление песков корнями засухоустойчивых растений. Такие растения были найдены в самой пустыне, именно в той ее части, где пески уже давно потеряли подвижность, став так называемыми бугристыми или закрепленными песками. К таким растениям, помимо саксаула и гребенщика, относятся селин, черкез, кандым, песчаная акация. Их посадкой в полосе отчуждения ведает теперь специальный отдел железнодорожного управления по борьбе с песками.

Дорога существует уже больше шестидесяти лет. И каждый год вдоль ее полотна производится высадка все новых и новых кустарников. Эта неустанная забота о закреплении песков, особенно усилившаяся при советской власти, настолько обеспечила сохранность важнейшей магистрали, что за все шестьдесят лет движение на ней из-за песчаных заносов не прерывалось ни на один день.

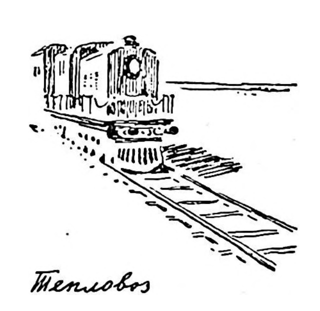
Средне-Азиатская дорога, по мысли царских колонизаторов, должна была дать крупные выгоды завоевателям, ограждая далекую азиатскую границу от каких-либо посягательств и неожиданностей. Так оно и было, конечно. Этой своей цели дорога достигла.

Но одновременно строительство дороги способствовало и целому ряду других процессов, возникновение и развитие которых едва ли было наруку колонизаторам. К работе по укладке путей, помимо регулярных войск, были привлечены вольнонаемные русские рабочие и жители местных аулов. Совместная работа познакомила местное население с русскими и убедительно доказала туркменам, что среди русских также есть начальники и подчиненные, офицеры и рядовые, и если начальники причиняли много зла и несправедливости туркменскому населению, то и для русских подчиненных эти начальники тоже были не меньшим злом.

Это был серьезный урок реального представления о мире, преподнесенный жизнью туркменским племенам. До того времени ишаны и муллы, сердары и ханы неустанно твердили, что все русские сплошь являются заклятыми врагами туркменского народа уже по той одной причине, что они — русские, что их язык не похож на туркменский язык, что они исповедуют христианскую религию, а не магометанство. И вот оказалось, что русский начальник очень похож по многим своим повадкам на бухарского или хивинского раиса или на иного туркменского сердара. Иной же русский простой человек, который вынужден стоять навытяжку перед своим начальником, похож на туркменского или йомулского дайханина, у которого всего скота один осел и поэтому он для бая и для

Тепловоз

сердара почти и не человек. Была ли после этого какая-нибудь необходимость смотреть на такого русского как на врага?

Постройка дороги вызвала много толков. Для страны, лежащей далеко от центров европейской цивилизации, удары молотка, забивающего костыли в шпалы, прозвучали, как предвестие иных сил, чем те, которые от века царили в песках и казались народу-кочевнику единственно могущественными и непреодолимыми. Вместе с первым паровозом, подошедшим к подножию копетдагских гор, в край, где чересчур долго застоялась атмосфера средневековья, вошел XIX, железный век, век технического прогресса и промышленных преобразований. Это не могло не оказать своего влияния на состояние умов в туркменском аульном обществе.

Туркменам после проведения дороги еще предстояло прожить трудное тридцатилетие в качестве народа, покоренного царизмом, прежде чем могучий взрыв Октября сделал их впервые по-настоящему свободными. Великая Октябрьская социалистическая революция убрала и русских начальников, и бухарских и хивинских раисов, и туркменских сердаров, а все то, что царское правительство руками русских простых людей и при содействии туркменского населения успело построить в городах и пустынях туркменской земли, — все это Октябрь отдал подлинному хозяину этих садов, городов, рек и гор — народу.

Собственностью советского народа стала и железная дорога, на постройку которой было затрачено столько упорства, умения и сил.

Первое время Средне-Азиатская железная дорога технически оставалась такой, какой ее построили. Кругом ломалась старая жизнь, и люди начинали думать и работать по-новому, а на дороге мало что менялось. Другими становились города и аулы возле ее станций; другие грузы катились по ее рельсам; совсем другие пассажиры садились в ее вагоны, а техническое оснащение дороги оставалось без изменения. Но в годы сталинских пятилеток произошли крутые перемены и в ее технике.

В последнее время на место паровозов, требующих огромных затрат воды, то есть того, чего так мало в Туркменистане, пришли высокоэкономичные тепловозы. Все реже видишь состав, в который впряжен старомодный паровоз с трубой и тендером. Ныне большинство составов по Туркменистану ведут тепловозы. Если на пути от Красноводска до Ашхабада паровоз прежде приходилось менять четыре раза и он часами терял время, десятки раз останавливаясь для того, чтобы набрать воду, то теперь это расстояние поезд может пройти и вовсе без остановок. Теперь остановки поездов на железной дороге в Туркменистане диктуются лишь потребностями посадки пассажиров да необходимостью пропускать встречные поезда, так как дорога од-

попутная. Но если вы торопитесь к Ашхабаду и вас задержал на полустанке красный семафор из-за того, что путь закрыт, — не огорчайтесь. Встречный состав вас долго не задержит. Ведь и его ведет быстроходный тепловоз, которому не нужно останавливаться, чтобы набирать воду.

Ашхабадская железная дорога — первая из дорог Советской страны, где советские тепловозы нашли массовое рабочее применение.

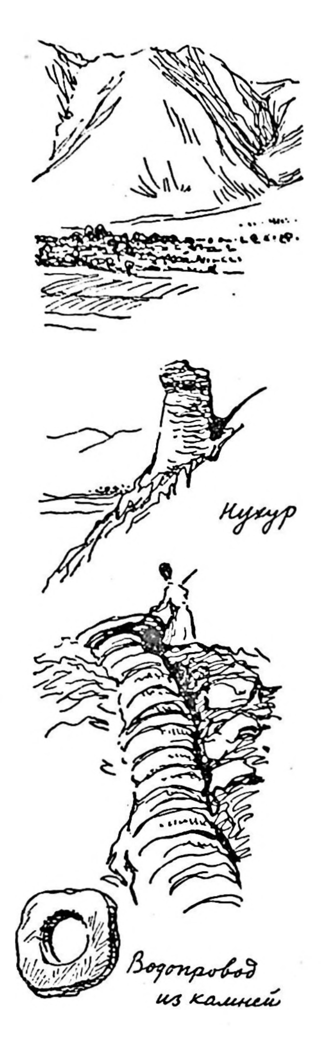
А сейчас здесь начали ходить и трехвагонные дизель-экспрессы обтекаемой формы, развивающие огромную скорость.

2

Вот она, прославленная, благословенная, не раз воспетая поэтами и описанная историками предгорная полоса Копет-Дага.

Лиловатая громада гор ограничила ее с юга. После Кизыл-Арвата уже не назовешь эти горы стеной: таких высоких и таких красивых стен не бывает. Такими бывают облака или тучи, когда в ясный день они сгрудились на горизонте, ничем не угрожая и только подчеркивая просторность и высоту неба. Удивительное дело: чем массивнее и выше горы, тем они меньше суживают пространство. Когда стоишь рядом с невысокими увалами или с цепью холмов, глаз обычно томится невозможностью взглянуть по ту сторону этой возникшей перед ним преграды. И мир поэтому кажется суженным, ограниченным. Становится тесно и для глаза и для сердца в долине среди невысоких гор. А возникни перед глазами хребет, подпирающий облака, — и мир как бы раздвигается, хотя горизонт и закрыт от взора еще более мощной преградой.

Это происходит, вероятно, потому, что горы сами являются целым миром. Разве только беглый взгляд примет их за тучу. Глаз путника, продвигающегося вдоль горного хребта у его подножия, очень скоро научается угадывать многообразие жизни гор по еле уловимым и ничем особенно не примечательным признакам. Вот в одном месте каменная стена как будто потемнела. Значит, там открылось ущелье, или это падает тень от второго, меньшего хребта, который слился с основным массивом и теперь дает о себе знать лишь признаком живописности. А вот совершенно явственно на однотонном фоне той каменной тучи, что сковала горизонт, возник как бы рисунок застывших молний. Нет сомнений, что это блеснули под солнцем горные тропы. Они лишены травы, и оголившийся камень, освещенный солнцем, дает о себе знать за десяток километров. А серебряная дорожка, которая вдруг развернулась от самой вершины по скату, словно шелковая лента, и

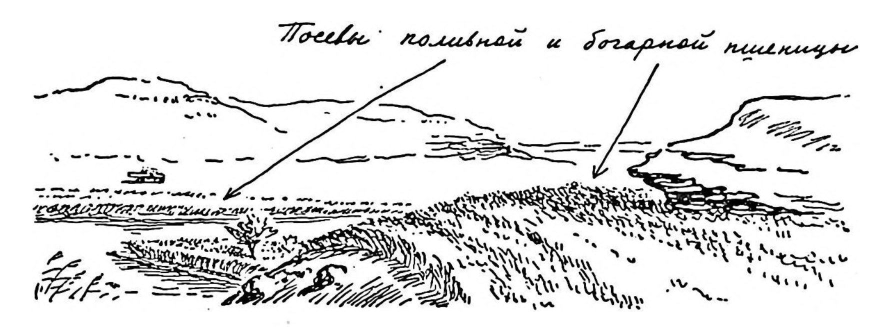

круто оборвалась где-то на полдороге между небом и землей? Это наверняка снег, еще не растаявший. То, что на вершинах Копет-Дага вечного снега нет, ничего не значит. Вершины скал открыты солнцу, и лучи юга их обнажают обычно уже к концу мая. Но снег может залежаться до июня и до июля в ущельях, куда солнечному лучу доступа нет.

От Кизыл-Арвата больше чем на четыреста километров протянулся к юго-востоку красавец Копет-Даг. Прерывистой полосой тянется вдоль его северных склонов оазис, играющий такую значительную роль в сельскохозяйственной, промышленной и культурной жизни республики.

Это центр туркменского виноградарства, плодоводства и огородничества. Здесь много молочного скота. Здесь конские заводы, знаменитые на весь мир своими ахалтекинскими и йомудскими скакунами. Здесь много полей под зерновыми культурами, в первую очередь под пшеницей и ячменем. В этом оазисе сосредоточены крупнейшие ковровые мастерские, большинство предприятий пищевкусовой, текстильной, стекольной, шелковой промышленности и 95 процентов всех культурных и научно-исследовательских организаций Туркменистана, ибо столица и крупнейший город республики — Ашхабад — находится именно здесь, в этой полосе предгорья.

Она не широка, эта древняя полоса человеческих поселений и возделанных земель. Если с юга ее ограничили горные кручи, то с севера естественной границей оазиса является Кара-Кум. Разбежавшийся в длину оазис с боков сдавлен камнями гор и песком пустынь. Ширина его редко превышает 12—10 километров, а местами сужается до 5 и 3 километров.

По этой тоненькой цепочке культурных земель, ближе к ее северной границе, и пролегла железная дорога.

Расположение этого оазиса своеобразно. Обычно оазис — это компактная орошенная территория, со всех сторон окруженная пустыней. Именно таковы все главнейшие оазисы Туркменской республики: Мургабский, Тедженский, Серахский, Ташаузский. Прилегающие к дельтам рек Мургаба, Теджена и Аму-Дарьи, эти густо заселенные районы со всех сторон окружены песками.

Совсем не такова культурная полоса подножия Копет-Дага. Она меньше всего похожа на остров. Ее не окружают со всех сторон безлюдные пространства. Пески подступают к ней только с севера, а с юга она ограждена горами, которые никак не назовешь олицетворением безжизненности. Именно горы и дают воду, а следовательно, и жизнь полям и садам. Правда, северные склоны Копет-Дага не богаты водой: с них не стекает ни одной крупной реки. Но все же они дают начало десяткам небольших речек и ручьев — Кизыл-Арвату, Арбазу, Кеши, Ашхабадке, Чулинке, Баба-Дурмазу, Фирюзинке и многим другим, а также кяризам.

Помимо того, копетдагские склоны обладают великолепным строительным материалом — чистейшими кварцевыми песками, глинами, гипсами, известняками.

Нет, копетдагские горы, при всей их относительной бедности водой и полезными ископаемыми, приравнены к пустыне быть не могут.

Нельзя говорить и о какой-либо компактности предгорного оазиса. Поселки и обработанные земли в предгорьях Копет-Дага то и дело чередуются с песками и такырами. Сверху эти разрозненные островки жизни напоминают зеленые бусины, нанизанные с большими пробелами на ниточку железной дороги. Одна бусина больше, дру-

гая—меньше. Если больше, это значит, что в этом месте больше стекает с гор воды и поэтому населению удалось отвоевать для жизни и больший кусок земли. Если меньше — значит здесь ближе подступила стена гор, склоны ее обрывистее и круче, а следовательно, и скуднее водой ручьи и кяризы.

Можно сказать, что единого оазиса здесь нет. Есть цепь небольших оазисов.

3

Нехватка воды даже для тех прикопетдагских земель, которые уже покрыты сетью арыков, объясняет, почему этот подгорный район всегда считался малопригодным для хлопководства. Хлопчатник требует строго отрегулированного полива, а маленькие речки Копет-Дага его обеспечить не в силах. Естественно, что основой сельского хозяйства здесь стали сады, виноградники, бахчи и зерновые культуры — пшеница и ячмень, менее требовательные к орошению, нежели хлопчатник.

Хлеб сеется главным образом на возвышенных местах, на холмах, с расчетом на естественные осадки.

Такие посевы, которые не претендуют на искусственное орошение и должны довольствоваться незначительным количеством влаги от дождей и туманов, называются во всей Средней Азии богарными.

Чем выше в горы, тем больше обеспеченность посевов естественной влагой. Уже на высотах от 400 до 600 метров богарные посевы дают почти гарантированные урожаи. Наилучшая же богара считается на горах выше тысячи метров. Но дело здесь не только в том, что на больших высотах больше осадков. С подъемом в горы понижается температура воздуха. Примерно на каждые 200 метров подъема температура воздуха падает на один градус. Следовательно, на высоте 1 000 метров температура воздуха будет ниже, чем у подножия, на пять градусов. А это приближает местные условия к условиям умеренного климата.

Богара занимает значительную часть обрабатываемой земли оазиса.

Большую роль в хозяйстве оазиса играют также горные степи, эти естественные выпасы для коней. Склоны, почему-либо не пригодные для богары, значительную часть года все же бывают покрыты травой. Коневодство издавна было славой этих мест. Человеческая умная забота и природные условия создали здесь красивое, неутомимое и стремительное в беге, понятливое и благородное животное — ахалтекинского коня. Достаточно увидеть ахалтекинца, чтобы сразу представить, каков будет этот красавец в деле, если всадник ослабит

повод и еле заметным движением колен и корпуса даст понять коню, что тот может целиком отдаться своей бесподобной и неутомимой стремительности. В 1935 году пятнадцать туркменских всадников на ахалтекинских конях прошли за 83 дня расстояние от Ашхабада до Москвы. По этому поводу туркменский народ услышал приветствие Иосифа Виссарионовича Сталина.

В этом приветствии было сказано: «Только ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия, — могли обеспечить такую славную победу».

Лучшие коневодческие фермы Туркменистана находятся в Кизыл-Арватском и Ашхабадском районах. В Кизыл-Арвате каждую осень устраиваются соревнования ферм, на которые собираются ценители лошадей со всего Туркменистана.

Для населения оазиса характерно не только умение использовать более или менее высокие склоны гор. Хозяйства прикопетдагской полосы умеют заставить служить себе и пески Кара-Кума, подступающие к ним с севера. Колхозники используют пустыню как выпасы для скота. После зимне-весенних дождей на короткий срок Кара-Кум покрывается сочными травами. В это время года происходит окот овец. Когда ягнята немного окрепнут, трава выгорит, на песке остается невысокая сухая травка илек, которая и в сухом виде годится на корм.

Круглый год овцеводческие фермы прикопетдагских колхозов держат стада в песках, соревнуясь с коневодческими фермами в умении находить корм там, где его на первый взгляд нет.

Так в туркменских колхозах оазисное земледелие сочетается с пустынным животноводством.

Мираж

Бахарденская пещера

4

Первым более или менее крупным поселком после Кизыл-Арвата, если ехать по железной дороге в сторону Ашхабада, будет Бами.

В истории Туркменистана он известен тем, что в свое время именно здесь предполагалось учредить главный город Закаспийской области. Уже было заложено военное укрепление и приступлено к постройке жилых зданий. Но качество и количество воды, стекающей с гор в округе Бами, командующему русскими войсками показалось неудовлетворительным. Были посланы гидрологи вдоль всего Копет-Дага, чтобы найти более подходящее место. Таким местом был определен аул Ашхабад, километрах в 160 юго-восточнее Бами, расположенный между развалинами древнего города Анау и богатым аулом Кеши. Бами был оставлен, и начал расти Ашхабад, ныне превратившийся в один из красивейших городов советской Средней Азии. А Бами остался небольшим поселком при железнодорожной станции. Славен он разве лишь своим виноградом, да и то виноградники возделываются не в самом поселке, а в 12 километрах от него, в ауле Беурма.

Оставив Бами, поезд через час на несколько минут задерживается возле небольшого станционного здания, на котором по-туркменски и по-русски написано «Арчман».

Этот станционный поселок невелик. Слава его лежит не в нем самом, а, как и в Бами, отступя в сторону. Арчман — это только пересадочный пункт с поезда на машину или на арбу, для того чтобы доехать до знаменитого целебного источника, бьющего из земли километрах в восьми к югу от железной дороги.

Извиваясь на поверхности, источник образует озерко длиной в 10 метров, шириной раза в три меньше. Над озерком стоит крепкий запах тухлых яиц. Вода Арчмана сернисто-сульфатно-известковая, по содержанию сероводорода богаче знаменитого Сабанеевского источника в Пятигорске. Собственно, нет никаких причин, чтобы и слава Арчмана была меньше славы Пятигорска. Местное население уже не первое столетие использует теплые арчманские воды для вылечивания разных болезней: кожных, сердечных, нервных, костных, желудочных. Превратить Арчман во всесоюзный курорт тем легче, что сравнительно близко от него расположен поселок Нухур, который как бы самой природой предназначен для украшения и продления человеческих жизней.

Нухур лежит под стеной Копет-Дага, всего в 12 километрах от перевалов первой горной гряды. Горы, которые окружили этот живо-

писный аул, уже достаточно высоки, чтобы не нуждаться в искусственном орошении. Нухур исполнен зелени, цветов, фруктов и воды.

5

Одна из крупных бусин, нанизанных на ниточку железнодорожного пути, протянутого через весь оазис, — районный центр Ашхабадской области, городок Бахарден. Он лежит на речке Арбаз — самом мощном из ручьев, стекающих по северным склонам Копет-Дага.

В пейзажах, природе, хозяйстве и быте Бахарденского района полностью выражены все особенности прикопетдагской культурной полосы.

В Бахардене прежде всего мы должны посетить огромное подземное озеро, не имеющее себе равных в нашей стране. Поспешим к нему.

Озеро, которое называется Дурунским, или Бахарденским, находится в 20 километрах от железной дороги, в сторону гор. Дорога к нему почти в точности повторяет дорогу от станции Арчман к источнику. Те же глиняные дувалы тянутся по сторонам, те же серые от пыли ветки тополей и акаций свешиваются на дорогу, те же одноэтажные кирпичные домики с плоскими глиняными крышами образуют поселок. Если весна — на крышах растет трава, цветут маки, и пыли на дороге и на деревьях меньше. Если вы едете летом — никаких маков ни на крыше, ни в степи не может быть и в помине. Все покрыто белой, мелкой, горячей лессовой пылью, и даже сам красавец Копет-Даг кажется в летний зной как бы потускневшим не то от жара, не то от пыли. Атмосфера Туркменистана в летние месяцы обладает малой прозрачностью. Тому причиной мельчайшие твердые частицы, взвешенные в воздухе, — иными словами, та же пыль, что и на дороге. Взвеянная ветром, она висит в воздухе, делая его мглисто-голубым. Она так мелка, что не имеет сил опуститься. В безветреном воздухе пыль висит неделями, и далекие предметы от этого теряют четкость очертаний и яркость красок. Знаменитые фата-моргана, или миражи, пустыни, которые рисуют усталому путнику картины далеких озер и полноводных рек, тоже в большой мере зависят от этой насыщенности атмосферы посторонними, пусть мельчайшими по размеру, твердыми предметами.

Но вот и озеро. Чтобы проникнуть к нему, надо сперва спуститься в пещеру, расположенную на весьма крутом каменистом склоне. Узкий ход ведет вниз примерно на глубину 10 метров. Здесь он раздается, образуя довольно широкую плоскую площадку, со всех сторон

ограниченную меловыми и известковыми стенами. В одной из стен узкая щель образует вход в коридор, который, медленно понижаясь, тянется на протяжении 130—150 метров. По мере нашего продвижения воздух в пещере становится все теплее. и все удушливей. Над головой то и дело слышатся как бы вздохи или шопот. Это, вспугнутые человеческими шагами, просыпаются летучие мыши, которые населяют Дурунскую пещеру в несметном количестве. Наконец — озеро. В темноте его увидеть нельзя. Надо зажечь электрический фонарик или, еще лучше, факел. Вода лежит в каменных берегах недвижная, точно металл. Она беспрепятственно пропускает свет фонарей, но тонкий лучик, осветив озеро на глубину пяти-шести метров, меркнет, так и не достигнув дна. Глубина озера достигает десятка метров, а площадь его равна примерно 3 тысячам квадратных метров. В длину оно равняется ширине Москвы-реки возле Большого Каменного моста, ширина же озера раза в два меньше. Можно взять лодку и отплыть в темноту. Плеск весел среди меловых стен вызывает совсем иной звук, чем на реке под ясным небом, в виду зеленых берегов. Испарения сероводорода от колыхания воды становятся все нестерпимее. От плеска воды, от скрипа уключин, от блеска огней сразу просыпаются все десятки тысяч летучих мышей, гирляндами висящие на неровностях стен и потолка. Просыпаются и дикие голуби, избравшие, подобно мышам, Дурунскую пещеру своим жилищем. В воду начинают падать тяжелые капли, точно пошел подземный дождь. Лодка плывет в темноту. И если случайно погаснет факел или исчахнет свет фонарика, душу охватывает щемящее чувство, будто все оставленное у входа — свет солнца, волнистый гребень

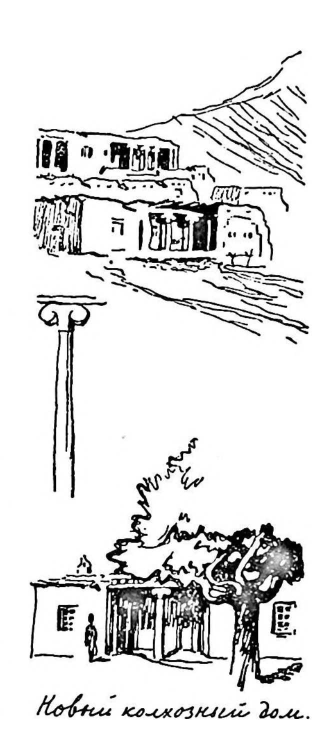
лиловатых гор, простор степей, запах пыли и полыни, — все и навсегда стало недостижимым.

Озеро это издавна пользовалось у населения двойной славой — целебного и проклятого. Когда туркменские поэты — Махтум-Кули, Зелили или Кеминэ — поминали в своих стихах преисподнюю, они, вероятно, имели перед глазами именно эту золотисточадную подземную гладь и стаи бесшумных летучих мышей, мечущихся над головой в ночном мраке.

Детальное обследование Дурунской пещеры еще не произведено. И еще не найдено никакого применения для ее озера в жизни республики. Между тем самый факт скопления такого большого количества воды в недрах Копет-Дага, тогда как поля, расположенные у подножия этих же гор, изнывают от жажды, сам по себе таков, что, отталкиваясь от него, пожалуй, можно нащупать и не одну задачу, решением которой стоит заняться.

Ведь еще не подсчитана сумма валового сбора склонами Копет-Дага всех осадков за год, как не подсчитана сумма валового расхода воды теми же склонами в виде силей, кяризов и речек. Может быть, при вычитании второй суммы из первой получится остаток, который сейчас пропадает, но может быть использован.

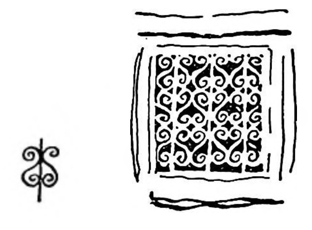
Прогулка к Дурунскому озеру возбуждает желание проделать это как будто несложное, а на самом деле требующее больших усилий и исследований, арифметическое действие.

Новый колхозный дом.

6

Среди жителей Туркменистана всегда была велика слава бахарденских ковровщиц.

Правда, эту славу нельзя уступать только одному Бахардену. Текин ские ковры, производством которых с таким успехом занимаются житель ницы аулов, раскинутых вокруг Бахардена,—это слава не одного какого нибудь туркменского поселка или района. Это слава всего туркменског народа. Текинский ковер—явление мировой культуры, достойное занят место в одном ряду со сказками и песнями сказительниц русского Севера с танцами народов Кавказа, с произведениями арабской архитектуры

Туркменский ковер возник из потребностей кочевого и кибиточног быта. Он возник затем, чтобы быть подстилкой и сиденьем для оби тателей юрты, чтобы быть укрытием от холода, чтобы замениті дверь в кибитке, чтобы заменить траву или солому во время поход через пески. Волжанин или, скажем, житель берегов Днепра приляже на траву или уснет на свежескошенном сене, а жителю песков при ходится что-то подстилать под себя, прежде чем сесть или лечь.

Но ковер не только удовлетворяет эту бытовую необходимость Он стал еще и предметом искусства. Он стал средством выражени тех душевных сил народа, которые стремятся, сочетанием ли красо и тонов, или в музыкальных ритмах и образах, запечатлеть восхищени этого народа красотой мира, его понимание справедливости и добра его мечту об устройстве общей и личной судьбы.

Туркменский ковер — искусство не только прикладное. Затем чтобы быть подстилкой или укрытием, вовсе не надо обладать тако совершенной гаммой красновато-коричневых и темнокрасных тонов какими заполнено его бархатистое, как бы бездонное, зеркало. Чтобы висеть в дверной пройме вместо деревянных створок, вовсе не надо чтобы в средней части ковра повторялись в постоянном ритме эт окружия, словно бы сдавленные, почти овальные, но сохраняющие уг ловатость и разделенные, каждое, на сектора более теневые и боле солнечные. Переходы от красновато-теневого к желтовато-солнечно му тону в лучших коврах Туркменистана столь естественны и благо родны, что глаз не устает любоваться сменой этих тонов, как вообщ не устает любоваться совершенством линий и красок природы.

Мусульманская религия, которую исповедывали туркмены, запре щает своим последователям изображать в рисунке или в скульптур человеческое лицо.

Поэтому и не существует развитой традиции искусства портрет в восточных странах. Мы знаем арабскую науку, арабское зодчество орнаментику, поэзию, но менее известны арабская живопись или араб ская скульптура. А именно арабы продиктовали четырнадцать веко назад свои догмы тем народам, которых они силой меча обращал в ислам. Туркмены тоже были одним из этих народов.

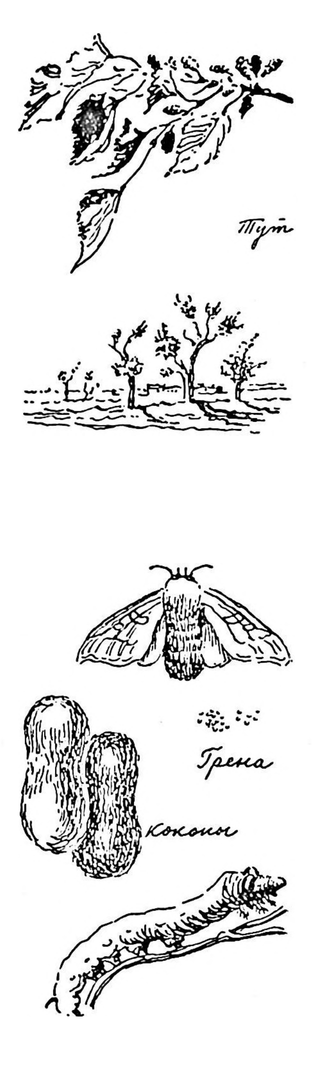
Другие народы, обращенные арабами в ислам, компенсировали отсутствие у них живописи пышным расцветом орнаментики, украшающей величественные городские мечети и медресе. У туркмен из-за их кочевого быта не было крупных городских поселений, и, следовательно, не могло возникнуть и собственного оригинального зодчества.

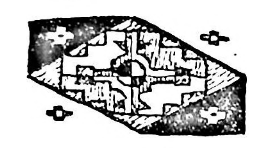
Взамен того они создали ковер.

Ковер — искусство туркменской женщины. Каждая девушка, готовясь стать невестой, ткала свой ковер, в орнаментовку и тональность которого вкладывала все, чем было полно ее сердце и что она не смела или не умела сказать словами.

Достоинства ковра определяются не только рисунком и цветом. Как и во всяком произведении искусства, в ковре ценится, насколько замысел его совпал с исполнением. Ворс ковра должен быть совершенно ровен, а для этого нужно уметь с искусством и ловкостью стричь нитку большими ножницами. Нужно, чтобы лицо ковра было сплошным, чтобы нитка к нитке, образуя ворс, были прижаты так плотно, как будто между ними и нет никакого пространства, будто ковер — это особая форма существования бархатистой шерстяной поверхности, возникшей как самостоятельное явление природы. Качество фактуры ковра определяется количеством узлов на каждый квадратный вершок основы. Мастерицы ковроделия состязаются между собой не только в искусстве создавать ритм рисунка, но и в тонкости и кропотливости завязывания узлов шерстяной крашеной нитки, этой краски коврового орнамента. Частыми и сильными ударами специального гребня они прижимают узлы один к другому, создавая рисунок.

Ковровщицы Бахардена выработали технику ковроделия, которая хранится ими

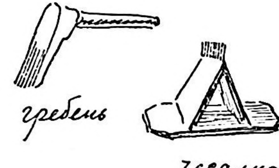

так же свято, как техника изготовления художественных лаков палехскими мастерами.

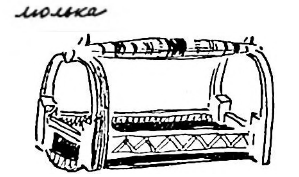
Трудно проследить историю туркменского ковра. Арабский географ XIII века Ибн-Саид уже с величайшим уважением упоминает о ковроделах Туркменистана. О туркменском ковре как о произведении искусства говорит и Марко Поло, проехавший через Туркменистан в XIII веке.

Немалую роль в развитии искусства туркменского ковра сыграло то, что в ряде районов Туркменистана были найдены естественные красители, отличающиеся исключительной стойкостью и глубиной тонов. Один из таких натуральных красителей — это растение марена, дающее ту красную краску, какая стала как бы национальным цветом Туркменистана. На блеклом фоне туркменской земли всякий раз, как праздник для глаза, цветут одежды туркменских женщин и мужчин, окрашенные мареной. Женщина одета в длинные красные одежды типа хитонов. Это кетени, о которых столько сложено песен туркменскими поэтами. Кетени, собственно, сорт ткани, окрашенной в красный цвет и имеющей золотистые полоски по бокам; но и сшитая из этой ткани одежда тоже стала называться кетени.

Цвет женской одежды красный в самом полноценном смысле этого определения. В нем нет инородных примесей или полутонов. Это красный цвет в его идеальной природной сущности. Поэтому, может быть, такую совершенную гармонию тонов и представляет типичный туркменский пейзаж: фиолетово-лиловая горная стена на горизонте; пыльная, почти белая дорога; стена дома — серовато-кремовая, если на солнце, лиловатая, если в тени. И праздничная, торжествующая, полная внутренней силы и сдержанности яркая красная краска женских кетени.

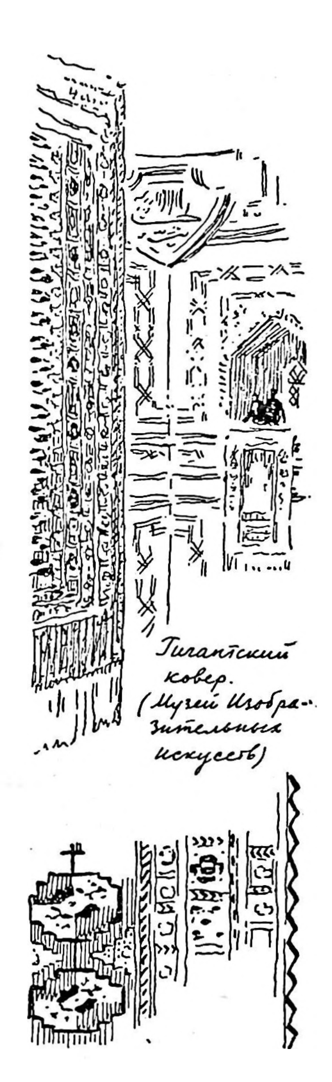

Мужчкны тоже носят красное одеяние. Но их халаты, в отличие от женских платьев, более темного тона. Они напоминают цвет красного столового вина. Этот тон дает та же марена с примесью других красок.

Желтый цвет, хоть и в меньшей мере, но тоже вошел в быт Туркменистана. В одеждах и в коврах по отношению к красному он играет роль второго цвета. Это очень звучный и в то же время мягкий желтый цвет. Есть местности, где он почти главенствует над красным. Но туркмены так свыклись с представлением о прекрасном, как о красном, что, по преданию, то племя, которое предпочитало желтые одежды, было прозвано с а р ы к а м и, что по-русски звучит, примерно, как ж е л т у ш н и к и, ибо туркменское слово с а р ы означает ж е л т ы й.

Ковроделие не является особенностью одного какого-нибудь района Туркменистана. Подлинно национальное искусство, оно проявляет себя везде. Мы знаем йомудские ковры с прямоугольным орнаментом, выделываемые мастерицами Гасан-Кули и Чикишляра. Знаем ковры Казанджика, Кизыл-Арвата, ковры Бахардена, ковры Ашхабада. Знаем мелкоузорчатые пендинские ковры, сотканные руками жительниц Тахта-Базара. Более двадцати тысяч мастериц заняты в ковровых товариществах Туркменской республики. Ковры — виднейшая статья вывоза Туркменской ССР. За послевоенную пятилетку ковровая продукция должна увеличиться более чем вдвое.

С установлением советской власти искусство ковра поднялось в Туркменистане на новую, еще более высокую ступень. Были созданы ковровые артели и специальные школы ковроделия. Впервые за всю историю своего народа мастерицы стали

Гигантский ковер. (Музей Изобразительных искусств)

изображать на коврах не только условный орнамент, но и живую природу, живых людей. Это помогло появлению таких выдающихся произведений туркменского искусства, как многокрасочные ковры — портреты Ленина и Сталина, находящиеся в Московском музее восточных культур, как ковры — портреты Пушкина и Горького, подаренные туркменскими писателями Союзу советских писателей СССР.

Орудия ковроделия ныне остались теми же, что были и при Марко Поло, — это станок, гребень и ножницы. Но значительно расширился ассортимент цветов пряжи, какие идут в дело. Если прежде ковровщица знала всего семь оттенков, теперь в экспериментальных ковровых мастерских Ашхабада под рукой у такой мастерицы триста разноокрашенных пряж.

Готовясь к декаде туркменского искусства в Москве, ковровщицы ашхабадской мастерской выткали ковер, который должен был служить занавесом для сцены Большого театра в Москве. Площадь этого ковра — 192 квадратных метра. Он весит больше тонны. В его орнаменте и тонах собрано все главное, что привыкли мастерицы этого искусства ценить в своей традиции.

Этот ковер-чудо висит в Туркменском музее изобразительных искусств в Ашхабаде, на улице Свободы.

7

От Бахардена до Ашхабада сто километров. Примерно на полпути между ними лежит районный центр Ашхабадской области — город Геок-Тепе.

Важной культурой района является виноград. Геоктепинские вина — лучшие в Туркменистане.

В последние годы все большую роль в колхозном хозяйстве начинает играть шелководство.

Выделка шелка, подобно ковроделию, всегда составляла гордость Средней Азии. О марыйских шелках с восхищением отзывались арабские географы еще в первом тысячелетии нашей эры. Знамениты были шелка хивинские, маргеланские. Но как раз в селениях прикопетдагской долины шелководство еще совсем молодо. Оно не старше советской власти.

Основу шелкового дела составляет грена, то есть яйца бабочки тутового шелкопряда, и лист шелковицы, служащий пищей для шелковичного червя, к слову сказать, обладающего изрядным аппетитом.

Шелковица, или тутовник, растет повсеместно во всей прикопетдаг-

ской полосе от Кизыл-Арвата до Душака. Но своей грены здесь не было, и ее приходилось доставлять с Мургаба. В годы сталинских пятилеток в поселке Фирюза, что лежит неподалеку от Ашхабада, был основан гренажный завод. С тех пор шелководство Ашхабадской области быстро пошло в гору и стало одной из основных отраслей местного хозяйства. В предвоенный год прикопетдагские колхозы дали государству двести тонн коконов. Это в полтора раза больше, чем перед революцией давала вся территория нынешнего Туркменистана.

Развитие шелководства не только внесло коренное изменение в экономику области — оно изменило и пейзаж этих мест.

В оазисах Средней Азии тутовник всегда рос свободно вдоль арыков и дорог. В тени его раскидистых ветвей обычно останавливались на отдых путники. Дремали привязанные к его стволу лошади и ослы. Под тутовыми деревьями всегда можно было видеть женщин и детей, собиравших сладкие ягоды, которые устилали ковром перекрестки дорог и берега арыков.

Теперь колхозники-шелководы не дают веткам тутовника разрастаться вширь. Они обрезают ветки до самого ствола, целиком используя их как корм для червя-шелкопряда. Вместо раскидистых, тенистых деревьев вдоль арыков и на перекрестках дорог вы увидите невысокие серые стволы, увенчанные куцыми, почти круглыми кронами. Придорожное дерево от этого стало выглядеть приглаженным, прирученным.

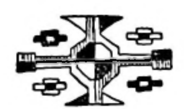
Но колхозникам-шелководам уже мало тех деревьев, что растут сами по себе вдоль дорог, — они начали устраивать и специальные шелковичные плантации.

Глазу непривычно видеть эти деревья рассаженными в садах ровными рядами наподобие яблонь или урюка. Как для русского деревенского жителя было бы удивительно видеть березовые плантации, так и для иных стариков Бахарденского или Геок-Тепинского районов порой кажется странным, что шелковица приравнена теперь к садовым, избалованным деревьям.

Виноград, шелковые коконы, ячмень, плоды садов и бахчей — вот чем славен зеленый Геок-Тепе, типичный районный городок прикопетдагской равнины.

Пятьдесят лет назад возле этого города, бывшего текинской крепостью, произошли упорные бои между войсками генерала Скобелева и многочисленными текинскими воинами, противившимися наступательной политике русского царизма. Остатки стен бывшей крепости хорошо видны из окна вагона. Туркменскими учеными-садоводами, со-

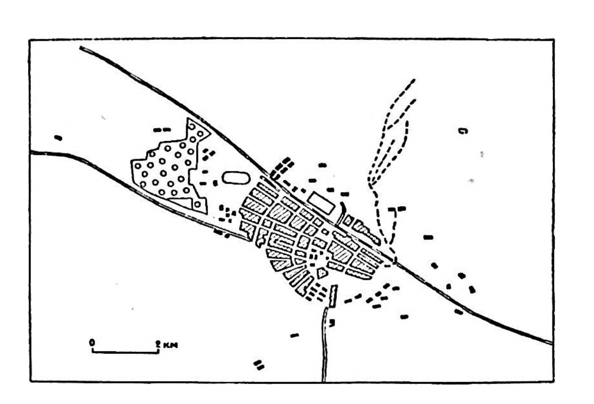
трудниками Геок-Тепинского плодово-виноградного питомника, они используются теперь как защита от ветров для опытных виноградных насаждений. Геок-Тепинский район еще не сказал своего последнего слова в туркменском виноделии. Сухость воздуха и особенности сортов местного винограда позволяют думать, что в будущем геоктепинские десертные вина выдержат сравнение с лучшими винами Крыма, Северного Кавказа и Молдавии.

АШХАБАД — СТОЛИЦА СОВЕТСКОГО ТУРКМЕНИСТАНА

0
2 KM

1

шхабад лежит на слегка покатой равнине предгорий Копет-Дага, вытянувшись километров на семь с запада на восток и километров на пять от железнодорожного полотна к югу, в сторону гор.

Это самый южный из столичных городов советских союзных республик. Его северные окраины пересекает 38-я параллель, которая проходит у северного побережья Африки и по югу Испании, а в западном полушарии определяет местоположение Сан-Франциско.

В Ашхабаде пребывает правительство Туркменской Советской Социалистической Республики. Ашхабад также средоточие ее промышленности и культуры. В этом городе открыто три вуза, двадцать

техникумов, шестьдесят библиотек, примерно такое же количество детских садов. В Ашхабаде — пять театров и двенадцать клубов.

Здесь около двадцати крупных фабрично-заводских предприятий, которые производят ткани, стекло, обувь, трикотаж, мясные изделия, землесосы, детали сельскохозяйственных машин и многое другое.

Сравнительно с другими большими городами нашей страны Ашхабад невелик; но относительно городов своей республики он должен быть признан крупнейшим городом. В его домах на белых, чистых, приветливых улицах живет десятая часть всего населения Туркменистана.

Жители Ашхабада считают свой город самым красивым из городов Средней Азии.

Может быть, они преувеличивают, но с ними хочется согласиться, когда со стороны центральной площади смотришь на горы, подступившие к городу.

От площади Карла Маркса до гребня Копетдагского хребта по воздуху тридцать-сорок километров. Передовой горный кряж лежит от города всего в 14 километрах. А холмы, из которых иные представляют собой довольно значительные самостоятельные возвышенности, подступили к Ашхабаду вплотную.

Город, расположенный вблизи гор, подобен городу на море, — он всегда красив. Так красив и Ашхабад, особенно ранней весной, когда смотришь на его южную часть со стороны главной площади. Горы никогда не бывают одинаковыми. Утром их вершины кажутся розовыми от косых лучей еще не жаркого солнца, и розовым лежит снег в долинах, одна сторона которых обрезана густыми лиловыми тенями. Потом тени начинают бледнеть, и розовые тона пропадают. Снег становится голубым, склоны — зелеными, желтыми, золотыми, синими. Рельефность склонов, удивительно явственно обозначенная по утрам, постепенно сглаживается по мере того, как солнце поднимается выше. К полудню горы тускнеют и как бы удаляются, хотя попрежнему они зримы во всей своей громадности. К вечеру лучи начинают падать с правой, западной стороны, и панорама гор опять приобретает утраченную в полдень скульптурность. Только рельеф и все изломы теней теперь иные. Как будто за полсуток, что прошли от рассвета до заката, на горах произвели полную перестройку: срыли одни холмы и насыпали другие; прорезали глубокие ущелья там, где их раньше не было, а старые завалили разноцветными камнями. И все это покрыто новыми, невиданными, но столь же прозрачными и чистыми, что и прежде, красками.

Горы в Ашхабаде видны с любой улицы, стоит только повернуть голову к югу. Лишь в редкие дни зимнего или весеннего ненастья

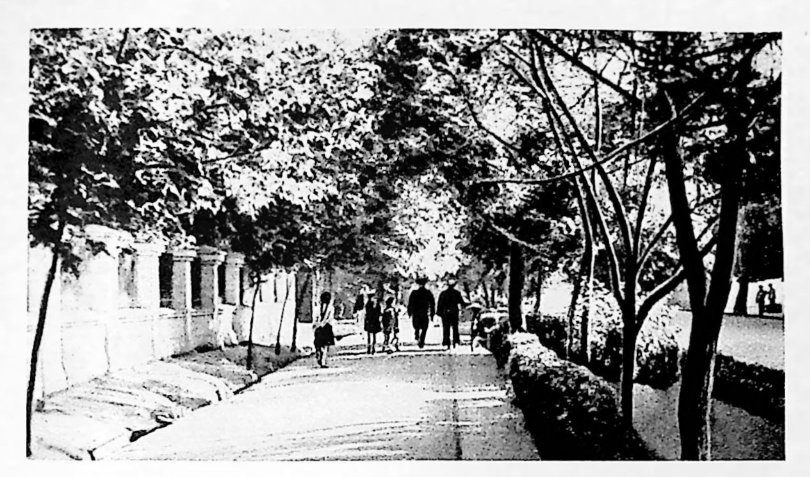
Памятник Ленину

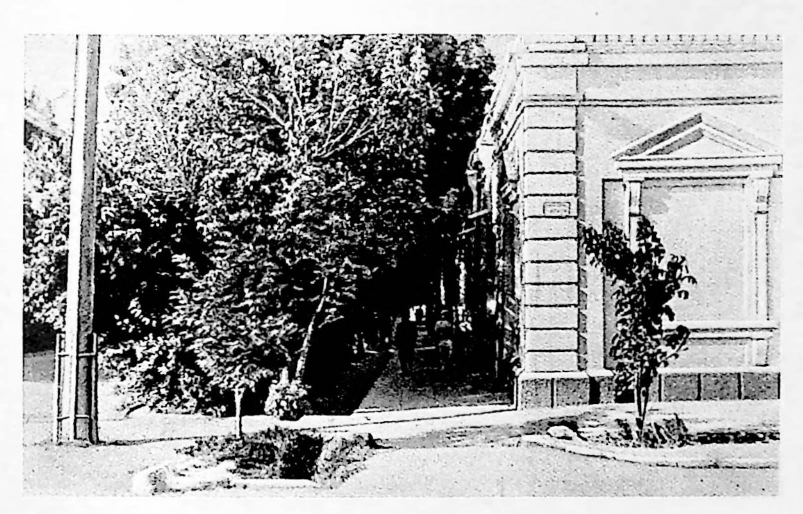
Туркмены

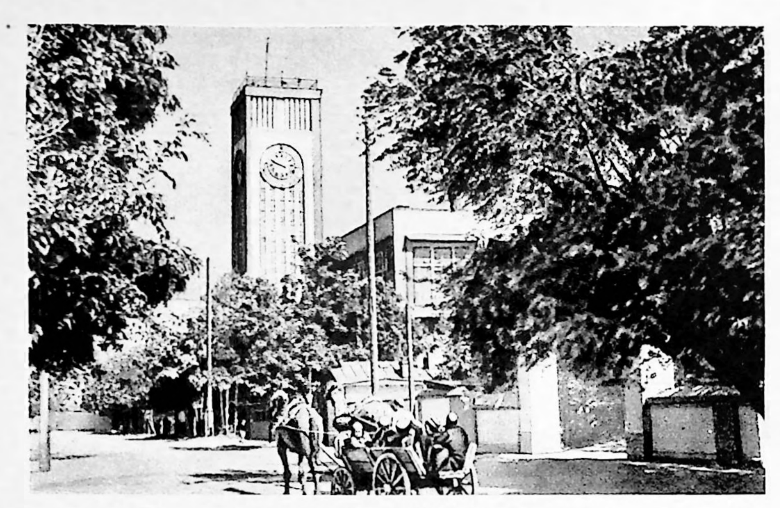
Здание гостиницы „Дом Советов"

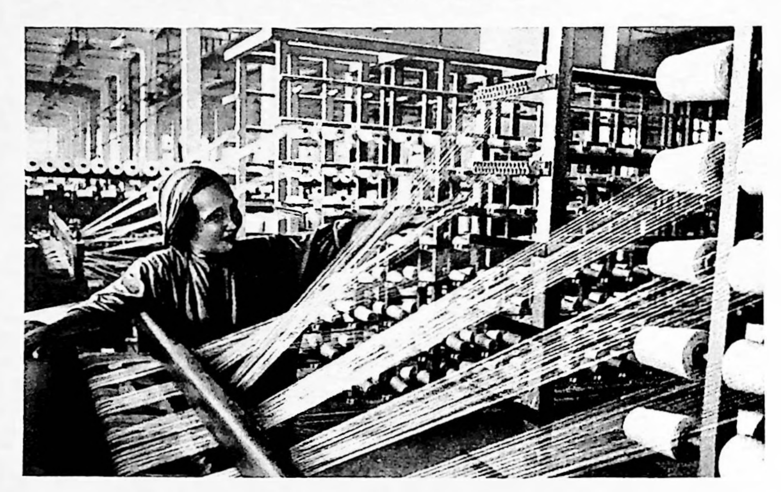
Ашхабад. Улица Гоголя

Улица в Ашхабаде

Текстильная фабрика

Текстильная фабрика. Банкаброшный цех

Ашхабад (издали, со стороны Кара-Кум)

туман и тучи закрывают Копет-Даг серой завесой. Таких дней за год случается в среднем около восьмидесяти. В остальное время над городом протянута сияющая, не очень яркая голубизна безоблачного неба. Район Ашхабада по количеству ясных дней занимает одно из первых мест на земном шаре. Это город почти постоянного солнечного сияния.

Ашхабад кажется еще более солнечным от окраски зданий. Он бел. Его дома и ограды сложены из того же кирпича, что и в Ташкенте или Бухаре, но обилие известняков в копетдагских горах издавна приучило ашхабадцев не жалеть извести на побелку. Ашхабад, если смотреть на него с самолета или просто с холмов, подступивших к городу, кажется горстью сахара, уроненного в траву, — так белы его опрятные домики среди зелени садов и уличных насаждений.

Близость гор, голубизна неба и чистота прямых улиц, обсаженных мощными деревьями, придают столице Туркменистана неповторимое очарование, хотя для человеческого организма порой и нелегко находиться под почти отвесными лучами солнца Закаспия.

В знойные дни хорошо уйти в холмы, обступившие город с юга. Это круглые, лобастые возвышенности, открытые солнцу со всех сторон. На них растет только трава. Но на холмах всегда ощутимо движение ветра, отсутствие которого летом сильно чувствуется на городских улицах.

С холмов можно обозреть весь город.

Вот еле различимой ленточкой по северной его границе протянулось железнодорожное полотно. Со стороны Геок-Тепе движется поезд. Он непривычно лишен такого обязательного атрибута всех движущихся поездов, как дым из трубы паровоза, растянувшийся над вагонами. Поезд ведет тепловоз — и дыма быть не может.

В Ашхабаде почти нет высоких зданий, и потому каждый двухэтажный дом хорошо виден сверху, как в Москве сверху видно каж-

дое десяти- или двенадцатиэтажное здание. Высшими точками в городе являются четырехугольная серая башенка над зданием текстильной фабрики, круглая труба стекольного завода, два чрезмерно тонких минарета над куполом бывшей мечети и две изящные башенки над длинным зданием главной городской гостиницы. В годы Великой Отечественной войны к этим большим домам прибавилось еще массивное здание нового железнодорожного вокзала. Но вокзал расположен в противоположной от холмов стороне, и еле различимые очертания его можно только угадывать, как угадываешь и новые жилые корпуса рабочего поселка на восточной окраине города.

Стоя на холмах, видишь не только город, но одновременно и ту песчаную пустоту, которая начинается сразу за Ашхабадом, едва пересечешь железную дорогу и пройдешь два километра в северном направлении.

Конечно, на холмах не ощутишь всей пустынности песчаных просторов, которые протянулись от Ашхабада на четыреста километров, вплоть до дельты Аму-Дарьи. Но одна мысль о том, что из окон окраинных домов столицы виден Кара-Кум, сразу поднимает уважение к этому молодому городу, живущему деятельной советской жизнью на самом берегу пустыни.

2

Самая большая улица в Ашхабаде носит название улицы Свободы.

Она пронизывает город от западных его окраин до восточных, протянувшись параллельно железной дороге на семь километров. Восточный конец ее тяготеет к дороге, ведущей в аул Ашхабад. Уклад жизни ее западных кварталов подчинен интересам текстильной фабрики имени Дзержинского, серый корпус которой — крупнейшее здание не только этой улицы, а всего Ашхабада.

Когда проходишь вдоль улицы Свободы, от старого туркменского аула до текстильного гиганта, мысленно как бы повторяешь весь путь, какой прошел Туркменистан, в прошлом неграмотная, бесправная страна, ставшая за тридцать лет советской власти передовой социалистической республикой.

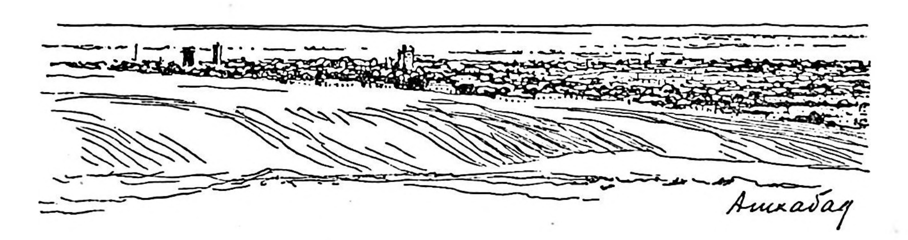
Аул Ашхабад к приходу русских был типичным туркменским аулом. Вплоть до 1917 года весь Туркменистан был аульной страной, и в жизни каждого аула отражалась, как в зеркале, жизнь всего народа. В дайханском доме царили обычаи и порядки, обусловленные родовым строем, который только начинал разлагаться. В каждой семье

распорядителем судеб домочадцев был хозяин, и он же был неограниченным владельцем материальных благ, вырабатываемых или добываемых семьей.

Женская половина дома составляла как бы особый мир, будучи совершенно изолированной от общества мужчин. Молодежь не допускалась в общество старших, а вся семья в целом обязательно была втянута в племенную и родовую рознь, раздиравшую на части туркменский народ.

Вот что рассказывает о прошлом туркменского аула один из современных туркменских писателей Аширов Чары в своей автобиографии. Послушаем его.

«В ауле, где я родился и жил, — говорит писатель, — а это было рядом с Ашхабадом, — один раз произошла ссора из-за воды, перешедшая в свалку. Во время свалки был убит родич раздатчика воды — мираба, и нечаянным убийцей его оказался родственник моего отца. Опасаясь кровной мести со стороны семьи убитого, часть аула, родственники моего отца, решила переселиться на новые места. За дорогую плату на новом месте нам удалось купить пай воды. Отец обработал кропотливо и тщательно свой новый участок, но когда пришло время полива, новые соседи, главари аула, куда мы пришли, отказались отпустить нам воду. Мой отец был пришелец, чужой человек, а воды в тот год было мало. Тогда отец и другие наши родственники решили взять воду силой. У головного арыка произошла свалка. На помощь нашим родичам подоспели жители соседнего аула, давно враждовавшие с теми, кто нам не хотел дать воды. В кровавой схватке отец убил мираба. Но и сам был убит. С ним были убиты и все старшие в нашем роду, в том числе и мои старшие братья. Мать моя осталась одна с младшими детьми. Что ей было делать на чужом месте, где всех нас ждала месть?! Она взяла обоих малолетних сыновей, одним из которых был я, и вернулась в родной аул. «Вот мои

сыновья, — сказала она старейшинам аула, — убейте одного из них и тем освободите мое племя от мести. Тогда хоть другой сын будет расти спокойно». Мы с братом были так молоды, что кровники пожалели нас. «Ладно, — сказали они, — живите попрежнему, только не попадайтесь часто на глаза».

Все рассказанное здесь случилось в 1914 году, — всего за три года до Октябрьской революции.

К началу революции хозяйство туркменского земледельца определялось не столько количеством орошаемой земли, сколько величиной ежесуточного пайка воды, отпускавшегося для полива. Вода даже в оазисах ценилась дороже золота и уж, конечно, дороже человеческой жизни

Претендовать на воду мог тогда только мужской представитель семьи, и то лишь в том случае, если был женат. Это вело к сверхранним бракам, когда жених и невеста порой еще не умели твердо стоять на ногах и не умели говорить. Отсюда же и рост издольничества и батрачества. Бедняку самостоятельно уплатить дорогой калым — выкуп за невесту — было не под силу, и часть калыма за него вносил бай. Но за оказанную помощь бай требовал с бедняка либо доли его воды, либо рабочих рук, либо того и другого вместе. Получался порочный круг: чтобы получить воду, бедняк покупал невесту, а чтобы уплатить калым за невесту, он отдавал свою воду или делался батраком Чаще всего и его первенец становился батраком, так как долг баю, вместо того чтобы уменьшаться, рос из года в год.

Сын бедняка, отрабатывая отцовский долг, уходил обычно с байскими стадами в пески и, случалось, там оставался десятилетиями, не видя и не зная ничего, кроме барханов и волков да старшего пастуха.

3

Аул Ашхабад дал свое имя городу, который был основан в 1881 году как военное укрепление и как административный центр Закаспийской области.

Первыми постройками нового города Ашхабада были крепость, сложенная из необожженного кирпича, и жилые дома офицеров и царских чиновников, предпочитавших селиться неподалеку от крепостных стен.

Остатки городского укрепления уцелели и до наших дней. В виде глинистого высокого холма они подступают к самым окнам гостиницы «Дом Советов» — лучшего здания в городе.

Ашхабад рос быстро. К началу революции это был уже крупный областной город — с двумя гимназиями, с офицерским собранием, с театром, с краеведческим музеем, с библиотекой и большим тенистым парком, занимавшим несколько кварталов неподалеку от железнодорожного вокзала.

Город населяли русские и армяне, которые вели торговлю с иранскими купцами и туркменскими дайханами. Царское правительство старалось искусственно задержать туркменское население на стадии полукочевого и кочевого хозяйства, на которой его застал приход русских. В городе туркмен не было: они жили в аулах. Ближайшими аулами к Ашхабаду были аул Кеши, ныне сомкнувшийся с городом, и аул Ашхабад, давший свое имя городу.

Развитие рабочего революционного движения в России находило горячий отклик и в Туркменистане. Трудящиеся туркмены в союзе с русским народом и под его руководством поднимались на борьбу против царизма, против буржуазно-помещичьего строя, против баев и родовых старейшин.

Серьезные выступления туркменского населения против самодержавия произошли в 1916 году, во время первой мировой войны, когда царское правительство пыталось мобилизовать коренное население Средней Азии на тыловые работы.

Революция в Закаспии протекала бурно. Крупных фабрично-заводских предприятий ни в Ашхабаде, ни в других городах не было. Сравнительно немногочисленным русским рабочим, преимущественно железнодорожникам, и аульной бедноте пришлось преодолевать отчаянное сопротивление не только городских купцов и чиновников, но и аульных старейшин и баев, поддерживаемых иностранными интервентами. В 1918 году власть в Ашхабаде захватили эсеровско-белогвардейские заговорщики, которые немедленно позвали на помощь англичан, чтобы огнем и кровью подавить революцию Борьба была жестокая и долгая. Банды басмача Джунаида, эсеровские и деникинские отряды, английские колониальные войска составили единый фронт, которому противостояли отряды молодой Красной Армии и партизанские отряды аульной бедноты.

То, что большевики боролись одновременно и против ставленников русской и иноземной буржуазии и против местных баев, помогло аульной бедноте именно в большевиках увидеть ту силу, которой можно довериться и которую надо поддерживать.

Закаспийский фронт возник в 1918 году и был ликвидирован в 1920 году, когда из Красноводска бежали последние отряды англичан.

В подготовке разгрома белогвардейщины и интервентов в Туркменистане личное участие приняли товарищи Куйбышев и Фрунзе.

Гоголевская улица

Русский народ братски помог туркменам освободиться от всех угнетателей, образовать свое, советское государство, как затем помог построить развитое социалистическое народное хозяйство.

До 1924 года Ашхабад оставался областным центром Туркестанской автономной республики, входившей в состав РСФСР. После воссоединения разрозненных частей туркменского народа в единую советскую республику Ашхабад стал столицей Туркменской Советской Социалистической Республики.

В 1925 году, после окончания работ по национальному размежеванию, в Ашхабаде были созваны первый съезд Советов Туркменской ССР и первый съезд коммунистической партии Туркменистана. Съезд коммунистической партии получил приветствие от вождя советского народа Иосифа Виссарионовича Сталина:

«Приветствую партийный курултай Туркменистана с воссоединением разрозненных ранее частей туркменского народа в единую Советскую республику; не сомневаюсь, что партийные и советские работники Туркменистана выполнят задачу вовлечения туркменских трудящихся масс в дело строительства новой советской жизни.

Да здравствует коммунистическая партия Туркменистана!» [1]

Старое название города, Асхабад, в первые годы революции было изменено на Полторацк — в память комиссара труда Туркестанской республики П. Полторацкого, расстрелянного в 1918 году белогвардейцами в городе Мерве.

Полторацкий, бывший рабочий-железнодорожник, был выдающейся личностью.

улица Свободы

[1] См. Ленин и Сталин. «О Средней Азии и Узбекистане». Сборник, стр. 222, Ташкент, 1940 г.

Письмо к рабочим Туркестана, написанное им за несколько часов до казни, принадлежит к числу замечательных человеческих документов. Вот оно:

«Я приговорен военным штабом к расстрелу. Через несколько часов меня не станет. Имея несколько часов в своем распоряжении, я хочу использовать это короткое драгоценное время для того, чтобы сказать вам, дорогие товарищи, несколько предсмертных слов.

Товарищи рабочие! Погибая от руки белой банды, я верю, что на смену мне придут новые товарищи, более сильные, более крепкие духом, которые станут и будут вести начатое дело борьбы за полное раскрепощение рабочего люда от ига капитала.

Но уходя навсегда от вас, я, как рабочий, боюсь лишь только одного: как бы моя преждевременная смерть не была истолкована, как признак временного крушения, временной утери тех завоеваний, которые были даны рабочему классу Октябрьской революцией, а это явится сильным ударом не только для туркестанского пролетариата, но и для всего дела международной революции.

Умереть не важно и не слишком больно, но тяжело чувствовать, что часть демократии (трудового народа), подпавшей под влияние белогвардейцев, своими же руками роет себе могилу, совершая преступное дело...»

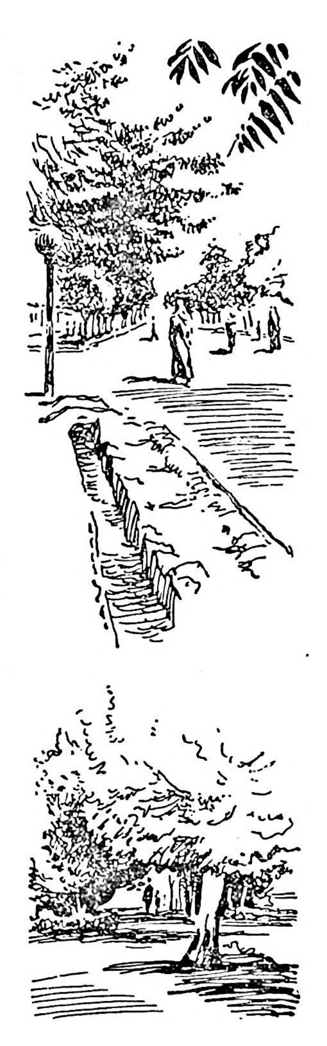
Письмо заканчивалось горестно и мужественно:

«Ну, товарищи, кажется, все, что нужно сказать, сказал вам. Надеюсь на вас.

Я спокойно и навсегда ухожу от вас, да не сам, а меня уводят.

Приговоренный к расстрелу П. Полторацкий.

21 июля 1918 г., в 12 часов ночи».

Жилой дом на Первомайской ул.

Слово «ночи» было написано крупными буквами.

Имя Полторацкого осталось в памяти народа и после того, как туркменской столице в 1924 году было возвращено ее исконное прозвище — Ашхабад.

Советский народ не забывает тех, кто пролил кровь за утверждение равенства и свободы для всех народов — без различия языков и рас.

4

В начале своей истории Ашхабад имел два естественных центра — крепость и вокзал. Крепость была центром чиновничьей части города. Тут стояли особенно прочные толстостенные дома, с крепкими решетками на окнах и контрфорсами по углам. В таких домах было менее страшно землетрясение, а за толстыми стенами даже в самые жаркие месяцы сохранялось некоторое подобие внутрикомнатной прохлады. Около каждого дома обязательно был разбит сад, для поддержания которого жители не жалели ни затрат, ни воды.

Ближе к вокзалу жили железнодорожные рабочие и ремесленный люд. Здесь дома были ниже и теснее, садики меньше, а пыли на улицах больше.

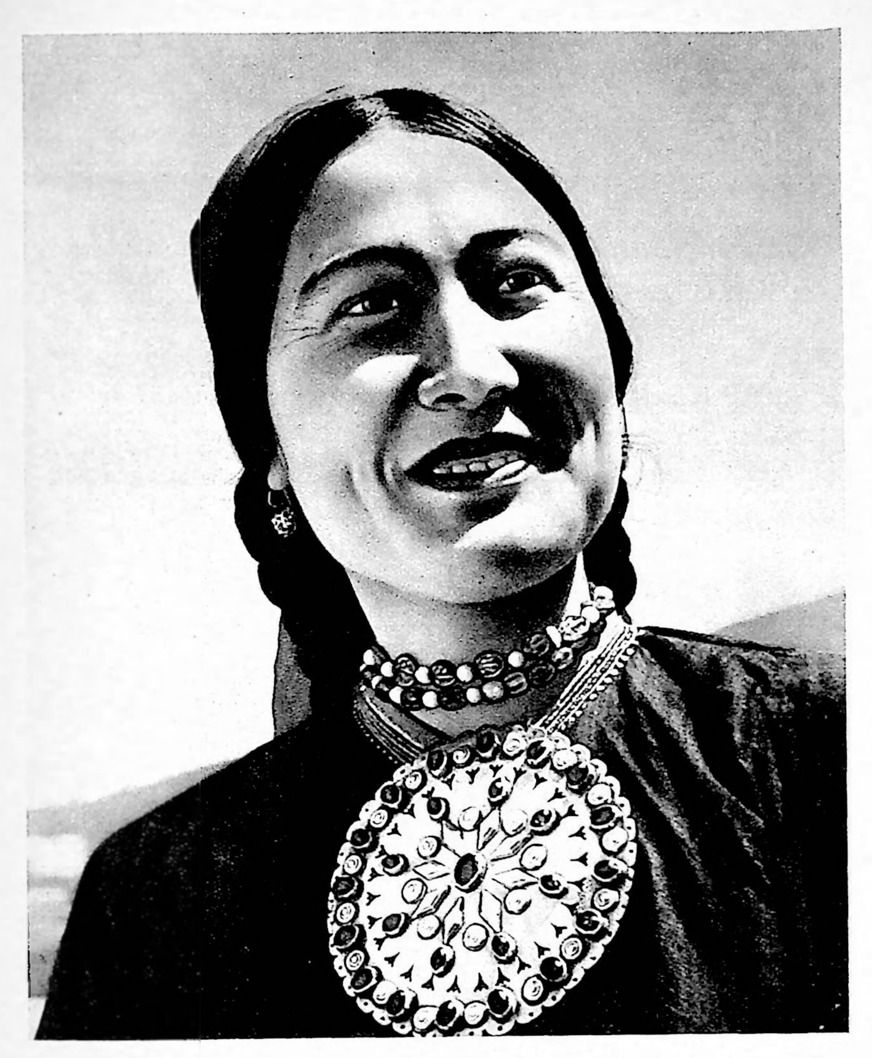
Оба эти центра вначале были разделены широкой прямой дорогой, прорезавшей город с востока на запад. Скоро эта древняя дорога застроилась домами и стала улицей. После революции ей дали название улица Свободы.

Постепенно стал складываться и третий центр Ашхабада — торговый. На расстоянии, примерно одинаковом от вокзала и от крепости, был выстроен мрачный гостиный двор, ставший не только средоточием магазинов и лавок, но и центром притяжения для жилых домов торговцев.

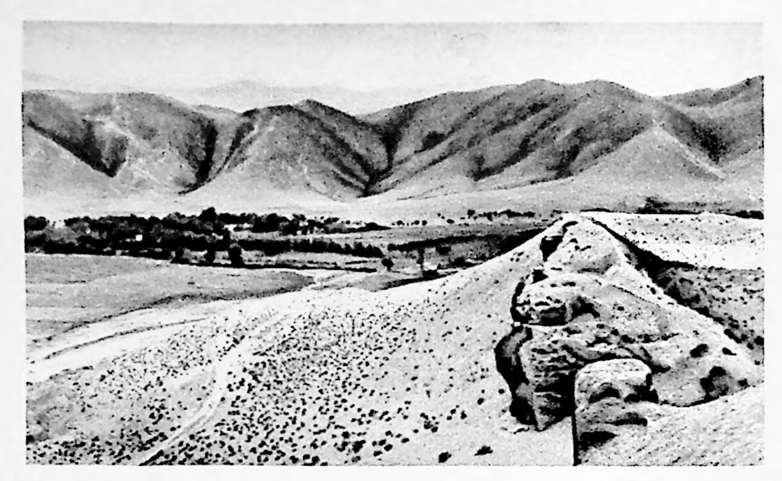

Ашхабад

Туркменская колхозница

Аул Багир

Сады в Фирюзе

К западу от центрального базара был и другой базар, носивший название Текинского. Сюда приезжали туркмены из окрестных аулов за мукой и хлебом и привозили на продажу мясо, овощи и шерсть.

Текинский базар считался окраиной города. За ним начинались пустыри и караванные тропы.

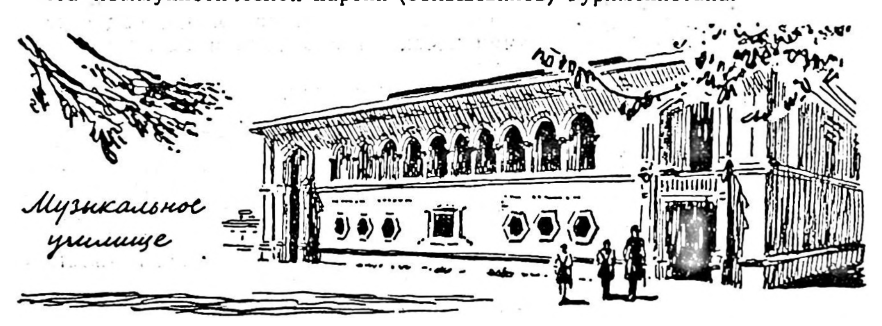
За годы советской власти эти отдельные центры слились в один. Ашхабад разросся во все стороны, оделся в асфальт, приукрасился, и теперь уже очень трудно отдать предпочтение какой-нибудь одной из его улиц.

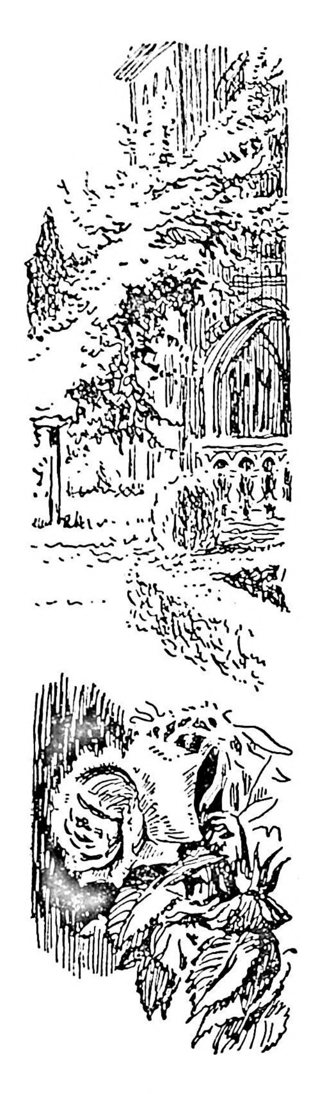
Улица Свободы — самая длинная улица города, но ее не назовешь центральной. Не меньшее право на такое наименование имеет и Гоголевская улица, на которой стоит весь в зелени акаций белоколонный Дом правительства, и Первомайская, берущая начало у Дома Советов и сосредоточившая в себе все лучшие магазины города, и улица Энгельса, где в одном из больших двухэтажных зданий разместились институты и кабинеты Туркменского филиала Академии наук СССР.

Центральной может быть названа лишь площадь Карла Маркса. Она совпадает с геометрическим центром города, а кроме того, в Ашхабаде нет другой площади, равной ей по величине и по значению.

На площади Карла Маркса, откуда кажется особенно многоцветной громада Копет-Дага, проходят все народные торжества и праздничные демонстрации. Площадь представляет собой большой полукруг, обращенный выгнутой стороной к югу. Срединная часть полукруга посыпана песком и галькой. По краям проложена заасфальтированная дорога и посажены деревья.

Площадь окружают Дом Советов, исполком горсовета, Туркменская государственная библиотека, радиостудия. От площади берет начало улица Карла Маркса, на которой находится дом Центрального комитета коммунистической партии (большевиков) Туркменистана.

К югу от площади Карла Маркса улицы расходятся веером в сторону холмов, постепенно теряясь там. Вся эта южная часть города являет собой вид как бы величественного театра. Площадь подобна открытой гигантской сцене, а маленькие белые домики на холмах взбираются, точно ряды амфитеатра, — чем дальше от сцены, тем выше.

Это впечатление театральности и праздничности усиливает декорация гор, удивительно гармонично сочетающихся с архитектурой городских зданий, точно вылепленных из белизны.

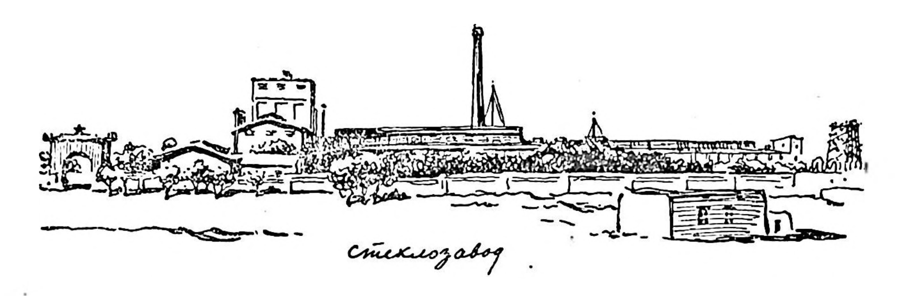
Северная часть города, между площадью и вокзалом, распланирована в виде прямоугольника, вытянутого с запада на восток. Все улицы здесь пересекаются под прямым углом. Проезжая их часть покрыта асфальтом, а вдоль арыков, отделяющих мостовые от тротуаров, растут платаны, акации, клены.

Улица Свободы — лучшая улица этой части города.

Если встать в конце ее спиной к аулу Ашхабад и кинуть взор на запад, улица покажется бесконечной. Единственное, что разглядит зоркий глаз на противоположном конце ее, — это квадратная башенка, поднявшаяся, как дозорная вышка, над соседними плоскими кровлями и белыми оградами.

Это башенка над текстильной фабрикой имени Дзержинского.

Ашхабадская хлопчатобумажная фабрика сыграла в истории Советского Туркменистана большую роль. До революции своего пролетариата в Туркменистане почти не было. Текстильная фабрика вступила в строй в годы первой сталинской пятилетки. В то время начиналась коллективизация, встретившая бешеное сопротивление баев.

Буржуазные националисты, надеясь на вековую отсталость аульного населения, шли на любые провокации, только бы очернить святое дело большевиков. Классовая борьба принимала формы открытой войны. По дорогам республики часто вздымали пыль басмаческие шайки. В аулах то и дело раздавались из-за угла выстрелы подосланных убийц. Вредители всеми средствами пытались срывать мероприятия советской власти. Постройка текстильной фабрики в таких условиях была не просто очередной производственной победой большевиков, — она была началом новой главы в истории туркменского народа. Вчерашний кочевник становился производственником-рабочим.

На фабрику были позваны женщины из аулов. Это означало конец бытового бесправия вчерашней рабыни. Подходя к станку, которым она позвана была командовать, туркменская женщина выходила на сияющий путь свободы. И повернуть ее вспять уже не могла никакая сила.

В те годы улица, на которой разместилась фабрика имени Дзержинского, могла считаться центральной улицей всей Туркменской республики.

С тех пор прошло немало лет. В Ашхабаде уже не одно крупное фабрично-заводское предприятие, а два десятка. За годы сталинских пятилеток и за годы Великой Отечественной войны промышленность Ашхабада сильно развилась. На каждом из предприятий за станками рядом с мужчинами стоят женщины. Недавние аульные затворницы работают лаборантками в научно-исследовательских институтах, учительницами в школах, агрономами в колхозах. В Туркменском государственном театре оперы и балета, что разместился на той же улице, на которой стоит и дом Туркменского филиала Академии наук СССР, идет опера «Евгений Онегин» на туркменском языке, и роль Татьяны поет артистка, родившаяся в первые годы революции в отдаленном ауле. Подруга этой артистки, родившаяся в том же ауле, теперь лучшая лаборантка на стекольном заводе имени Калинина, который выстроен перед войной на

глухой улице окраины Ашхабада. Этот завод — единственный в Средней Азии по выпуску листового стекла. Завод работает уже несколько лет, и улица, на которой он стоит, давно уже не глухая и не слепая. На ней горят электрические фонари, и радиорепродукторы по вечерам передают концерты из Москвы.

Да, трудно предпочесть какую-нибудь одну из улиц Ашхабада, назвав ее центральной в ущерб другим.

5

Слово Ашхабад в переводе на русский язык означает — приятный город, приятное место.

Каждый, кто посетил этот город в апреле или в мае, согласится, что имя для туркменской столицы выбрано удачное. Ашхабад — город-сад. Прекрасно зелен и тенист Центральный парк культуры и отдыха, вытянувшийся вдоль улицы Свободы. Достаточно провести на ашхабадском солнце час или два, чтобы оценить отраду, заключающуюся в возможности опуститься на скамью в тени деревьев, не пропускающих ни одного луча даже в нестерпимый летний полдень. Беднее тенью, но богаче красотой Ленинский сад, раскинутый в оживленной части города против филиала Академии наук. Более тридцати лет назад здесь был военный плац. Туркмены, приезжавшие из аулов на базар, старались как-нибудь стороной объехать этот раскаленный пустырь, на котором раздавались выкрики команды и пугающая дробь барабана. Теперь колхозник из аула Кеши или из аула Ашхабад, когда сойдет с автобуса, доставившего его в центр города, прежде чем направиться по делам, завернет в сад посмотреть на памятник

Ленину, обойдет его кругом, покачает головой и скажет: «Хорошо!» Фигура Владимира Ильича, отлитая в бронзе, стоит на постаменте, майоликовые украшения которого повторяют орнамент и расцветку туркменских ковров. Этот многоцветный памятник — гордость ашхабадцев. Ленин в хорошо знакомой миллионам советских людей позе, с поднятой рукой, стоит на трибуне, убранной коврами, а за его спиной ведут свою нескончаемую игру красок фиолетовые, синие, золотые, изрезанные белыми молниями склоны Копет-Дага.

Когда подъезжаешь к городу — приближаешься ли к нему со стороны Чарджоу, или со стороны Геок-Тепе,— Ашхабад возникает на горизонте в виде темной, густой рощи, прижавшейся к каменистому подножию Копет-Дага. Лишь оказавшись ближе, начинаешь различать стены и крыши домов.

Бо́льшая часть домов Ашхабада окружена садами. За глиняными оградами растут акации, деревья урюка и виноградники. По многим улицам можно пройти из дома в дом в сплошной тени листвы, даже в жаркий день не боясь обжечь лоб на горячих лучах. На тротуарах не редкость увидеть дерево, которое так разрослось, что ствол его — чуть не в три обхвата — заполнил собой добрую половину тротуара.

Он бесспорно красив весной и ранним летом, этот город-парк, когда все богатство его садов покрыто молодой листвой.

И, однако, каждый ашхабадец знает, что зеленое богатство его города поставлено под угрозу. Воды нехватает. Когда город был небольшим укреплением и даже когда он уже стал главным чиновничьим и торговым городом Закаспийской области, ему доставало той воды, что стекала в открытых или закрытых руслах с Копет-Дага. Но теперь рост города убыстрился, и прежние источники уже не в силах справиться с выпавшей на их долю задачей.

Вода, прежде обильно бежавшая по арыкам и смачивавшая ежедневно подножия акаций и платанов, теперь в значительной своей доле переместилась в водопроводные трубы и идет на потребности человека в его домах, в школах, на фабриках. Арыки целыми днями лежат сухие. Зелень деревьев блекнет. Белая пыль покрывает сады. Меньше травы стало у подножия деревьев в городских парках.

Воды нехватает не одним только растениям, недостаток в ней испытывает и человек. В Ашхабаде вместе с ростом населения увеличилась потребность в воде. Рост культуры всегда повышает расход воды на душу населения.

Обеспечить Ашхабад водой — задача не только коммунального хозяйства столицы, это задача всей республики, для которой Ашхабад — центр политический, промышленный, культурный.

В последнее время вводятся в строй новые буровые скважины. Ведется работа и по улучшению прежних.

Но коренным решением задачи может быть лишь переброска больших водяных потоков издалека. Но откуда перебрасывать воду? Местности к западу от столицы сами находятся в положении жаждущих. Кяризы Казанджика и Джебела призваны поить Красноводск и Небит-Даг. Значит, надо думать о восточных районах. К востоку от Ашхабада протекают три главные туркменские реки: Теджен, за Тедженом, в ста с лишним километрах, Мургаб и еще через двести пятьдесят километров — многоводная Аму-Дарья.

Проще, конечно, было бы взять воду из Теджена. Но посевы Тедженского оазиса сами страдают от засухи.

Нельзя использовать и воду Мургаба. Дельта реки Мургаб — это хлопковая житница Туркменистана. Земли Мургаба без преувеличения могут считаться золотоносными. Здесь выращивается девять десятых всего туркменского длинноволокнистого хлопка. Но воды нехватает и полям Мургабской долины.

Значит, остается обратиться к Аму-Дарье.

Эта мощная река до сих пор выбрасывает в Аральское море четыре пятых всех своих вод. Но от Ашхабада до Аму-Дарьи полтысячи километров. Вот как далеко придется вести воду! На земном шаре не было опыта подобной стройки.

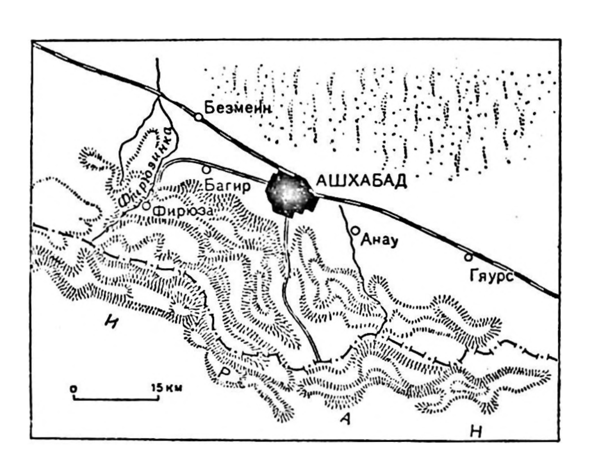
Но техническая мысль Сталинской эпохи не хочет знать препятствий. Постройка Большого Кара-Кумского канала, как названа в проекте будущая водная магистраль от Аму-Дарьи к Копет-Дагу, положит начало совсем новой эпохе в хозяйственном расцвете Туркменистана.

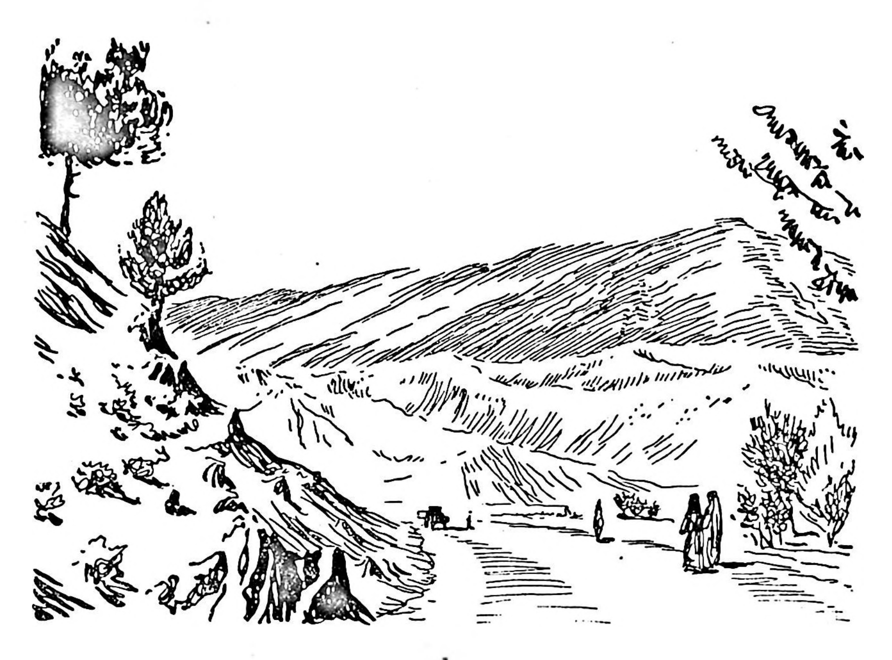

ОКРЕСТНОСТИ АШХАБАДА

Безменн
АШХАБАД
Багир
Фирюзинка
Фирюза
Анау
Гяурс
К
Р
А
Н
0
15 км

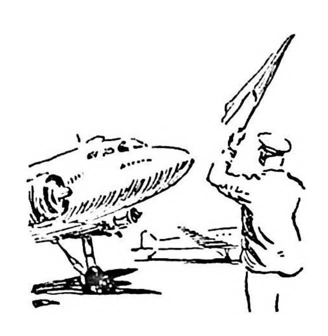

1

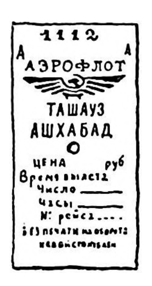
Ашхабад лежит километрах в тридцати от советско-иранской границы. Это не мешает ему быть не только административным центром республики, но и ее географическим центром.

От Ашхабада до самого большого города Западного Туркменистана, Красноводска, — 554 километра. Это расстояние приблизительно соответствует расстоянию, отделяющему Ашхабад от главного города Восточного Туркменистана, Чарджоу, — 587 километрам. Примерно на таком же расстоянии лежит от столицы и центр Северного Туркменистана, областной город Ташауз, — 530 километров. До городов юга Туркменистана, Кушки и Керки, — 500—550 километров.

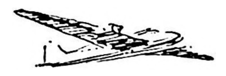
Как видим, Ашхабад действительно «центр» туркменской земли, от которого расходятся пути ко всем главнейшим городам республики.

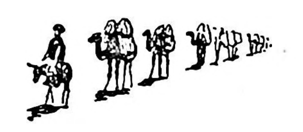
По воздушным дорогам путь от сто
лицы до любого из областных центров длит
ся не больше трех-четырех часов. Самолет
ный транспорт настолько сблизил прежд
разъединенные оазисы, что бывают случаи
когда колхозники северного оазиса, чтобі
посмотреть новую постановку в ашхабад
ском театре, заказывают специальный са
молет, вылетают после обеда из Ташауза,
семь часов входят в зрительный зал, а н
рассвете снова садятся в самолет и улетаю
домой, в Ташауз.

Самолетами перевозят в Туркмениста
не только пассажиров или грузы. Перевс
зят целые стада. Перевозят и воду. Пере
возка воды на самолетах практикуется н
линии, соединяющей Ашхабад с серным
заводами, выстроенными в центре Кара
Кума. Заводы, разрабатывающие серны
бугры, со всех сторон окружены пустыней
От железной дороги их отделяют 200
лишним километров. Тяжелые грузовые са
молеты несколько раз в сутки прилетают и
Ашхабада за серой. Эти же машины достаі
ляют из города цистерны с водой, так ка
собственной воды в районе серных бугрс
нет. Теперь там строится водопровод.

Пучку воздушных трасс Туркменско
республики на земле соответствует пучо
железнодорожных и автомобильных лини
и караванных троп. Самолет вовсе не отм
нил верблюжьего каравана, одного из дрег
нейших средств сообщения в пустыня
Природа так идеально приспособила верб
люда к странствию по пескам, что в зада
чу дальнейшего хозяйственного развити
Туркменистана входит не только внедрени
новых марок самолетов, но и расширени
поголовья верблюдов и улучшение их поро
Караванные тропы связывают Ашхаба
главным образом с северными районамі
до которых надо добираться по пескам

К югу, в сторону гор, пролегли вполне современные гудронированные автомобильные шоссе. Из них самое живописное и самое оживленное — это Фирюзинское шоссе, соединяющее столицу с дачным поселком Фирюза.

2

Фирюза всегда была любовью и гордостью ашхабадцев.

Этот небольшой дачно-курортный поселок приютился в узком ущелье Копет-Дага, на берегу речки Фирюзинки, на высоте 600—800 метров над уровнем моря. В самые знойные дни июля, когда в Ашхабаде горячие ветры и пыль сжигают деревья и накаляют камни до 70—75 градусов, в фирюзинских садах сравнительно прохладно.

На дне фирюзинского ущелья в обилии растут платаны, грецкие орехи, алыча, айланты, акации, гледичии, тутовники, а также вишни, яблоки и черешня.

Все в зелени садов на берегу Фирюзинки стоят небольшие домики, образуя единственную улицу. На ней в весенние дни оглушительно поют соловьи и перепархивают с ветки на ветку горлинки.

Летом по Фирюзинскому шоссе с утра до ночи, особенно в выходные дни, движутся потоки автобусов, повозок, велосипедов, пешеходов. Неширокое шоссе накатано до блеска. Оно начинается на окраине Ашхабада как продолжение Первомайской улицы и, выбравшись за город, еще долгое время напоминает больше городскую улицу, нежели шоссе. К боковым кюветам то и дело выбегают откуда-то из пустыни кирпичные домики обычного городского вида. Но вот дорога сделала очередной поворот, из виду скрылись последние признаки города. Кругом взбаламученное раздолье пустыни и недалекие отроги Копет-Дага. В сторону этих отрогов и нацелено шоссе.

Оно мягко поднимается на холмы, затем опять сбегает в низину, которая по мере приближения к горам сама идет на подъем.

Через короткое время от шоссе отходит ответвление на аул Багир, поставляющий столице овощи, фрукты, молоко. Возле Багира находятся развалины города Неса. От него остались лишь холмы и курганы. Археологи извлекают из этих курганов одну за другой реликвии древнейших культур и уже вскрыли пласты, скрывающие остатки поселений пятитысячелетней давности.

Фирюза лежит выше Ашхабада на несколько сот метров. Но подъем, растянувшийся почти на сорок километров, еле заметен. Когда машина, наконец, достигает ущелья, кажется даже, что шоссе пошло не в гору, а под уклон. Эту иллюзию создают боковые скалы, структурные слои которых устремлены вперед и кверху, вызывая впечатление, будто дорога опускается.

Горы, образующие ущелье, совершенно обнажены. Но скоро по бокам появляется травка, вырастают деревья. Вот и пенистая Фирюзинка. Если бы машина шла бесшумно, можно было бы услышать журчанье и лепет воды.

Скалы продолжают оставаться безжизненными, но возле речки уже все больше деревьев. На одном из участков дороги, где ущелье раздалось, поместилось крупное садовое хозяйство. Там растут яблони, абрикосы, персики, виноград.

До Фирюзы осталось несколько километров. Дорога от города длилась всего час. Молодежь на велосипедах потратит на нее два часа. Впрочем, те, кто едет на велосипедах, не считают обязательным добираться непременно до поселка. Они делают привал в роще и отдыхают до вечера на берегу реки.

От шоссе ответвляется еще одна дорога, ведущая в соседнее ущелье, где разместился туберкулезный санаторий Чули.

Фирюза, Чули, аул Багир, аул Баба-Араб, славный своими яблоками, аул Ясман-Салык, виноградники которого дают известное вино «ясман-салык», и небольшое число других поселков и аулов, расположенных вблизи туркменской столицы, —вот почти весь зеленый фонд ашхабадских окрестностей.

Все эти поселки и аулы расположились вблизи ручьев и кяризов, и их садам не грозит засуха.

Впрочем, режим кяризов и речек тоже не всегда неизменен. Бывают сейсмические явления, которые иссушают колодцы или заставляют течь воду там, где ее никогда не было. В 1929 году в этом районе было сильное землетрясение. Пострадали многие ашхабадские здания. Пострадала и Фирюза. Но главным последствием землетрясения были не разрушенные дома, которые скоро были восстановлены, а уменьшение воды

в Фирюзинке. В недрах гор произошло какое-то смещение пластов, и подземные источники, питающие Фирюзинку, снизили выдачу воды на поверхность. Это несколько сузило возможности роста Фирюзы, но от этого не уменьшилась любовь ашхабадцев к своему пригородному курорту.

После открытия в Фирюзе гренажного завода этот дачный поселок стал играть немаловажную роль в хозяйстве области, способствуя быстрому росту колхозного шелководства.

3

Из других примечательных окрестных мест Ашхабада нельзя обойти молчанием развалины Анау, лежащие в девяти километрах к юго-востоку от города.

Дорога на Анау ничем не похожа на фирюзинскую живописную дорогу отдыха. Она лежит среди пустырей, всем своим видом напоминающих о близости пустыни. По обе стороны от нее под ветром гнется верблюжья колючка. Из-под колес машины, как и из-под копыт ишаков и верблюдов, вырывается густая белая пыль. Ветер относит пыль в сторону, но пыль снова встает с земли, и постепенно всадники и машина, и все, что впереди, и все, что позади, приобретает одинаковую бесцветную, серо-бурую окраску.

Скоро на ровной площадке между горами и железной дорогой возникает как бы лес серых глиняных столбов. Левее этого глиняного леса высятся насыпные холмы. Неподалеку от холмов стоит все растрескавшееся, наполовину осыпавшееся, но все еще величественное здание мечети с расписным порталом. Это и есть Анау. Глиняные столбы — это остатки города, а то, что мы при-

нялп за мечеть, — это и есть знаменитый мавзолей Анау, построенный в 1455 году по повелению правителя Хорасана — хана-Абул-Касым-Бабура.

Мавзолей представляет собой кирпичное квадратное здание, увенчанное плоским куполом. Такая архитектура типична для древних построек Средней Азии. Но крайне своеобразен орнамент, украсивший портал мавзолея. Вместо беспредметного геометрического рисунка, обычно украшающего фасады мусульманских построек, орнамент анауского портала воспроизводит изображение драконов, обративших друг к другу отверстые пасти.

Изображения драконов нарушают древние традиции мусульманского искусства, для которого воспроизведение живых существ считалось запретным.

Археолог Н. М. Бачинский так описывает этот орнамент мавзолея в Анау:

«...По порталу идет широкая горизонтальная полоса, в которой по темносинему фону набрано белыми буквами персидско-арабской вязи имя тимурида Абул-Касыма — правителя, при котором произведена была постройка мавзолея.

Текст этот гласит:

> «Совершилась постройка во время великого султана, держащего в повиновении и дарующего спокойствие своему царству и времени, Абул-Касым-Бабура Бахадур-Хана, да продлит всевышний на веки вечные его правление и власть».

Вся лента надписи взята в рамку из мозаичного набора чередующихся остроугольных контуров листьев четырех тонов — синего, голубого, желтого и белого. Этот же обрамляющий набор окаймляет и нижележащую декорацию тимпанов, заполненных изображением двух китайских императорских драконов. Фон набора темносиний, с разбро-

санными по нему белыми цветами яблони; изображение драконов окаймлено белым контуром, обводящим полные экспрессии изгибы тела фантастических зверей... Головы драконов обращены одна к другой, из открытых пастей высовываются языки, переходящие затем в ветви цветущей яблони».

Раскопки в Анау обнаружили и следы гораздо более древних эпох.

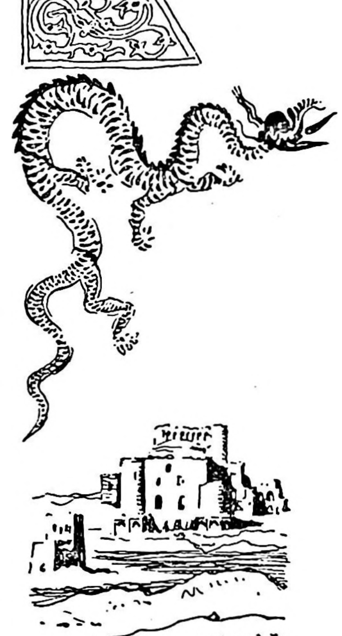
Столица молодой Туркменской республики построена на территории, которая принадлежит к древнейшим культурным землям, какие только известны человечеству.

Прикопетдагская равнина была извечным путем для человеческих потоков, двигавшихся из Центральной Азии и Китая на запад и в обратном направлении — с запада на восток. На протяжении пути, от Кизыл-Арвата до Ашхабада и дальше до станции Душак, можно видеть остатки древних селений, городов, храмов.

Надо предполагать, что как на современного человека отрадное впечатление производит сочетание горной и пустынной природы, отличающее эту залитую солнцем плодородную равнину, так и человек древних времен не оставался равнодушным к ее красотам. Выйдя из горных теснин или выбравшись из жгучих безводных пустынь, кочующий человек прошлого охотно приостанавливал здесь свое движение, раскидывал палатки, с наслаждением пил прохладную воду ручьев и пускал пастись своих коней по горным пастбищам. Найдя постоянные источники воды, этот древний человек приступал и к более фундаментальному строительству, возводя глиняные и каменные дома, строя укрепления, города, храмы.

Это было задолго до того, как туркменское племя текинцев впервые поставило здесь свои войлочные кибитки. Город Неса,

лежащий в 12 километрах от Ашхабада, возле аула Багир, построен, как полагают, Александром Македонским, то есть около двух с половиной тысяч лет назад. Город сперва назывался Александрополь и долгое время был центром могущественного греко-парфянского государства. По свидетельству древних географов, Неса отличался обилием садов. Вода была проведена с гор во многие дома; причем для предохранения воды от испарения она была пущена по трубам, уложенным в земле. Когда 1 300 лет назад в Среднюю Азию вторглись арабы, они нашли город Неса цветущим и богатым. Вот что писал про город Неса в конце первого тысячелетия нашей эры географ Абу-Исхак ал-Истахрий: «Это город плодородия, обильный водой и садами. По величине он равен Серахсу; в нем вода течет по дворам и улицам; это очень приятный город, и к нему принадлежат обширные и плодородные селения, находящиеся среди гор».

Другой арабский ученый той же эпохи, Абу-Абдаллах ал-Мукадам, так описывал Неса, который он повидал лично: «Неса—город обширный, здоровый и красивый, изобилующий водой и жизненными благами; там деревья переплетаются друг с другом, плоды прекрасны, соборная мечеть изящна, хлеб чист, базар расположен рядами, в нем есть ценные и редкие вещи. Там мало домов без садов и проточной воды. В городе семьдесят улиц, которые скрыты под деревьями...»

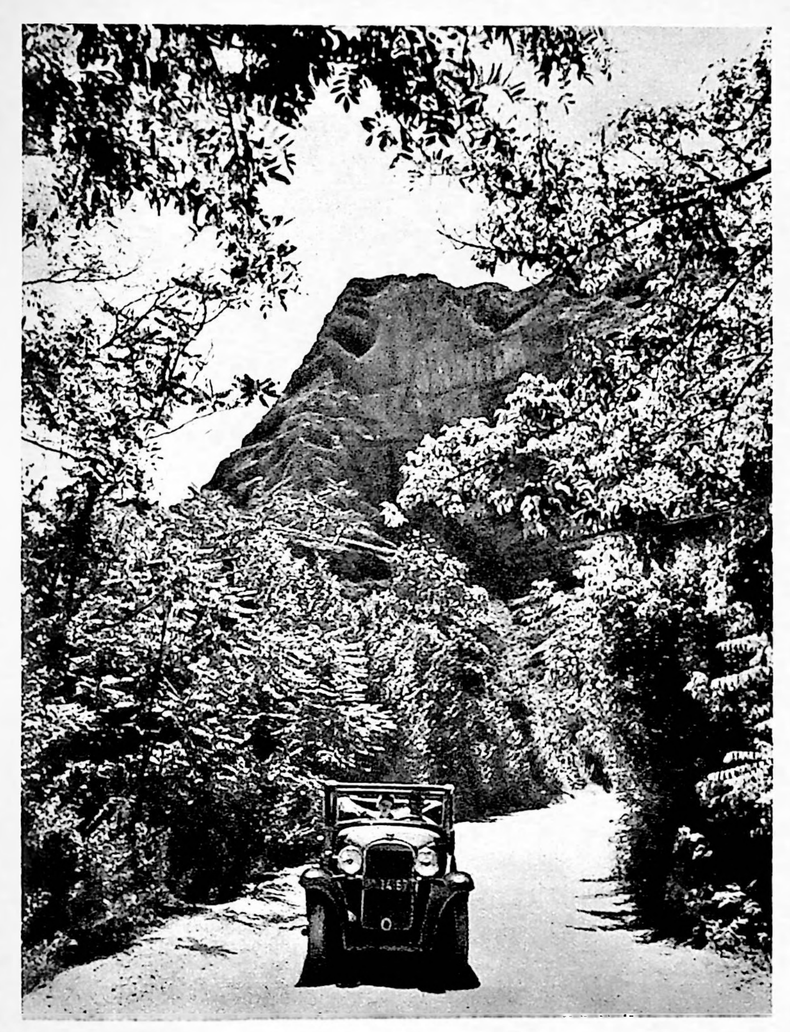
О городе Анау известно меньше, чем о Неса. Считается, что город был построен в XV веке, при потомках Тамерлана — тимуридах. Вероятно, это ошибка, — Анау существовал и раньше, только он носил другое название, и потому имя Анау не упоминается ни одним из древних географов.

При первом въезде в Туркменистан порой рождается соблазн принять кажущуюся пустынность этой страны за признаки ее культурной нетронутости или, во всяком случае, ее крайней молодости. Это не так Туркменская земля — отнюдь не девственное поле, еще не затронутое цивилизацией. Она — старинное пепелище многих государств и народов теперь исчезнувших.

Думать по-иному невозможно, видя перед собой то обломок древней стены с остатками средневековой глазури, то черепок посуды, сделанной на кружале каким-нибудь мастером V или VI веков, то кусок трубы, по которой тысячелетие назад подавалась вода в домашние бассейны из водохранилищ, ныне высохших.

Но отказавшись от представления о Туркменистане как о земле еще только начинающей свое историческое существование, легко впаст в противоположную ошибку и посчитать ее уж чрезмерно седой дряхлой.

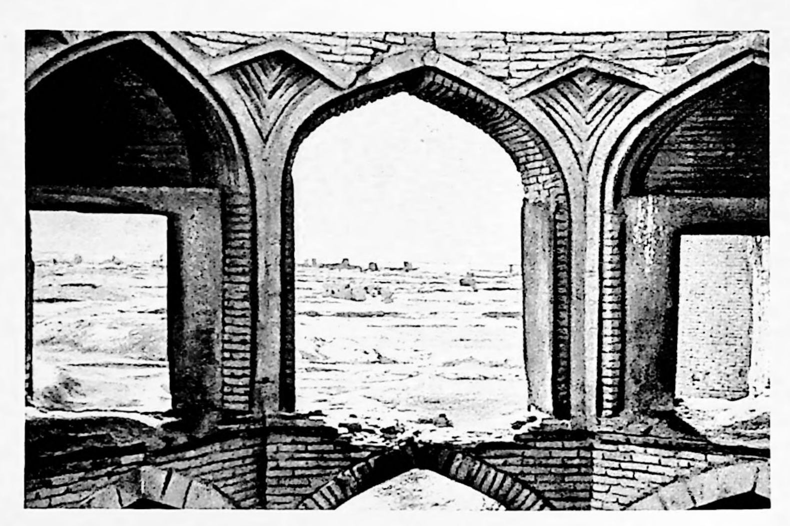
Проникшись чрезмерным почтением к сверхдревней давности ины

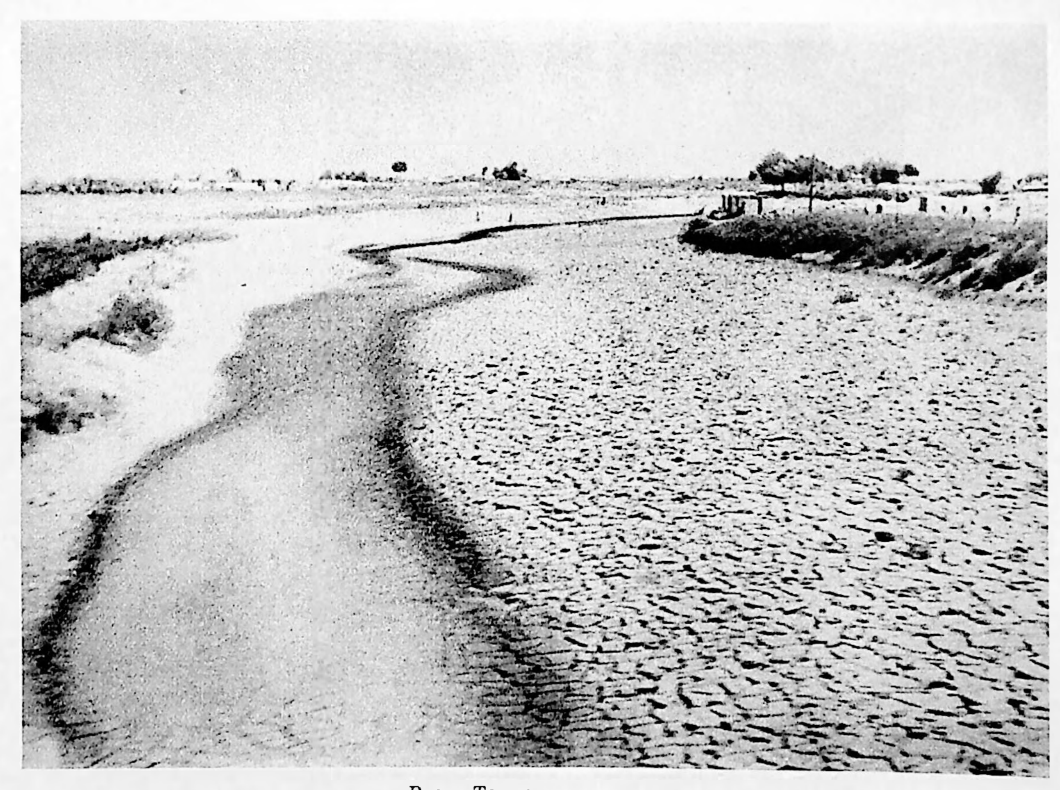
Дорога в Фирюзу

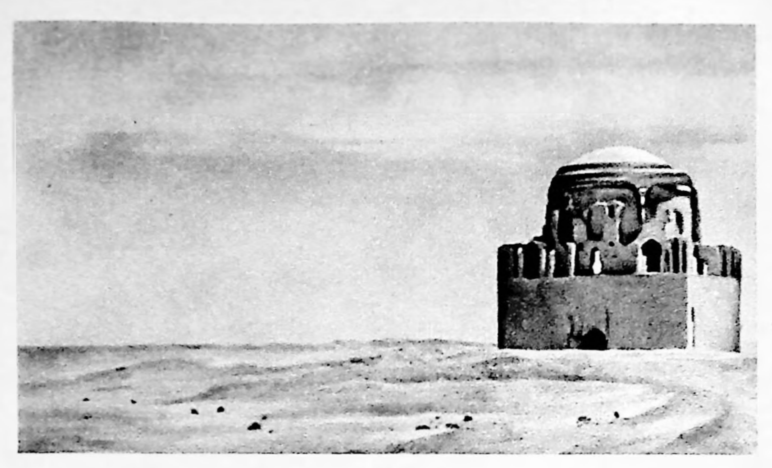
Развалины мечети Анау

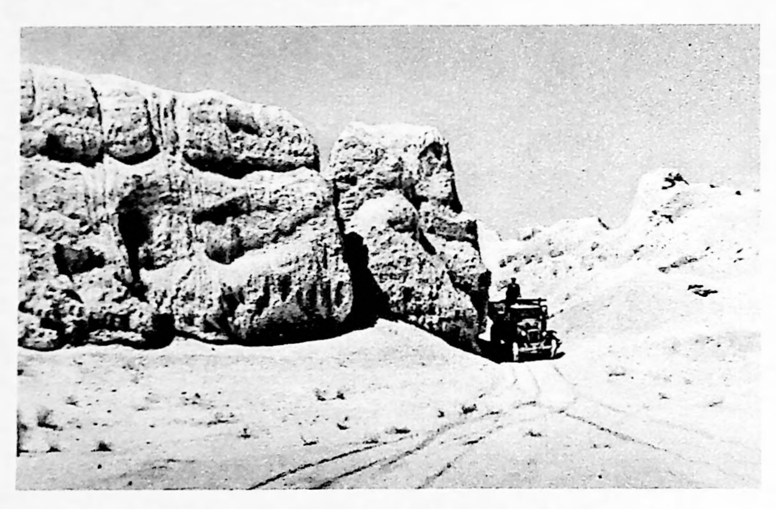
Вид из окон мечети

Русло Теджена в засуху

Мавзолей султана Санджара (древний Мерв)

Древние стены Мерва

черепков и развалин, можно уже повсюду начать видеть лишь следы этой седой старины и не замечать живой современности. А туркменская земля, как и туркменский народ, подобно всем прочим народам и землям нашей советской родины, переживает пору молодости. От Красноводска до Чарджоу, от Ташауза до Керки—по всему Туркменистану рассыпаны черты этой неистощимой, творческой, молодой советской жизни.

Вот неподалеку от развалин мавзолея раскинулся аул из пяти войлочных кибиток. Возле одной из них горит костер, и женщина готовит пищу. На ней высокая круглая шапка, повитая красной материей, и длинный красный хитон. Неподалеку привязан осел. Позади второй кибитки, подогнув колени, стоит верблюд. Около него бегает полуголый мальчик.

Будем ли мы умиляться библейской ветхости туркменского пастушеского быта? Или в этой обычной картинке аульных будней искать бесспорные доказательства культурной девственности народа Туркменистана?

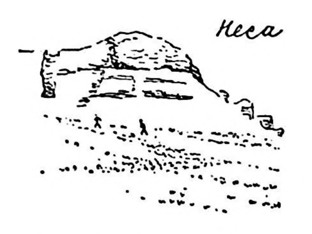
Зайдем из любопытства в это историческое жилище туркменского человека.

4

Кибитка, или юрта (которую туркмен не называет ни кибиткой и ни юртой, а «уй», что значит дом), составлена из деревянного раздвижного каркаса, покрытого несколькими войлочными кошмами. Угол верхней кошмы легко откидывается, и тогда во внутреннее помещение входит свежий воздух и солнечный свет. Через это же отверстие из кибитки уходит дым, если внутри кибитки разожжен огонь. Только жители кибиток предпочитают готовить пищу на тагане вне жилого помещения. И уже обязательно на свежем воздухе происходит выпечка хлеба, для которой существуют большие глиняные печи — тамдыры. Эти печи стоят неподалеку от жилых домов.

Внутри кибитки, как в русской избе, каждому углу традиция отвела свое назначение. Но так как в круглой кибитке углов нет, то роль красного угла играет место на ковре или на кошмах против входа. Там садится хозяин или почетный гость, которому в жилище туркмена, как и в русском деревенском доме, первое место. Левая сторона кибитки — это женская половина, правая — мужская. Обстановкой служат кошмы и ковры, заменяющие мебель, затем одеяла и подушки и разные по величине чувалы, то есть мешки, выполняющие роль шкафов и комодов.

Вся домашняя обстановка, как и самый дом, в течение нескольких

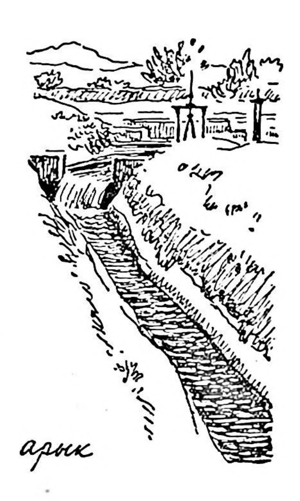

часов могут быть погружены на верблюдов или на коней и увезены на другое место. Для скотовода, принужденного следовать за стадом от пастбища к пастбищу, только такая конструкция жилища и могла считаться подходящей. Ни о какой особенной застоялости туркменской старины или первобытности туркменской культуры кибитка не свидетельствует. Применительно к кочевому быту она являлась вполне технически совершенным жильем.

Хозяйство туркменских племен носило скотоводческий, кочевой и полукочевой характер. Отдельные роды занимались земледелием, но основой родового богатства оставался скот. Это предопределило многие особенности материальной и духовной культуры народа.

Пастушеский быт не мог способствовать развитию письменности.

Грамотность туркменского народа до революции выражалась в 0,7 процента. Женщины были поголовно неграмотны. Умевший читать туркмен выделялся из общей среды даже по имени. Его обычно называли «молла». Говорили: молла-Непес, молла-Кеминэ или молла-Мурат. Молла, или более привычное для русского слуха слово мулла, означает мусульманского священнослужителя. Но не надо думать, что знаменитый туркменский поэт XIX века молла-Непес или не менее славный поэт-сатирик молла-Кеминэ были священнослужителями. Просто они знали грамоту и потому были почтены приставкой молла. Заметим тут же, что история Туркменистана не слишком много знала людей, к именам которых добавлялась эта приставка-диплом. Их десятки, если не единицы.

И в то же время неграмотный Туркменистан имел свою развитую культуру и литературу; ее классическая поэзия была богата

и оказывала глубокое влияние на народное сознание.

Уместен вопрос, как могла возникнуть богатая литература у народа, бывшего неграмотным? Какими путями шло ее распространение, раз до революции туркменский народ не знал книги?

Чтобы ответить на все эти вопросы, придется хотя бы вкратце остановиться на некоторых особенностях истории и быта туркменских племен за последние столетия.

5

Туркмены в течение XVIII и XIX веков не создали собственной развитой городской культуры. Не было у туркмен и централизованного государства. Кочевое и полукочевое хозяйство законсервировало на столетия патриархально-родовой строй, пережитки которого в сознании людей подчас давали себя знать и в наши дни. В то же время туркменские племена были свидетелями и участниками многих крупных политических событий, имевших место в Средней Азии. Обитая на территории, обложенной владениями сильных деспотий — Ирана, Хивы и Бухары, туркмены участвовали в борьбе, какую вели между собой их агрессивные соседи. Отстаивая свое существование, туркменские племена не раз вступали то с тем, то с другим из соседних государств во временные союзы и тем самым вовлекались в круг их военной и гражданской культуры. Знаменитый иранский шах Надир — этот последний из азиатских «покорителей вселенной», мечтавший в XVIII веке повторить походы Чингис-хана и Тамерлана, — по национальности был туркмен, хотя в памяти туркменского народа и остался как один из самых свирепых посягателей на туркменскую независимость.

Постоянное общение с соседними государствами способствовало развитию культуры.

У туркмен появлялись и собственные передовые деятели, умевшие не только верно расценивать события, участниками которых они были, но и влиять на них. Одним из таких крупных туркменских деятелей в годы нашествия Надир-шаха был умный и талантливый текинский старейшина Кеймир-Кер. Он сплотил разрозненные племена и в течение многих лет удачно отражал все попытки иранцев окончательно подчинить себе туркменские кочевья. Его имя стало легендарным.

Наиболее выдающимся историческим деятелем в XVIII веке был поэт и мыслитель туркмен Махтум-Кули, о котором мы уже говорили. Его стихи разошлись по всему Востоку. Они подняли уважение других государств к туркменскому народу и положили начало самобытной национальной туркменской литературе.

Поэты, продолжавшие дело Махтум-Кули, создали богатую и разнообразную поэзию. Влияние туркменской классической поэзии XVIII и XIX веков не ограничилось лишь туркменскими племенами, но распространилось и на соседние государства.

Хранителями богатств этой поэзии и распространителями ее в народе были бахши — явление весьма любопытное в жизни старого аула.

Бахши — это бродячий певец, сказитель и музыкант, а часто и поэт. Но бахши больше, чем только музыкант, сказитель или певец. Для певцов и музыкантов туркменский язык знал самостоятельные наименования: певец — айдымчи, музыкант — дутарчи, тюйдукчи или гыджакчи (в зависимости от того, на каком инструменте он играет,—на дутаре, тюйдуке или гыджаке). Для поэта имелось также свое слово—шахир. А бахши был бахши. Он одновременно был и певец, и музыкант, и поэт, хранитель народной мудрости, собиратель и выразитель национального поэтического самосознания.

Репертуар бахши, вкусы бахши, память бахши должны были заменять туркменскому аулу такие институты городской культуры, как библиотека, как нотохранилище, как музыкальные и певческие школы, как литературно-художественные журналы. Из песен и рассказов бахши слушатели узнавали о прошлом своего народа и о великих делах и людях Азии.

Имена знаменитых бахши долго хранились в памяти народа. Туркмены не привыкли отожествлять тот или иной период своей истории с именами шахов или эмиров, как это было в Хиве, Бухаре или Коканде. Ни эмиров, ни шахов, управлявших обширными территориями и большими народными массами, разрозненные туркменские племена фактически не имели. Прошлое у туркмен определялось по именам прославленных пев-

цов и поэтов. «Это было,—говорил старик-пастух или дайханин,—когда Еген-Ораз-бахши еще не кончил петь своих песен», или: «Еще Курбан-бахши только брал уроки у Анна-Назара». И этим точно определялось время события, так как каждый туркмен хорошо знал, когда именно Курбан-бахши проходил пору ученичества у знаменитого Анна-Назара или когда Еген-Ораз отложил дутар, отказавшись от песен.

Бахши, исконные создатели и носители туркменского фольклора, явились и главными популяризаторами классических произведений, частью записанных при своем создании, а частью не знавших чернил.

С лучшими образцами своей классической литературы туркмены знакомились с ранних лет, слыша их в исполнении бахши. Это обеспечивало постоянное и глубокое влияние классической национальной культуры на народное сознание, несмотря на то, что народ оставался неграмотным и почти не соприкасался с городской культурой.

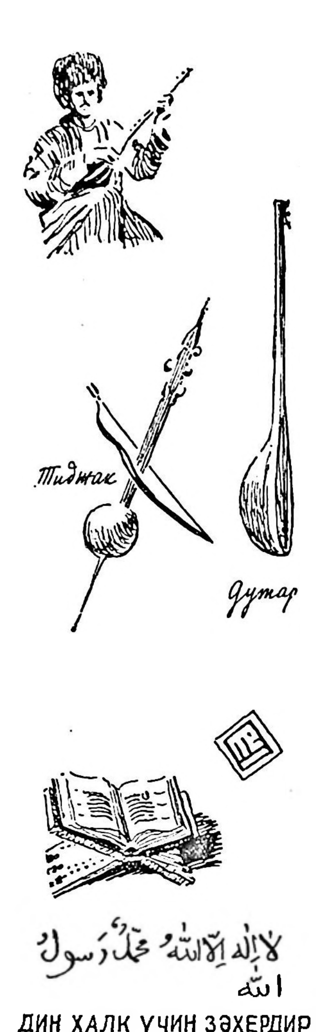
6

Письменную культуру в Туркменистане советской власти пришлось строить, строго говоря, заново.

О том, чему и как учились до революции редкие счастливцы, которым удавалось попасть в начальную аульную школу — мектеб, пусть расскажет нам тот же современный туркменский писатель Аширов Чары, который рассказывал об обычаях родовой кровной мести:

«Мулла взял книгу, написанную на непонятном арабском языке, непонятными арабскими буквами, и стал ее читать вслух. Ученики слово в слово повторяли то, что читал мулла, не понимая ни слова. Я тоже не понимал ничего и плакал. Это была «Хафтиак», первая учебная книга мусульманской школы,—выборки из корана. Когда мы затвердили наизусть «Хафтиак», перешли к корану. Читали его так же, как и «Хафтиак»: не понимая, заучивали наизусть то, что читал мулла, потом брали книгу и, повторяя заученное, угадывали, как пишется то или иное слово. Через долгое время и после томительного каждодневного вглядывания в арабские письмена, я стал догадываться об основах арабского алфавита. Но все же читать мог только ту книгу, какую знал наизусть. Школьный курс кончился чтением Навои и другого старого поэта — Бядиля. Потратив несколько лет на заучивание их, я узнал много арабских и персидских слов, но я не знал ни географии, ни арифметики, ни основ своего собственного туркменского языка. И я ни слова не знал по-русски».

Мектебом называлась начальная мусульманская школа. Лишь отдельные удачники из аульной знати получали «высшее» образование.

В бухарских или хивинских медресе они знакомились прежде всего с мусульманской теологией, но также и с начатками светских знаний — с математикой, географией, историей, изложенными, конечно, в полном соответствии с догмой ислама.

На распространение советской туркменской культуры огромное влияние оказало развитие национальной прессы. До революции газет на туркменском языке не было. Не мог считаться завершенным и самый процесс формирования языка. Разбитые на племена и роды, лишенные каких-либо объединяющих культурных центров, туркмены говорили на десятках наречий и диалектов, порой существенно отличавшихся один от другого. Еще в 1924 году выходила только одна туркменская газета «Туркменистан» с тиражом всего в 800 экземпляров. Но когда Туркменистан выделился в самостоятельную союзную социалистическую республику, там сразу открылся десяток новых газет, был даже организован сатирический журнал «Токмак», приобретший скоро огромную популярность в аулах. В Туркменистане выходит одна из старейших комсомольских газет «Яш-коммунист» («Молодой коммунист»).

С особенной быстротой стала расти туркменская советская культура в годы сталинских пятилеток. Быстро менялся весь быт народа. На первых социалистических стройках республики — на текстильной фабрике в Ашхабаде, на Челекене, на промыслах Кара-Богаз-Гола и Небит-Дага, в глубине Кара-Кума, на серных заводах — выковывались первые отряды туркменского рабочего класса. В аулах шло глубокое расслоение дайханства. Пресловутая «монолитность рода» оказалась блефом буржуазных националистов. Классовая борьба разворошила самую толщу аула, вызывая к жизни

все здоровое и сильное, чем богат туркменский народ. Вчерашние подпаски, чабаны и батраки, батрацкие дети с великой охотой засели за книгу. Те, кто еще вчера в силу вековых традиций не смел и мечтать о каком-либо ином деле, кроме того, чем занимались их отцы, сегодня становились школьниками, студентами, учителями, колхозными бригадирами, трактористами, ударниками промыслов и новостроек. В Ашхабаде, в Красноводске, в Чарджоу, в Мары, Байрам-Али, Кизыл-Арвате и других городах, где прежде редкостью было услышать на улицах туркменскую речь, так как туркмены до революции в городах не жили, теперь открылись туркменские начальные и средние школы, техникумы, институты. Стали издаваться туркменские газеты и книги. На сценах городских и аульных театров зазвучали пьесы, написанные на туркменском языке и для туркменского зрителя.

Туркменская писательница Товшан Эсенова, чьи пьесы идут на сценах туркменского театра, в своей автобиографии так рассказывает о тех годах, которые приобщили туркменский народ к передовой культуре Сталинской эпохи:

«Когда началась революция, я была совсем маленькая и еще мало что понимала. Один раз приехал к нам дальний родственник, который побывал в Москве и даже видел Ленина. Он слышал на одном из собраний выступление Ленина. «Солнцу свободы всегда сопутствует свет культуры» — в таких словах он передал слова Ленина о культурной революции, какие ему довелось слышать в Москве. Эти слова о солнце свободы, дающем свет культуры, вошли в мое сердце».

И вот будущая писательница оставляет аул и пробирается в молодую столицу молодой республики — Ашхабад. Ей было всего четырнадцать лет, когда она уже окончила среднюю школу. Солнце знаний заронило первый луч в горячее сердце девушки. Ей захотелось поделиться с другими туркменками этим светом, и она сложила свое первое стихотворение, которое было напечатано в газетах в 1930 году.

Туркменский народ пошел к новой, советской культуре, к новой жизни, пошел по пути, указанному великой партией Ленина—Сталина.

Коренным образом изменился весь облик туркменского аула. Раньше вода, необходимая для земледелия, находилась всецело в распоряжении старейшин рода и баев. Земельно-водная реформа и коллективизация сельского хозяйства, осуществленные в годы советской власти, открыли доступ к земле, к воде для многих тысяч прежних кочевников.

Перекочевки аулов, бродивших со своими стадами по пустыне в поисках пастбищ, уступили место планомерно организованному отгонному колхозному скотоводству. Колхозные стада аулов, перешедших на оседлость, уходят в пески и в высокие предгорья в определенное время, на

заранее определенные пастбища, к заранее подготовленным водопоям. Впервые для скота на зиму стали строить укрытия, впервые стали заготовлять сено на случай зимней бескормицы.

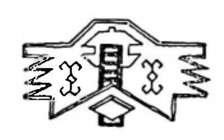
Такая форма хозяйствования в песках совсем другое, чем прежняя, безрадостная кочевка.

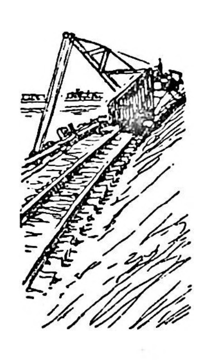
В начальные годы советской власти туркменской интеллигенции фактически не было. В тот год, когда Товшан Эсенова напечатала свое первое стихотворение, на туркменском языке было издано всего 12 книжек общим тиражом в 35 тысяч экземпляров. А к первому году послевоенной сталинской пятилетки в Туркменистане издано уже 3 872 книги тиражом в 26 миллионов экземпляров. В городах и аулах республики работают сотни туркменов—врачей, инженеров, агрономов. Туркмены-учителя преподают во всех аульных и городских школах, в которых обучается около двухсот тысяч учеников. Это больше, чем было грамотных людей во всем Туркменистане за все одиннадцать веков, что протекли со дня прихода огузов в пески Закаспия. В аулах Туркменистана насчитывается 435 кибиток-читален. Во всех институтах Туркменского филиала Академии наук СССР наряду с русскими имеются научные сотрудники туркмены, родившиеся под пологом кочевой кибитки.

Войлочная кибитка, исконное единственное жилище кочевника, уже в значительной степени вытеснена кирпичным светлым домом оседлого земледельца. Она сохранила свое значение в животноводческих фермах во время отгона скота. Ею пользуются теперь также в экспедициях и во время разного рода неизбежных передвижений, как в других местах пользуются переносной палаткой.

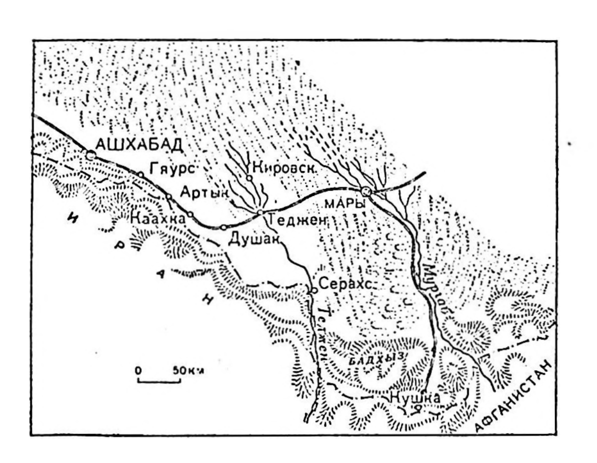
Кибитка возле мавзолея Анау, куда мы с вами зашли, это как раз такая кибитка-палатка. В ней разместилась передвижная библиотека, перебрасываемая из одного района в другой. Для перевоза книг понадобился и верблюд, стоящий на коленях. А женщина в красном — это библиотекарь.

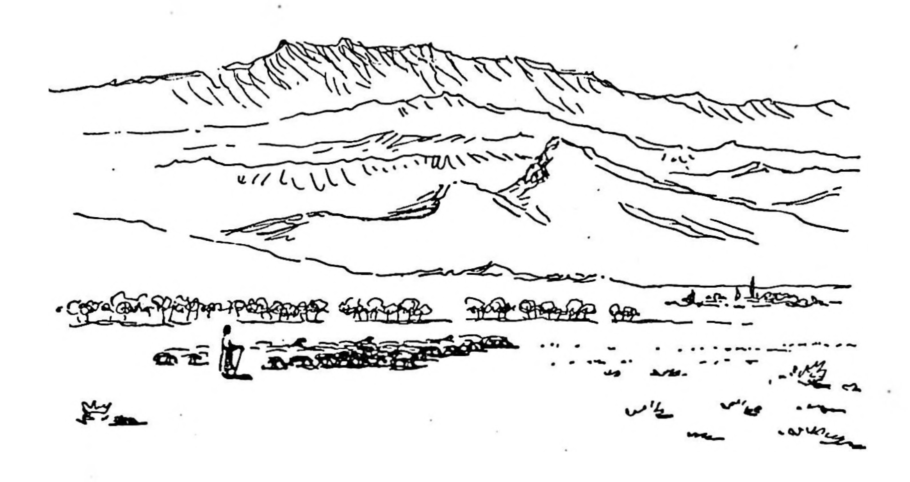
Что же, попросим извинения у библиотекаря, что вошли без спросу, и вернемся в Ашхабад, чтобы успеть к поезду, который повезет нас путем многих древних походов на восток, мимо Теджена, мимо Мургаба, через песчаные просторы Кара-Кума к берегам величественной Аму-Дарьи.

К ОАЗИСУ ТЕДЖЕНА

АШХАБАД
Гяурс
Артык
Каахка
Душак
Кировск
Теджен
МАРЫ
Серахс
Теджен
Мургаб
БАДХЫЗ
Кушка
АФГАНИСТАН
И Р А Н
0 50 км

1

Миновав Ашхабад, железная дорога продолжает свое направление на юго-восток, попрежнему придерживаясь предгорий Копет-Дага. Справа и слева от полотна вырастают бугристые пески, поросшие кустарником. Путник готов подумать: «Вот, наконец, и Кара-Кум, о котором я наслышан так много». Но не проходит и часа, как холмы песка становятся ниже и опять появляются в стороне гор признаки жизни.

Темное пятно земли. Глиняный дувал, огораживающий небольшой дворик, в одном из углов которого раскинута войлочная кибитка. Стоит подстриженная шелковица возле сухого арыка. По дороге трусят два ишака с огромными мешками, перекинутыми через их пропотевшие многотерпеливые спины.

Спешит куда-то грузовая машина, вздымая густую светлосерую пыль. Борта ее от пыли кажутся белыми.

Все, что характерно для природы, хозяйства и жизни прикопетдаг-

ской предгорной полосы к западу от Ашхабада, целиком может быть отнесено и к той ее части, которая лежит к востоку от Ашхабада. Разве только горная цепь здесь несколько ниже да, пожалуй, уже орошенная полоса.

Горы за Гяурсом постепенно отклоняются к югу и у станции Артык уходят за границу. Они еще будут видны некоторое время из окна вагона, но очертания их будут все туманнее, вершины все ниже, и после станции Каахка Копет-Даг опять представится взору подобием далеких туч, которые сгрудились на горизонте да так и застыли, навек вписав свой энергичный и вместе мечтательный контур в общий пейзаж этих мест.

Центром этой части оазиса считается поселок Каахка, лежащий близ станции того же названия. Этот полный садов и виноградников приветливый городок не выделяется из других ничем, кроме разве своего странного названия.

Каахка — это междометие, которое на русский язык может быть переведено, как «ха-ха-ха».

По преданию, несколько тысяч лет назад здесь был богатый мирный город. Когда Александр Македонский вторгся в Среднюю Азию, его войска окружили этот город. У жителей того города, который стал называться Каахка, было мало войск и мало оружия. Приходилось погибать или итти на хитрость. Тогда, по совету одного догадливого человека, они вывесили на городских стенах снаружи кривые зеркала, в которых все отражения расплывались и принимали уморительные или чудовищные очертания.

Когда греки подступили к городу, они увидели в зеркалах свои смехотворно изменившиеся черты, расхохотались и пошли дальше, не причинив городу вреда.

Город же стал называться Ха-ха-ха — Каахка.

Это, конечно, сказка. Но мы знаем, что в любой сказке не может не быть хоть маленького зерна реальности. Реальностью этого шуточного предания, надо думать, являются зеркала. Почему они попали в рассказ? Не указывают ли они, что мы напрасно стекольную промышленность Ашхабада считаем новой для Туркменистана? Кварцевыми песками Копет-Даг был богат и прежде.

На всем протяжении от Гяурса до Душака раскинуты следы древних сооружений. На некоторых участках с северной стороны железной дороги сохранились остатки высокого вала, которые можно видеть у станций Каушут, Каахка, Душак. Дату сооружения вала и его назначение определить трудно. По мнению археологов, вал был сложен для ограждения возделываемых земель от набегов кочевников. В этом можно сомне-

ваться. Вал растянут на многие десятки километров. Для успешной защиты такой длинной стены местные жители должны были бы держать на всем ее протяжении несметное количество войск. Могло ли быть у них столько войска?

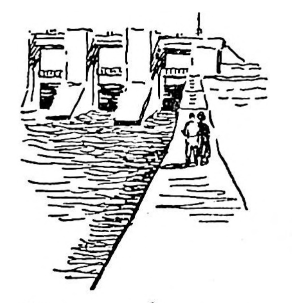
Правильнее предположить, что этот вал был защитой от другого, не менее опасного, чем кочевники, врага. Возможно, он был задуман как щит от каракумских песков, засыпавших посевы. Или, может быть, он должен был служить преградой для весенних вод, скатывающихся с гор? Больших рек в этом районе нет. Посевы питаются речками, кяризами и ручьями. Весной эти горные речки проносят ливневые и талые воды мимо садов и полей в пустыню. Возможно, что жителям оазиса показалось заманчивым задерживать эту воду. Ведь и в ряде других районов Туркменистана глиняные валы нередко служили заграждением для праздно текущих потоков. Древние валы из глины, как способ удержания дождевых и вешних вод, можно видеть и в дельте Атрека. Высокое заграждение строят и сейчас советские инженеры на реке Теджен для того, чтобы не дать убегать в пустыню водам половодья.

Во всяком случае, каково бы ни было назначение вала, ограждавшего оазис с севера, самое наличие его свидетельствует о деятельной жизни, когда-то шумевшей здесь.

Ныне оазис не играет решающей роли в туркменском хозяйстве из-за неотрегулированности поступления вод из речек и кяризов.

2

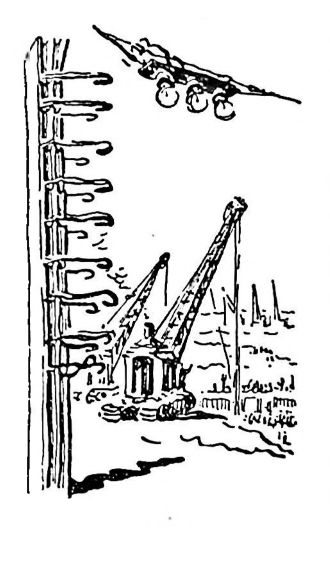
Дельта Теджена расположена в непосредственной близости от восточной окраины Прикопетдагского оазиса.

Плотина водохранилища

Хлопок

Недоумение—вот чувство, которое охва тывает каждого, кто впервые подходит ил подъезжает к берегам Теджена, наслы шанный о древней славе этой реки.

Начавшись в Афганистане, в отрога Гиндукуша, река Теджен течет по террито рии трех государств и принадлежит Совет скому Союзу лишь в самом нижнем свое течении. В Афганистане воды Теджена оро шают знаменитый Гератский оазис с ег 120 тысячами гектаров возделанной земли Великий узбекский поэт XV века Алише Навои, память которого одинаково чтут вс народы Средней Азии — и туркмены, и уз беки, и таджики, и казахи, и кара-калпаки и киргизы, — провел свою жизнь на берега Теджена. Кто знает, может быть, именн гератские арыки, наполненные тедженско водой, и подсказали певцу «Фархада и Ши рин» его вдохновенные строки о героиче ском усилии, какое употребил богатыр Фархад, чтобы провести воду через горы скалы к дворцу армянской красавицы?

В Афганистане Теджен носит имя Гери руд. Под тем же названием известен он в соседнем Иране. Лишь перейдя совет скую границу, он становится Тедженом, да это название и городу, лежащему в ег дельте, и всему оазису, питающемуся во дой его нижнего течения.

Общая длина Теджена — 1 124 кило метра. Аму-Дарья вдвое длиннее Теджена, Теджен вдвое длиннее Москвы-реки. Оа зис, который образует дельта Теджена, — один из крупных оазисов Туркменистана Там сеют в основном зерновые культуры масличное растение — кунжут; хлопчатник здесь сравнительно мало.

Ни густых рощ, ни многолюдных селе ний на берегах Теджена нет, как, по сути нет и реки Теджена: когда добираешься д берега реки, с удивлением видишь глин

стый невысокий берег, ограждающий довольно широкую плоскую канаву, на дне которой просыревшая глина перемешана с галькой и песком, — и только. Воды в канаве не увидишь. Или, в лучшем случае, она вьется между камнями наподобие уличного ручья, что после дождя бежит у тротуаров.

Это пустое русло и есть Теджен в своих низовьях.

В зарубежных верховьях Теджен течет широким и полноводным потоком. Ранней весной он и здесь, в низовьях, не только заполняет все русло, ширина которого у железнодорожного моста не меньше сорока метров, но и выплескивается на равнину, причиняя бедствия прибрежным посевам. Все же остальное время года Теджен предстает глазам полусухой канавой.

В пределах Советского Туркменистана длина Теджена равна всего тремстам километрам. Если общий годовой расход реки составляет почти два с половиной кубических километра, то в Туркменистан из этого количества попадает едва третья часть.

Из четырехсот тысяч гектаров, которые могли бы в дельте Теджена обрабатываться под хлопок, получают орошение лишь сорок тысяч гектаров, то есть одна десятая часть. Но и эта десятая часть находится под постоянной угрозой засухи. Сколько именно даст воды Теджен к самым ответственным — второму и третьему — поливам хлопка, никто рассчитать не может. Бывают годы, когда вода в реке иссякает уже к началу июня. Тогда посевы получают лишь половину потребной влаги. Благодатные земли в такие годы лежат под солнцем, изнывая от жажды, а русло реки остается сухим.

Именно поэтому это оазис прежде всего не хлопковый, а зерновой. Посевы зерна довольствуются коротким весенним поливом.

Если бы при всем том воды в реке просто не было, тогда бы не имело никакого смысла подсчитывать, сколько осталось в дельте Теджена неорошенной земли. То, чего нет, не может считаться потерей. Но в том-то и дело, что эта пересыхающая каждым летом река, несмотря ни на что, водой богата, а посевы на ее берегах гибнут не только от засухи, но и от наводнений.

На Теджене бывают катастрофические весенние паводки. В марте, в апреле Теджен несет в своих берегах огромное количество воды. Ее хватило бы — случись паводок летом — на орошение нескольких тысяч новых гектаров земли. Выпадают годы, когда этой, по сути бросовой воды бывает так много, что Теджен выходит из берегов, сносит строения и смывает посевы.

В апреле 1939 года река снесла бóльшую часть города Теджена и размыла железнодорожное полотно на протяжении 25 километров. Мож-

но представить, сколько воды зря прокатилось тогда по засушливой долине и ушло в пески.

Ясно, что нужно что-то предпринять, чтобы эти весенние воды не пропадали бестолку, а запирались бы на замок где-то выше Тедженского оазиса и потом расходовались по частям по мере надобности.

Партия и правительство так и решили. В 1940 году было приступлено к строительству Тедженского водохранилища, задача которого — ловить паводок и расходовать его по частям.

Местом для «Тедженского моря» выбрали долину в 72 километрах к югу от железной дороги, неподалеку от развалин старинной крепости Карры-Кала. Здесь Теджен течет в глубокой вымоине, и береговые террасы реки наиболее сближены. Здесь удобно построить плотину в 2,5 километра длиной и в 20 метров высотой.

С боков водоем будет подперт высокими дамбами, общее протяжение которых определено в 16 километров. Первый же весенний паводок заполнит земляную чашу, образованную плотиной и дамбами, и образует озеро в 30 километров длиной и в 4 километра шириной.

К началу Великой Отечественной войны уже добрая четверть намеченных работ была проделана. А объем этих работ таков, что если бы понадобилось сразу доставить к месту строительства весь потребный строительный материал, то нужно было бы загрузить больше миллиона грузовиков или железнодорожный состав длиной в три тысячи километров.

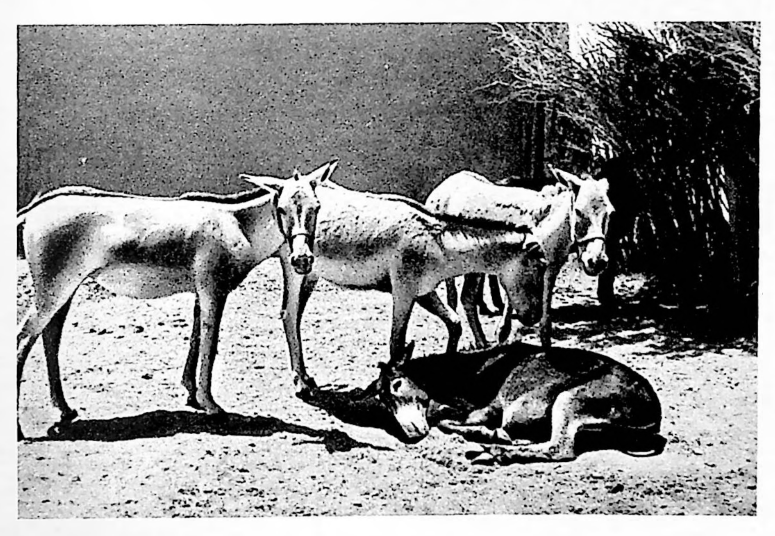
Технический проект постройки предусматривал участие в работах 58 тысяч рабочих. Если принять во внимание, что именно таково количество всего населения в Тедженском оазисе, то трудности, какие в процессе работы вставали перед строителями, станут ясны сами собой. И все же к июню 1941 года 25 процентов работ было сделано. Война оборвала стройку. Ее возобновили лишь в мае 1945 года. Возводить плотину помогают тысячи колхозников, приехавших даже из самых далеких районов республики. План послевоенной сталинской пятилетки предусматривает окончание строительства в 1948 году. Это позволит уже в 1949 году расширить площадь посевов в дельте на 6 тысяч гектаров. Если эту площадь засеять хлопчатником, то можно получить 10 миллионов килограммов нового волокна, или, что то же, 25 миллионов метров ткани.

Затраты сил и средств оправданы, когда речь идет о таком значительном улучшении быта советских людей.

Однако никакое водохранилище не накопит воды больше того, что даст паводок. Иных источников накопления воды в Тедженском бассейне нет, а плодородных почв в долине Теджена значительно больше, чем

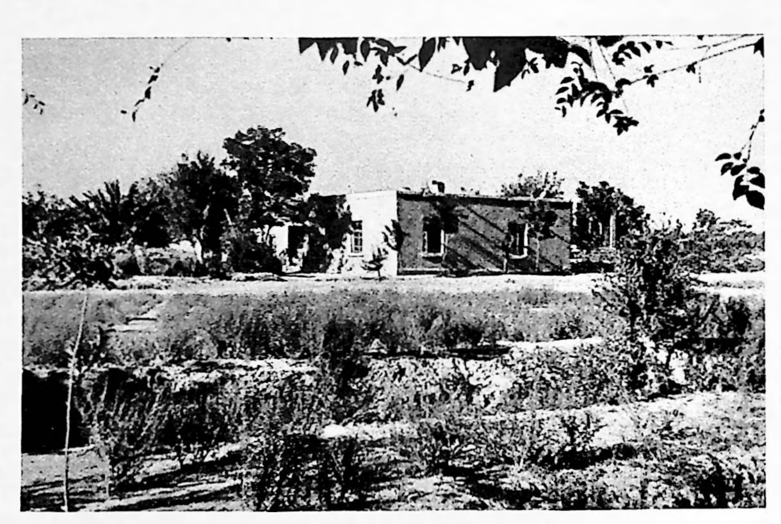
Фисташковые рощи Бадхыза

Куланы

Новые дома и старые кибитки в колхозе „5 лет ТССР“

Новые дома в колхозе „Тезе-ел“

смогут оросить даже и запертые весенние воды. Следовательно, нужно искать и другого, более капитального решения той же задачи. Теоретически оно уже найдено. Практическое же осуществление этого капитального решения займет немало времени.

Лишь постройка Большого Кара-Кумского канала способна окончательно решить все проблемы обводнения южного Кара-Кума, Мургабского и Тедженского оазисов и Каахкинского и Ашхабадского районов.

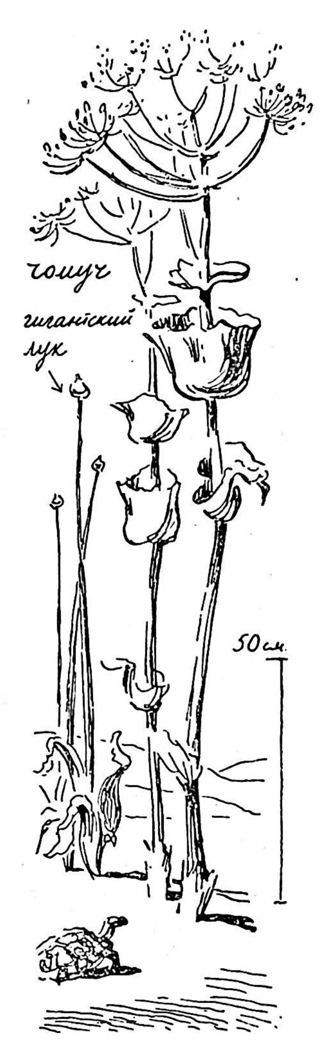
Как только Тедженское водохранилище вступит в строй, вся энергия строителей переключится на постройку Кара-Кумского канала, чтобы провести воду от Аму-Дарьи, через Мары, к Теджену, а в будущем и дальше, на Каахка—Ашхабад.

3

Река Мургаб течет параллельно Теджену, отступя от него на 110—130 километров к востоку.

Пространство между этими реками, ограниченное с севера железной дорогой, с юга — государственной границей, принадлежит к редко посещаемым и сравнительно малоизученным областям Союза.

В северной своей части, там, где проходит железная дорога, это пространство заполнено теми же пустынями, которые, начавшись почти сразу за Красноводском, все время сопровождают поезд с северной стороны полотна. Гряды песка, глинистые ровные площадки — так называемые такыры, сухие русла пронесшихся здесь силевых потоков; кое-где редкие кустарники солянок, гребенщика и бесчисленное количество черепах, которых глаз легко принимает за плоские круглые камни—так они неподвиж-

ны и бесцветны, — вот пейзаж этой ровной, однообразной плоскости, отделившей холмы копетдагских предгорий от каракумских песков.

Весной эта плоскость, после того как прошли дожди или прокатились с буйством и грохотом силевые воды, покрыта зеленью. Выпадают дни в конце марта и в начале апреля, когда вся полоса пустынь, стерегущая прикопетдагскую культурную полосу, выглядит цветущим лугом, кроме такыров, на которых зелени не бывает и весной. Среди сочной травы цветут тюльпаны и маки. На кустарниках развертываются зеленые, красные, лиловые листочки. В нежарком еще небе звенят жаворонки. Путешественник, проехавший в эти дни от Казанджика до Теджена или Мары, если бы захотел итти на поводу у своего первого впечатления, должен был бы описать увиденную им страну, как сплошной сад, — так чист и нежен воздух в эти считанные дни туркменской весны, так свежа зелень и ласкова неистощимая небесная синева.

С наступлением жары картина резко меняется. С начала апреля до новой весны полоса пустынь лежит под беспощадным небом — рыжая, обнаженная и пустая.

Именно такова северная часть пространства в междуречье Теджена и Мургаба.

Но если оторваться от железной дороги и пересечь это междуречье вдоль с севера на юг — от железной дороги до афганской границы,—ландшафт уже через 30—40 километров начнет постепенно изменять свой характер.

Чем дальше мы будем отходить от железной дороги, тем меньше ровным будет делаться горизонт, пока, наконец, однообразие такыров не уступит место взволнованному раздолью холмов. Пологие, они бу

дут расти по мере продвижения к югу; и скоро все вокруг, что способен охватить взгляд, обретет вид гигантского земляного океана, застывшего как бы в момент окончания бури, когда ветер стих, а волны еще вздымаются одна выше другой, но уже ничто не грозит катастрофой. Шторм прошел.

Холмы эти носят название баиров, а междуречье Теджена и Мургаба, заполненное баирами, зовется «страной Бадхыз», что означает: «Начался ветер».

Баиры Бадхыза чем ближе к границе, тем выше. Появившись на севере в виде небольших возвышенностей в 20—30 метров высоты, они на юге в пограничной полосе уже поднимаются на сотни метров. Но характер местности остается попрежнему покойным. Между круглыми холмами залегают такыры и ровные круглые площади солончаков, точно покрытые снегом или белой бумагой, — это шоры, остатки высохших соленых озер.

Постоянного населения в Бадхызе нет, хотя значительное количество осадков и обилие весенних трав и привлекают сюда на кочевку скотоводов с Мургаба и Теджена. Колодцы здесь слишком глубоки и редки, и вода в них чересчур солона, чтобы среди этих холмов могли обосноваться постоянные человеческие поселения.

Возможно, именно по этой причине Бадхыз остался единственным местом в Туркменистане, где сохранился дикий кулан. Эта разновидность быстроходных рослых ослов, великолепных в беге, когда-то была обычна в Туркменистане. Еще в прошлом столетии куланы бродили стадами по Мангышлаку, в предгорьях Большого и Малого Балханов, по берегам Аму-Дарьи. Теперь лишь отдельные экземпляры их можно встретить в некоторых районах амударьинского побережья и здесь, в Бадхызе. В советское время Бадхыз объявлен заповедником куланов.

Другой диковинкой Бадхыза является гигантское зонтичное растение с толстым стволом и с крупными жесткими листьями. Это чомуч. Из его корней пастухи с Мургаба, пригоняющие на Бадхыз колхозные стада, вываривают черный тягучий сок, называя его медом и употребляя как лакомство.

Главное же богатство Бадхыза составляют фисташковые рощи. Они разбросаны по склону холмов то тут, то там, образуя в целом то, что в учебниках географии принято именовать «фисташковыми лесами Туркменистана».

Но это не обычные леса. По виду это или рощи, или перелески, или, может быть, даже сады, но никак не леса в привычном понимании. Одно фисташковое дерево растет от другого на расстоянии пяти, восьми, а порой и двадцати метров, что придает баирам Бадхыза вид искусственного обширного парка, куда давно не заглядывал садовник. Некоторые

из деревьев засохли, на земле валяются обломанные ветром ветки, сбитые плоды. Но солнечный свет царит между круглыми, как бы подстриженными кронами, и тень от каждого дерева лежит у его корней вся на виду, не сливаясь в единый сплошной теневой покров, как это обычно бывает в лесах.

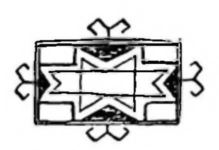
Общая площадь фисташковых рощ Бадхыза превышает 25 тысяч гектаров. Это во много раз больше знаменитых садов Сицилии, считающихся мировым поставщиком фисташкового ореха.

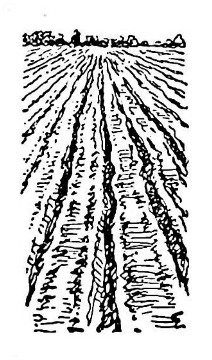
Орех фисташки вкусен, маслянист, питателен, сладок. Фисташковое масло равноценно лучшему деликатесному маслу—оливковому. Из наплыва на листьях фисташки, так называемого бузгунча, вырабатывается стойкая, красивая темномалиновая краска для тканей. Смола фисташкового дерева идет на приготовление лаков. Древесина красива и прочна.

До последнего времени никакого промышленного применения бадхызские фисташки не находили. Тому причина не только в отсутствии транспорта, но и в недостатке рабочих рук. Это очень трудоемкая работа — сбор ореха в рощах, занимающих огромные пространства, и отыскивание на деревьях листьев с наростами бузгунча, прячущимися в тени ветвей.

Переходя на территорию Афганистана, баиры Бадхыза сливаются с предгорьями Парапамиза, снежные хребты которого хорошо видны из многих точек советско-афганской границы. Стоите ли вы на площади пограничного городка Серахса, что лежит на берегах Теджена, или смотрите из окна райисполкома в городе Тахта-Базаре, что притаился у подножия зеленых Карабильских возвышенностей, расположенных по восточную сторону верхнего Мургаба, — перед вами в мглистой синеве явственно вырисовываются суровые каменные конусы, прикрытые сверху шапками снегов. Это Парапамиз.

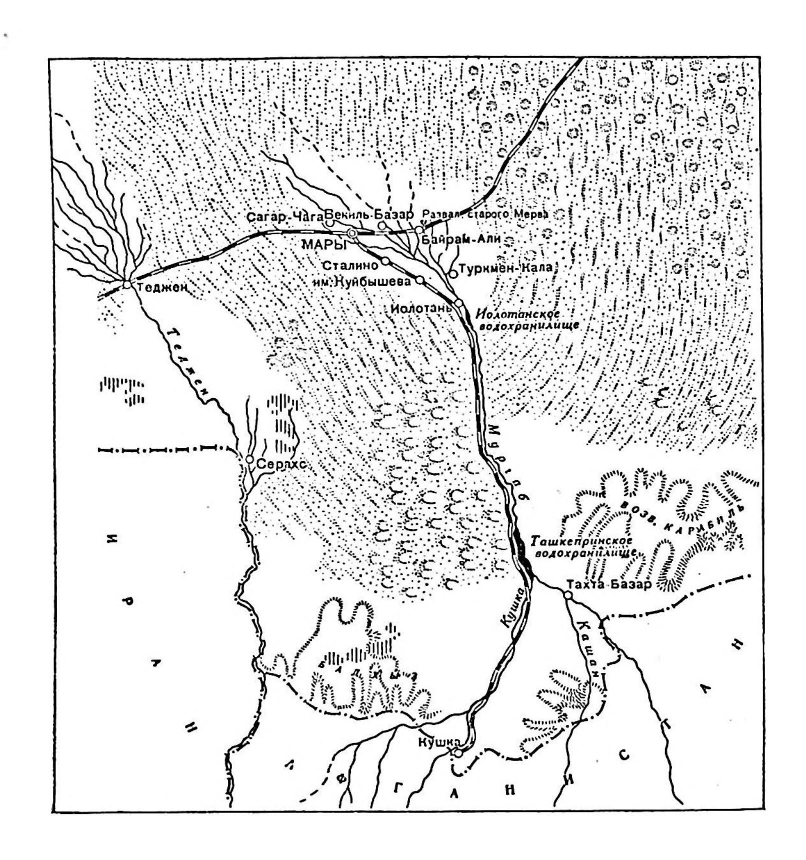
Подобно тому, как Копет-Даг питает все ручьи и речки, оживляющие посевы его предгорной полосы, так воды парапамизских высот, собранные в русла рек Теджена, Мургаба и его притока Кушки, оживляют земли Тедженского и Мургабского оазисов.

ОАЗИС МУРГАБА

Сагар-Чага
Векиль-Базар
Развал. старого Мерва
МАРЫ
Байрам-Али
Сталино
им. Куйбышева
Туркмен-Кала
Теджен
Иолотань
Иолотанское водохранилище
Теджен
Серахс
Мургаб
ВОЗВ. КАРАБИЛЬ
Ташкепринское водохранилище
Тахта-Базар
Кушка
Кушка
И Р А Н
А Ф Г А Н И С Т А Н

1

Мургаб, который, как и Теджен, начинается в Афганистане, по своей протяженности близок к Теджену. Можно считать одинаковым и качество почв, по которым протекают эти реки, и климатические условия обеих речных долин.

И, однако, значение Мургаба в хозяйственной, а значит и в политической и в культурной жизни Туркменской республики значительно выше той роли, какую играет Теджен.

Мургабская долина — сокровищница Туркменистана. Это то, чем Фергана является для Узбекистана или долина реки Вахш для Таджикистана. Здесь собирается девять десятых выращиваемого на полях Туркменистана длинноволокнистого хлопка.

В Мургабской долине нашли яркое проявление редкостные качества туркменского климата и лучшие свойства среднеазиатских лёссовых почв. В сочетании со значительно более отрегулированным течением реки, нежели в Теджене, эти особенности Мургабского оазиса и превратили его в хлопковую сокровищницу Туркменистана.

Мургаб, не в пример Теджену, большей своей частью лежит не за рубежом, а в пределах Советской страны. Кроме того, прежде чем стать советской рекой, Теджен успевает растратить главные свои силы на полях чужеземной Гератской долины, а Мургаб за рубежом мчится по узким горным ущельям, где никто от него ничего не требует и где каждый горный ручей дает ему дополнительную силу. Лишь перед тем, как пересечь советскую границу, он теряет некоторую часть своей воды на афганские поля.

В пределах СССР Мургаб принимает несколько крупных притоков, главнейший из которых Кушка может считаться значительной рекой, тогда как Теджен в Туркменистане получает мало воды из родников и больше отдает ее.

Мургаб более культурная река, чем Теджен. Строящаяся ныне плотина Тедженского водохранилища является, по сути, первой крупной плотиной на этой реке. А на Мургабе давно сооружены плотины и большие водохранилища.

В Тедженской долине то и дело приходится слышать много рассказов о буйстве весенних паводков, о летних засухах, о гибели посевов. На Мургабе такие разговоры могут быть лишь как исключение. Весенний паводок на Мургабе уже давно служит на пользу посевам, пополняя летнюю убыль воды в водохранилищах.

Теджен слабее Мургаба. Однако и Мургаб при всех его неоценимых качествах много слабее того, каким бы он должен был быть, чтобы дать орошение всем удобным землям его долины. Таких земель в долине Мургаба насчитывается шестьсот тысяч гектаров. А обработано и засеяно из них лишь до ста тысяч гектаров. Это больше того, что орошает Теджен, но меньше желаемого и возможного.

А желаемое, раз оно возможно, должно быть осуществлено.

2

С давних времен Мургабская долина имела огромное значение для всей Средней Азии и даже для всего Переднего и Среднего Востока.

Город в дельте Мургаба — древний Мерв — был в течение многих веков одним из самых богатых, самых обширных, самых красивых, са-

Работа на хлопковом поле

Культивация хлопчатника

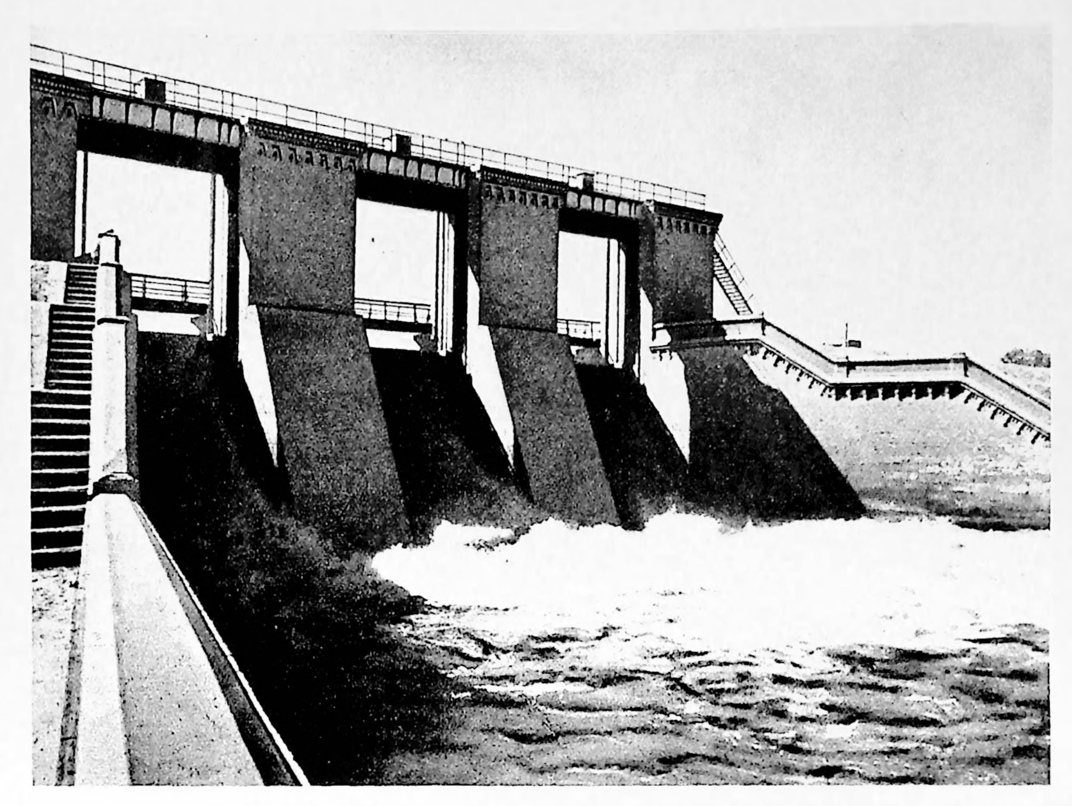
Кипы хлопка на хлопкозаводе в Байрам-Али

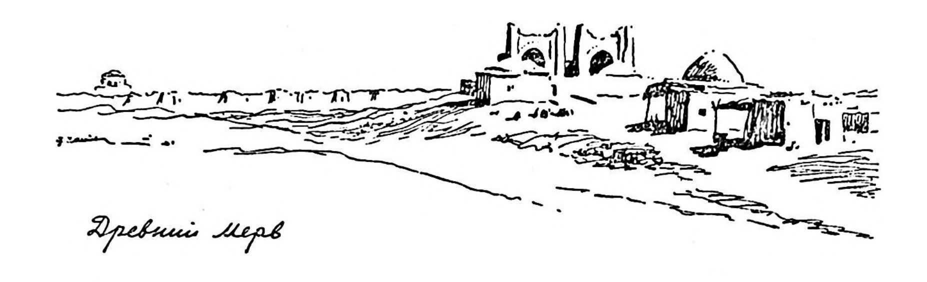
Улица в Байрам-Али

Почечный санаторий в Байрам-Али

Иолотанская плотина на реке Мургаб

мых могущественных и самых ученых городов Малой Азии, Ирана, Турана и Северной Индии.

Время основания его неизвестно.

В священной книге домусульманского Ирана «Зенд-Авеста» Мерв уже упоминается как известный и богатый город. Значит, за тысячелетие до нашей эры он уже существовал. Александр Македонский, придя в Среднюю Азию, застал в Мерве высокую культуру.

О Мерве в начале нашей эры упоминают несторианские хроники. Из них мы узнаем, что уже в начале IV века в городе на реке Мургаб была учреждена несторианская епископия.

В VII столетии нашей эры Мерв перешел в руки арабов. Оросительная система, дававшая городу и его окрестностям воду, считалась в то время образцовой. Именно на Мургаб приезжали арабские техники из Мекки и Медины, чтобы учиться искусству строить плотины и проводить каналы.

В арабских хрониках часто упоминается о многочисленных поселениях вокруг Мерва, причем «численность их населения была равна каплям дождя в апреле».

В книге арабского историка и географа IX века Ахмед ал-Якуби «Китаб ал-Булдан» сказано про Мерв, что это самый известный из округов Хорасана. «В нем жили правители Хорасана. Население Мерва берет воду из проточных ручьев и рек. В нем производятся лучшие из одежд Хорасана».

Подробное описание Мерва X века дано в сочинении араба ал-Истахрий «Китаб месалик ал-Мамалик».

«Мерв, — пишет ал-Истахрий, — известен под названием Мерв аш-Шахиджан. Лежит он в местности ровной, удаленной от гор. В ней гор

не видно и нет в ближайших пределах. Земля солончаковая, изобилующая песками. Постройки его из глины, и в нем три мечети... Цитадель возвышена, и, несмотря на возвышение, в ней проведены каналы воды, которая течет до наших дней. На ней иногда разводятся бахчи, огороды и прочее».

В том же X веке поэтическое описание Мерва дал еще один араб — Мухаммед ал-Мукаддаси, прославившийся своей книгой путешествий «Ахсан артакасям фи марифат ал-акалим». Это описание интересно не только по содержанию, но и по стилю, оказавшему значительное влияние на многих последующих писателей Востока, в том числе и туркменских.

Вот краткие выдержки из этой книги:

«Мерв, — пишет ал-Мукаддаси, — известный под именем Мерв Шахиджан, город процветающий, со здоровым климатом, изящный, блестящий, просторный, малонаселенный, пища в нем вкусная и чистая, жилища красивые и высокие; по своей красоте дома, точно кайма по обеим сторонам города, шейхи замечательны, умы их высоки, обе мечети соборные из камня, каждую ночь в заседании сборищ благочестивых, воздержанных людей выступает проповедник факих. Базары красивы. Разве ты не видишь, как ряды их теснятся со всех сторон около верхней соборной мечети? И там известный дворец, блистающий, при котором портик создателя династии благородной. Не спрашивай о банях Мерва, о кушаньях, о хлебе, об уме, о мужестве жителей; ибо они известны. Но спроси о воде их, о заработке их и о добродетелях их, ибо они недостаточны. И спроси о хитрости их и смутах — у меня об этом целая книга — известия верные, написанные чистым арабским языком. Я не из тех, которые едят лепешку посредством своего знания. Я стремлюсь к раю...»

В книге ал-Мукаддаси подробно говорится о производствах, процветавших в Мерве того времени, и о способе орошения мургабских полей:

«В Мерве производятся плащи, шелковые и хлопчатобумажные покрывала, сыр (видимо, это овечий сыр), сено и кунжутное масло и мед. Река, не доходя до Мерва приблизительно на день пути, встречает большую долину, перегороженную с обеих сторон удивительными деревянными плотинами. Вода задерживается и становится вровень с местом, через которое она должна перелиться. Потом она течет к Мерву. Управляет ею эмир более сильный, чем заведующий налогами. Ты не увидишь лучшего и более искусного распределения воды, чем на ней. Передают, что один из тех, кто распределял ее, говорил: «Я не оставил ничего из справедливости, чего бы я не применил, кроме того, что я не был в состоянии сделать». На реке поставлена доска с поперечными делениями вдоль нее. Когда вода высоко, то доходит до 60 делений, и это год урожайный, народ радуется этому. Когда же бывает 6 делений, то это год

асухи. Место, где измеряется вода, в фарсахе от города, оно похоже а круглый пруд. Когда управляющий измерит воду, он посылает спешого гонца в управление реки, потом оттуда посылает гонцов ко всем правляющим мелкими каналами, и они делят воду согласно этому змерению. В месте, указанном нами, находятся 400 водолазов, которые аблюдают за рекой днем и ночью; иногда им приходится входить в воу во время больших холодов; они тогда натираются воском. И на бязанности этих людей собирать в определенном количестве дерево хворост, к которым они прибегают в случае надобности, то есть в слуае прорыва берегов или плотин».

В Мерв приезжал знаменитый халиф Гарун ал-Рашид, чтобы ознаомиться с редкими манускриптами, хранившимися в мервских библиоеках.

В XI веке Мерв стал столицей первой тюркской империи сельджуов. Именно в это время город украсился грандиозным сооружением, оторое частью уцелело и до наших дней. Остов, или, вернее, остатки его, ожно видеть около станции Байрам-Али, в 28 километрах от советскоо города Мары, который до недавнего времени назывался Мервом. Это авзолей сельджукского султана Санджара. Удачливый сельджукский олководец XII века Санджар собрал бесчисленные богатства, значиельная доля которых шла на украшение города. Позднее счастье измеило Санджару, и в 1153 году он был разбит племенем гузов. Гузы овлаели Мервом и сильно разграбили его.

Разграбляемый и разрушаемый не раз, Мерв восстанавливался нова, и когда в XIII веке его посетил знаменитый арабский ученый, рек по рождению, Якут ибн-Абдаллах, он нашел его в цветущем сотоянии.

«Мерв Шахиджан, — писал Якут, — знаменитейший из городов орасана и его столица. Султан Санджар при обширности своих влаений предпочитал Мерв всем прочим городам и не переставал жить нем, пока не умер. Могила его находится там, в большом мавзолее, ешетчатое окно которого выходит к соборной мечети. Купол его голуого цвета виден на расстоянии дня пути. Я покинул Мерв в 616 году 1219 год нашего летоисчисления), в самом лучшем его состоянии. Я не окинул бы Мерва до смерти из-за обходительности, мягкости и веживости его жителей и множества книг по части основных наук. В то ремя, как я покидал его, в нем было десять книгохранилищ. Я наслажался там и заимствовал оттуда полезные сведения...»

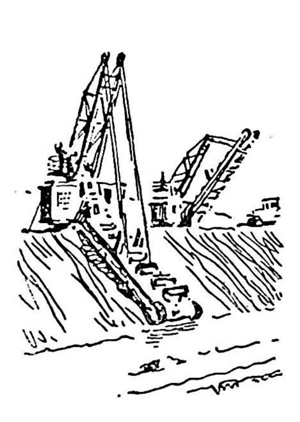
Таким был этот город, обильный водой и садами, украшенный громадными зданиями мечетей и мавзолеев, полный шума разноязычных олп, собиравшихся на базары Мерва со всех стран мира — из Руси, Китая, Индии, Маверанагра, Ирана. Город с населением в несколько

сот тысяч человек (арабские и прочие исто
рики говорят даже о нескольких миллио
нах жителей Мерва), с библиотеками, ба
нями, школами, дворцами, гаремами, кара
ван-сараями, базарами. Город, в которо
можно было купить все, что только произ
водит Запад и Восток, и услышать и узнат
обо всем, что произошло или только наме
ревалось произойти во всех больших
малых государствах Запада и Востока.

И настал день, когда всего этого н
стало. Завоеватель половины мира Чингис
хан послал своего сына Тули-хан
взять Мерв. В 1221 году монголы ворвалис
в город, предварительно разрушив плоти
ну, питавшую Мерв водой. Все населени
города было вырезано. По сведениям одни
историков погибло больше 1 300 тысяч жи
телей города, по другим—700 тысяч. Вс
здания были разрушены. Уцелел лишь мав
золей султана Санджара, вероятно п
тому, что у монголов нехватило технич
ских средств, чтобы сравнять с землей эт
огромную постройку.

Мерв, как один из центров мирово
культуры, перестал существовать. В XV ве
ке сын Тамерлана, Шахрух, восстанови
было плотину на Мургабе и построил н
вый Мерв. Но возрожденному городу был
далеко до Мерва эпохи Санджара. Чере
столетие узбекский хан Абдулла сделал н
вую попытку возродить славу Мерва. Одна
ко Мерв и при нем оставался лишь одни
из небольших городов бухарского эмират
далеко уступая в величине и Бухаре, и Са
марканду, и Хиве.

В 1807 году в Мерве жило всего 500 се
мейств. Затем в течение XIX века в район
Мургаба текинцами и бухарцами было воз
двигнуто два небольших укрепления: одн
на месте нынешнего Мерва, другое в 28 ки
лометрах к востоку от него, возле развали

древнего Мерва. Это второе укрепление, построенное в 1840 году, получило название Байрам-Али.

В настоящее время Мары и Байрам-Али являются крупнейшими поселениями всего Мургабского оазиса. Мары — областной центр, третий по величине город Туркменистана. Байрам-Али — крупный промышленный пункт, самый зеленый и один из самых благоустроенных городов республики.

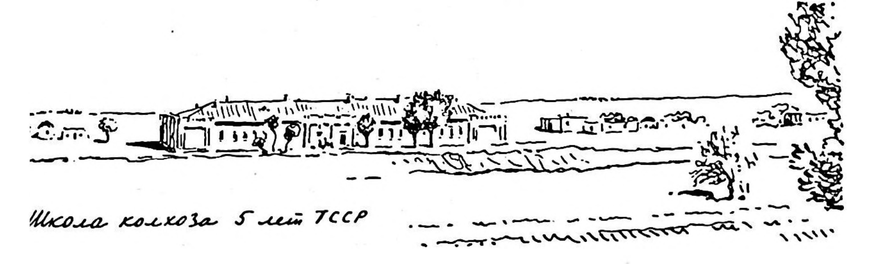
3

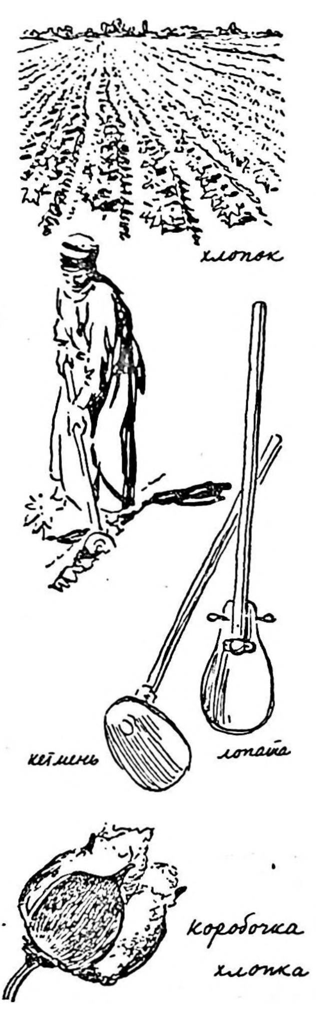
Город Мары, центр оазиса, застроен главным образом одноэтажными домиками, скрытыми за деревьями. На проезжей части дорог лежит твердая, сухая белая глина, которая под ногами пешеходов и копытами коней быстро превращается в пыль, а если прошел дождь — в вязкую грязь. В отличие от ашхабадской белизны домам Мары свойственен цвет серого или бурого кирпича, из которого они сложены. Такого же цвета бежит и вода в арыках и в реке. Под городскими мостами Мургаб течет нешироким мутно-коричневым потоком.

С перекрестков марыйских улиц не видно ничего, кроме распаленного неба да пыльных веток тополей и тальника. Горы от Мары далеко. Город лежит на равнине и строился людьми, меньше всего думавшими об архитектурных стилях.

Современный Мары построен в 80-х годах прошлого столетия, в годы так называемой «хлопковой лихорадки», когда дельцы из Средней России и с Кавказа, любители легкой наживы, прослышав о богатствах новоприобретенных земель, устремились в Среднюю Азию, торопясь настроить хлопкоочистительные заводы, наоткрывать торговые склады, конторы, — повыгоднее и повернее набить карман.

Они не смотрели на город, который строили, как на место своего постоянного жительства. Не только эстетические,—самые минимальные санитарные потребности горожан им казались баловством.

Для всех этих «господ ташкентцев» Мары был лишь временной остановкой на пути к большому богатству.

Но богатство приходило не сразу и не ко всем. Незнание местных условий приводило порой к роковым ошибкам, которые нередко кончались полным разорением новоиспеченных хлопковых предпринимателей.

Одной из таких ошибок был неправильный выбор сорта семян, которыми засевались мургабские поля. О том, что местный марыйский сорт хлопчатника давно выродился и пользовался на мировом рынке дурной славой, было известно всем. Приходилось его менять. Но на что? Из Америки кто-то привез модный тогда сорт «си-айлэнд», дающий дорогое мягкое волокно. Стали сеять «си-айлэнд», но он совсем не подходил к этим местам, требовал для вызревания совсем иных климатических условий, нежели те, что были в долине Мургаба.

Позднее в Байрам-Али была открыта селекционная станция, которая в конце концов выработала сорт семян, гарантировавший рентабельность хлопкового дела в условиях Закаспия.

Город стал богатеть. Но богатство владельцев хлопкоочистительных заводов, ростовщиков, скупщиков хлопка, эксплоатировавших туркменское и русское трудовое население, не оказывало никакого влияния на внешний вид Мары. Город рос, как большой каменный базар и как место невольного пребывания доверенных всяких фирм да чиновников, вынужденных здесь жить по долгу службы. Через несколько лет после своего основания Мары стал уездным городом Закаспийской области. Жители сажали вдоль улиц деревья, копали арыки и огораживали сады при своих каменных приземистых домиках глухими глиняными заборами.

На том заботы о благоустройстве города и кончались.

Между тем город продолжал расти. В Байрам-Али было учреждено большое хлопковое хозяйство, так называемое «Мургабское государево имение». На реке Мургаб построили две большие плотины. Площадь хлопковых полей непрерывно расширялась; соответственно расширялись и торговые обороты уездного города Мары.

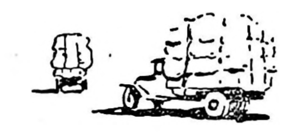
Росту Мары много помогла постройка железнодорожной ветки, соединившей в 1896 году Средне-Азиатскую магистраль с самым южным пунктом Российской империи — с крепостью и городом Кушка.

Мары стал узловой станцией с крупнейшими после кизыларватских железнодорожными мастерскими.

Таким он и оставался вплоть до Октябрьской революции — город чиновников, город торговцев и промышленников, город авантюристов, город скороспелых богачей и разорившихся предпринимателей, город крупных сделок с афганскими и персидскими купцами, город изнурительной малярии — и город постепенно крепнувшей прослойки русских рабочих-железнодорожников. Они жили своей семьей, не смешиваясь с остальным буржуазно-мещанским населением города, и постепенно накапливали силы для революционных битв, близость которых уже предчувствовал каждый, кто хоть немного разбирался в направлениях и законах жизни.

А кругом лежала золотоносная земля, жаждущая влаги.

Сбор хлопка

4

Отличительным признаком мургабской воды является ее мутность. На литр воды, почерпнутой из Мургаба, приходится иной

раз до 24 граммов ила. От этого цвет воды в реке такой, точно в бутылку кипятка бросили столовую ложку какао. Мельчайшие частицы песчаной и глинистой почвы, размытой Мургабом, совершают с рекой весь путь, какой для нее приготовил человек.

Вместе с водой мургабский ил попадает в водохранилища, построенные для уловления весенних паводков. Из водохранилищ ил выносится в каналы, из каналов — в арыки, а из арыков — на поля. На всем протяжении этого пути ил постепенно осаждается, причем осаждение его идет тем скорее, чем медленнее течение воды в канале или арыке.

Ил, какой несут среднеазиатские реки (не один Мургаб), — это их добро и зло. Добро потому, что наносы, попадая на поля, увеличивают плодоносность почвы, являясь первым и естественным ее удобрением. Кроме того, ил изменяет в полезном направлении и чисто физические свойства почвы: попадая на поля вместе с водой, он связывает рассыпчатую землю и уменьшает ее водопроницаемость. Жители Мургабской долины специально выводят мургабскую воду в пески, заливая котловинки между барханами, чтобы получить добавочные участки для посевов. После спуска воды на политых участках остается корочка, скрепляющая песчинки и позволяющая корням растения укрепиться.

Таким образом, мургабский ил может рассматриваться как несомненное добро, хотя по химическим своим свойствам он и менее ценен, чем, например, ил амударьинский. Качество мургабского ила портится его засолоненностью. Это происходит оттого, что сильно засолонены два больших притока Мургаба — Кашан и Кушка. Но все же ил Мургаба служит целям удобрения, и, следовательно, он — добро.

Но вместе с тем он и зло.

Зло потому, что если на каждый килограмм мургабской воды приходится до 24 граммов твердых частиц, то это значит, что в водохранилищах, где собираются десятки и сотни миллионов тонн воды, скапливается и колоссальное количество ила, который эти водохранилища засоряет. Для того чтобы построить Тедженское водохранилище, нужно вынуть 2,5 миллиона кубометров земли. Эта цифра поражает своей громадностью. Как же мы должны быть поражены, узнав, что уже существующие на Мургабе водохранилища мургабская вода ежегодно засоряет миллионами тонн земли и песка, сводя на-нет созидательную работу человека.

На Мургабе в настоящее время действуют четыре больших водохранилища — Ташкепринское, Иолатанское и два Гиндукушских.

Общий объем их—275 миллионов кубометров воды. По самым скромным расчетам, емкость этих четырех водохранилищ ежегодно уменьшается от заиливания на 2 миллиона кубометров. Водохранилища постепенно гибнут. Так Султан-Бентское водохранилище, построенное в 1910 го-

Хлопок

ду, просуществовало всего 22 года и в 1932 году, сплошь заиленное, вышло из строя и потребовало восстановления. В 18 километрах ниже Султан-Бента в том же 1910 году было устроено Иолатанское водохранилище объемом в 71 миллион кубометров. Через 35 лет, к окончанию Великой Отечественной войны, объем этого водохранилища, из-за того что мургабская вода содержит такой большой процент ила, сократился почти наполовину. Он не достигает в настоящее время и 40 миллионов кубометров.

Заиливаются не только водохранилища. Ил оседает и на дне арыков и каналов. Каждый год в арычной системе Мургабской долины оседает миллион тонн ила. Эти наносы делают каналы непроточными. Для того чтобы обеспечить нормальным орошением один гектар посевов, надо ежегодно выбрасывать из русел арыков по крайней мере десять кубометров ила.

Очистка оросительной системы называется хошар. Она входит в расписание самых насущных и обязательных сельскохозяйственных работ Мургабской долины, как и всех других районов Средней Азии, получающих искусственное орошение. На хошар ежегодно затрачиваются сотни тысяч трудодней, что при общей недостаче рабочих рук в Туркменистане ложится тяжелым бременем на хозяйство республики.

Выброшенный во время хошара ил частью идет на удобрение полей, а частью остается на берегах арыков и постепенно наращивается. Поэтому арыки в Туркменистане всегда окаймлены высокими валами. Эти глиняные валы из года в год, от хошара к хошару, все увеличиваются и, наконец, становятся так высоки, что во время очередного хошара начинает уже нехватать физических сил, чтобы лопатой выбросить ил со дна арыка наверх. Тогда старый обвалованный арык бросают и рядом с ним роют новый.

Первый год новый арык течет в ровных берегах, но проходит шесть-семь лет, и после шести-семи хошар на берегах его опять нарастают валы, которые еще через несколько лет снова заставят забросить и этот арык и рыть рядом с ним третий. А там придет время забросить и третий арык и копать четвертый, пятый... Равнина Мургабского оазиса загромождена высокими сухими валами, тянущимися параллельно друг другу на протяжении арыков.

Эти валы составляют характерную черту мургабского пейзажа. Мутно-коричневая вода бежит в канавах между высокими берегами. Валы поросли сухими длинными травами. На воду арыков кидают тень карагачи, ива, лох и другие деревья, всюду сопутствующие человеку, едва его усилиями будет орошена земля.

Необходимость регулярного выравнивания полевых участков, подлежащих одновременному поливу, — это тоже одна из обязательных за-

Контора колхоза „Тезе Иол"

бот туркменского колхозника. Ведь если поле окажется не вполне ровным, а волнистым или покатым, то, когда пустят воду из арыка, вода скопится в низких местах и оросит только их, а посевы на покатой или возвышенной части засохнут. На мургабских полях нет и не должно быть косогоров, холмов, откосов, таких обычных в Средней России. Мургабский оазис так же, как оазисы Тедженский, Приамударьинский, Серахский, Ташаузский, — это идеальные плоскости, разрезанные на карты полей и пересеченные валами арычных берегов.

Хошар в течение тысячелетий был одной из самых жестоких повинностей земледельца Средней Азии. Если арычная система свидетельствовала о победе человеческого разума над природой, то хошар был реваншем, какой природа брала у человека.

Советский человек, как только он стал хозяином всех вод и земель своей родины, не захотел мириться с таким положением. На каналы древних оазисов пришли землечерпалки. Первое время эти машины доставляли из других районов страны, а теперь их начинают производить в самой Средней Азии. Так в годы Великой Отечественной войны было налажено производство землесосов в Ашхабаде.

Там, где прежде работали тысячи человек, — там теперь ту же работу выполняет одна машина. В отдельных районах хошарные работы механизированы на 50 и больше процентов. В Туркменистане это особенно относится к северному, Ташаузскому оазису, где Аму-Дарья еще больше, чем Мургаб, держала в плену труд земледельца миллионами тонн своего ила.

Механизируются, конечно, не только хошарные работы. На полях Туркменистана работают тысячи тракторов, множество разнообразных сельскохозяйственных машин. Работы над хлопком, пока за исключением его сбора, в значительной степени уже механизированы.

При оросительных сооружениях строятся гидроэлектростанции; возведена, в частности, Каушут-Бентская гидростанция на Мургабе.

5

Календарь работ мургабского колхозника в большой мере определяется потребностями развития хлопкового семени.

Сев хлопка начинается в марте. К этому времени должны быть закончены все хошарные работы на всем протяжении всех каналов и арыков. Задерживать сев нельзя. Хлопок для полного его созревания нуждается в длительном вегетационном периоде, занимающем, в условиях мургабского климата, все безморозное время. Если запоздать с использованием этого периода хотя бы на неделю, это приведет к самым тяжелым последствиям. Дней, упущенных с весны, нехватит в конце лета, — ударят заморозки, и все затраченные труды десятков тысяч людей, занятых на хлопке, пойдут прахом. Поэтому время, предшествующее севу, и самый сев для всего населения Мургабской долины является авральным временем, когда невозможно и преступно отвлечение внимания на какие-либо посторонние дела.

Кончится сев, наступит летняя страда — поливы, прополка, чеканка. А к началу осени вновь разгорается аврал, связанный с приближением времени уборки. К концу сентября хлопчатник превращается в рослый куст, несколько напоминающий куст картофеля, и на нем во множестве набухают твердые, крупные коробочки с волокном. Если волокно дозрело, коробочки раскрываются, и вата выходит на свет. Ей нельзя дать перестояться, как нельзя собирать и недозревшее волокно.

Первыми раскрываются коробочки на нижних ветках куста. Это затрудняет технику сбора. Стараясь не поломать верхних, еще не созревших коробочек, рука сборщика проникает в самую гущу куста, чтобы быстро и ловко снять созревшую вату. А завтра к этому кусту надо вернуться снова, так как на нем раскроются новые коро-

Больница в колхозе „Тезе Иол"

Мавзолей Султана Санджара

бочки, сегодня еще закрытые. К нему нужно вернуться и через день и через два. Сбор длится 30, 40 и больше дней. И все эти 30 или 40 дней сборщик должен каждый день наведываться к каждому кусту посева. А ведь в долине Мургаба под хлопок отведены десятки тысяч гектаров, и на каждом гектаре кустов хлопчатника не меньше, чем кустов картофеля на гектаре картофельного поля.

Перед советским хлопководством сейчас стоит задача механизировать сбор хлопка с помощью вновь конструируемых машин. В Туркменистане предполагается к концу послевоенной пятилетки механизировать сбор хлопка почти на треть.

Весной посев, летом поливы и чеканка, осенью сбор хлопка, а зимой приведение в порядок оросительной системы — вот тот круговорот неотложных забот и дел, в который вовлечено все население долины Мургаба.

Южнее Мары расположен город Иолатань — центр селекционной и опытной работы по созданию новых сортов длинноволокнистого и естественно окрашенного хлопчатника.

Длинноволокнистый, или, как его прежде называли, египетский, хлопчатник не может произрастать в любых условиях. Для него нужен особенно длительный безморозный период. Мургабский оазис представляет совмещение всех условий, необходимых для вызревания этого нежного сорта. Но просто засеять поля египетскими семенами недостаточно. Надо учесть особенности местного климата и почв, которые требуют известного приспособления к себе тех сортов «египтянина», которые 12—15 лет назад впервые были опробованы на Мургабе. Работой по выведению улучшенных советских сортов длинноволокнистого хлопка и ведает опытно-селекционная станция в Иолатани.

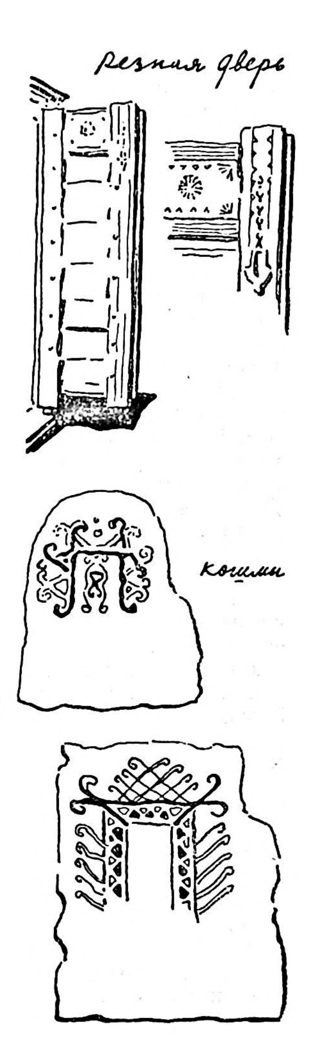
В последние годы внимание сотрудников Иолатанской станции

было обращено также на выращивание естественно окрашенного хлопка. На опытных полях уже можно видеть целые участки зеленого и коричневого хлопчатника. Особенность его в том, что волокно такого хлопка может итти на текстильные фабрики, не нуждаясь в какой-нибудь дополнительной окраске.

Внедрение естественно окрашенного хлопка на колхозные поля сохранит стране громадные средства, затрачиваемые на окраску пряжи и тканей.

Когда на полях будет расти коричневый, зеленый, голубой, красный хлопок, разительно изменится даже пейзаж страны, поскольку хлопковое волокно занимает значительное место в среднеазиатском пейзаже.

Сбор хлопка заканчивается к ноябрю. Тогда возле каждого колхоза, возле каждого аула, возле любой железнодорожной станции, по всем дорогам движутся арбы, автомашины, караваны, нагруженные белым, как весенние облака, хлопком. На складах, на дворах хлопкоочистительных заводов, на площадках у товарных станций каждую осень растут горы ваты, достигающие порой такой высоты, что чуть не за километры видны их остроконечные, как бы снежные, вершины. Хлопкоочистительные заводы, очищающие машинами-джинами хлопковое волокно от семян, работают с осени по весну. Все это время к ним подвозят сырье с полей и вывозят с заводов готовую продукцию. Идет ли железнодорожный состав, на платформах которого лежат кипы очищенного хлопка, везет ли хлопок арба по дороге, или через спину верблюда перекинуты большие чувалы, туго набитые волокном, — хлопок в Туркменистане всегда и всюду на виду. Как голубизна туркменского неба, как красные одеяния женщин,

как очертания фиолетовых гор на горизонте, непревзойденная белизна хлопка сопутствует путешественнику во всех его передвижениях по дорогам республики.

Окрашенное волокно внесет новую ноту в цветовую симфонию туркменского пейзажа. И эта нота прозвучит, как новая песня победы советского колхозного хозяйства, строящего свою работу на научной основе.

За годы сталинских пятилеток колхозники Туркменистана одержали много побед. Тридцать лет назад под хлопчатник отводилось около 70 тысяч гектаров туркменской земли. А в первый послевоенный год было засеяно около полутораста тысяч гектаров, то есть в два с лишним раза больше. Сильно увеличилась и урожайность. Общий сбор туркменского хлопка за годы советской власти возрос в несколько раз.

Дальнейшее развитие туркменского хлопководства определено специальным постановлением партии и правительства и пятилетним планом. В ближайшие годы будет перекрыт тот ущерб, который нанесла хлопководству война. Скоро хлопковое хозяйство станет еще более культурным, механизированным и продуктивным, чем было до войны. Двадцать лет назад считалось хорошим, если один гектар посева давал 7 центнеров волокна. А по принятому плану средний урожай хлопка к концу послевоенной пятилетки составит в среднем 17 центнеров с гектара.

Во всех победах туркменского народа, достигнутых под руководством партии в области хлопководства, почетная роль, несомненно, принадлежит мургабским колхозам. Древний Мургаб не имеет никаких оснований скорбеть о прошлом. Он обладает сейчас большей силой и славой, чем тогда, когда по улицам Мерва бродил сказочный Гарун ал-Рашид или когда султан Санджар, мечтая о соперничестве со строителями египетских пирамид, возводил свой величественный мавзолей.

Полуосыпавшийся, потерявший следы былой многоцветной красоты, забывший о голубизне купола, когда-то видимого «с расстояния дня пути», мавзолей султана Санджара хорошо виден из окна вагона, когда поезд, миновав станцию Мары, приближается к станции и городу Байрам-Али.

На пути от Мары до Байрам-Али с северной стороны полотна все время видны многочисленные признаки того, что на этом участке железная дорога пролегла по кладбищу многовековой культуры. Остатки башен, холмов, стен, рвов занимают площадь чуть не в сто квадратных километров. Едва ли на земном шаре есть другие древние развалины, площадь которых была бы столь велика. Но не нужно

думать, что площадь столицы султана Санджара действительно равнялась ста квадратным километрам. Просто у народов Средней Азии было принято после разрушения города восстанавливать его не точно на старом месте, а немного отступя в сторону. Это было даже не обычаем, а одним из способов разрешения технических затруднений, связанных с расчисткой строительной площадки от обломков зданий.

Таким образом, проезжая мимо руин старого Мерва, мы проезжаем фактически мимо развалин нескольких Мервов. Вот развалины греческой Антиохии. Вот обломки зданий столицы халифата. Вот остатки величественного города Санджара.

Не всегда можно точно разграничить, где кончался более древний город и где был воздвигнут более поздний. Тот же перед глазами битый кирпич. Те же рытвины, те же осыпавшиеся стены, обломки башен. Те же тени отбрасывают на песок холмы, сложенные из черепков посуды и многоцветных кирпичиков, покрытых глазурью.

В чисто художественном отношении развалины старого Мерва, включая сюда и остатки мавзолея Санджара, производят меньшее впечатление, чем мечеть Анау под Ашхабадом. В остатках мавзолея Анау замысел зодчего, как и художника, сообщившего зданию красочность, виден, поскольку остались нетронутыми целые комплексы цветных орнаментов и мозаичных покрытий. Постройки же старого Мерва разрушены настолько, что невозможно себе представить, какими были эти здания в прошлом. Анау пострадал лишь от времени, а старый Мерв — от злой человеческой воли. И последнее оказалось сильнее и безжалостнее первого.

6

Неизгладимое впечатление производит переход от безжизненности древних городов, лежащих среди мертвого пустыря, к многоцветности торжествующей жизни, какая открывается перед каждым, кто, оставив историю, переступил через железнодорожное полотно и оказался в Байрам-Али.

Этот городок, как бы захлебнувшийся в зелени садов, стоит на границе оазиса и пустыни как вещественное доказательство того, что творящие силы природы неиссякаемы, лишь бы к ним прикоснулся всеоживляющий человеческий разум. Город-сад, город-парк, город-лес, Байрам-Али способен возбудить зависть у любого другого города Средней Азии.

Если бы города, так же как и люди, могли ездить друг к другу

Хлопкоочистительный завод

в гости, в прихожей у Байрам-Али нельзя было бы протолкаться от посетителей. Каждому поселению этих жарких мест было бы любопытно повидать своего счастливого собрата, арыки которого вечно полны водой, дома просты, скромны и изящны, тротуары и мостовые даже в самые нестерпимые часы июльского зноя повиты тенью, а на улицах то и дело слышно соловьиное щелканье и свист, ибо птицам в этом городе очень трудно разобраться, что здесь считается парком, а что городским проспектом. В весенние месяцы на улицах Байрам-Али можно услышать даже кукушку. Как необычна симфония городских звуков, в которой тоскующий крик кукушки перебивается сиреной автомобиля или ревом верблюда! А затем раздается трубный, внезапный, всякий раз поражающий непривычного человека, жалобный плач осла. И вдруг все это перекрывает низкий заводской гудок.

Небольшое укрепление Байрам-Али было воздвигнуто в середине XIX века как опора текинских родов против набегов бухарских сарбазов. После присоединения Мургаба к России в Байрам-Али и на близлежащих землях было учреждено так называемое «Мургабское государево имение». Доходы с этого имения шли непосредственно в карман царю.

Теперь Байрам-Али — центр одного из богатейших районов Марыйской области.

Как и в Мары, в нем все подчинено хлопку, может быть, даже еще в большей степени. В Мары расположены многие учреждения и предприятия, не имеющие порой прямого касательства к хлопковым полям и связанные с другими отраслями окрестного хозяйства. Там есть, кроме хлопкоочистительного, заводы: кожевенный, пивоваренный, рыбокоптильный, моторемонтный. Есть крупнейшая в Средней Азии фабрика первичной обработки шерсти. Есть железнодорожное депо.

В Байрам-Али таких разнообразных учреждений и предприятий пока нет. Промышленное лицо города определяется хлопкоочистительным заводом и масложиркомбинатом, производящим из хлопкового семени масло и мыло.

Сухой климат Байрам-Али вызвал создание здесь почечного санатория. Он развернут в здании бывшего дворца, в котором до революции жил генерал, управлявший мургабским имением.

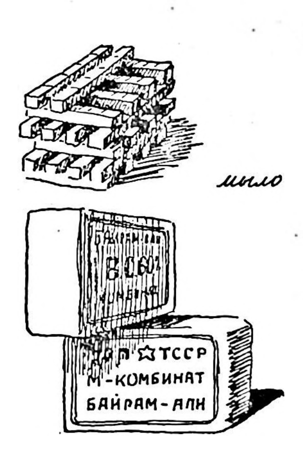

Именно та часть города, которая прилегает к санаторию, и создала Байрам-Али славу самого озелененного, самого красивого, самого благоустроенного города в республике. Здесь, помимо многих садов, палисадников, цветников, находится великолепный старый парк, засаженный редкими деревьями, завезенными сюда из разных южных стран.

Когда будет осуществлен грандиозный план пополнения Мургабского и Тедженского оазисов амударьинской водой, тогда и в других поселках и городах будут созданы условия, которые позволят им превратиться в такие же города-парки, каким сейчас является этот небольшой городок, раскинувший свои сады неподалеку от мертвых камней древнего Мерва.

7

Схема дельты Мургаба, если ее изобразить на бумаге, напомнит рисунок метелки. Река на протяжении почти двухсот километров имеет одно неширокое, извилистое русло, а достигнув города Иолатани, распадается на бесчисленное количество рукавов, которые в виде пучка метелки расходятся на северо-восток, на север и на северо-запад, а затем теряются в песках. Перегороженная плотинами, река севернее

Иолатани выбрасывает несколько магистральных каналов, от которых ответвляются распределительные каналы, в свою очередь дающие начало арыкам, доводящим воду до посевов.

Общая протяженность всех каналов и арыков в дельте Мургаба равна 5 тысячам километров, при длине дельты в сто километров. Таким образом, на один километр протяженности дельты приходится не меньше пятидесяти километров арыков и каналов.

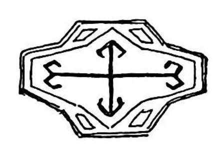
Именно район дельты обычно и имеют в виду, когда говорят о Мургабском оазисе, хотя южнее Иолатани расположен еще один оазисный район, получающий орошение из Мургаба. Он занимает самую южную часть Марыйской области, являющейся самой южной областью Туркменистана, которая, в свою очередь, занимает наиболее южное положение во всем Советском Союзе. Центр этого оазиса — город Тахта-Базар.

Южнее Тахта-Базара в нашей стране расположен только один город — Кушка.

Оазис вытянулся вдоль Мургаба на 65 километров богато орошенной, хорошо разделанной, не очень широкой полосой. Огромное значение для его хозяйства имела постройка в 1940 году Ташкепринского водохранилища, неподалеку от железнодорожной станции Таш-Кепри. Это крупнейшее на Мургабе гидротехническое сооружение советского времени повысило роль и значение оазиса, введя его в число передовых районов области. Как и в дельте, в этом более южном оазисе ведущее место принадлежит культуре хлопчатника, а на землях, неудобных для хлопчатника, сеют зерновые культуры и разводят богатые фруктовые сады.

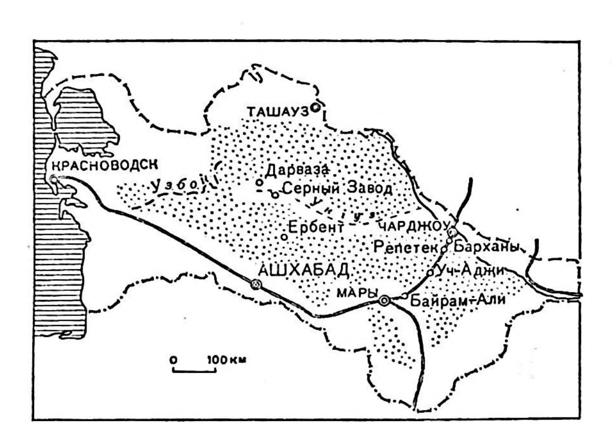
Немалую роль в хозяйстве оазиса играет скотоводство. Колхозы почти круглый год держат стада в песках, которые сдавили этот оазис с двух сторон — с востока и запада.

Заслуживает внимания сохранившийся здесь до наших дней древний ковровый промысел. Здешние так называемые пендинские ковры достойно соревнуются с текинскими.

ПЕСЧАНАЯ ПУСТЫНЯ КАРА-КУМ

ТАШАУЗ
КРАСНОВОДСК
Дарваза
Серный Завод
Узбой
Ербент
ЧАРДЖОУ
Репетек
Барханы
АШХАБАД
Уч-Аджи
МАРЫ
Байрам-Али
0 100 км

1

После Байрам-Али железнодорожное полотно поворачивает на северо-восток и почти сразу же входит в Кара-Кум. Начиная от Красноводска, оно стремилось на протяжении 700 километров к юго-востоку и у станции Душак достигло своей самой южной точки. От Душака до Байрам-Али дорога придерживалась широтного направления, уклонившись к северу на участке в 200 километров не больше чем на 45 километров. После Байрам-Али начинает определяться и меридиональное стремление дороги. Пробежав до Аму-Дарьи от берегов Мургаба 200 километров, поезд в то же время удаляется и к северу почти на 200 километров.

200 километров для поезда небольшой путь. Но для пассажира эти 200 километров — между Байрам-Али и Чарджоу — стоят всего предыдущего, почти тысячекилометрового, расстояния от Красноводска. Пустыня, которая в течение всего движения поезда, от берегов Каспия в глубь Азии, только возникала на горизонте как отдаленная угроза, теперь смотрит путнику прямо в глаза, точно желая сказать: «Не верь этим деревьям и садам, какие ты видел по берегам речек и рек. Не верь очертаниям гор, которые манили тебя прохладой своих ущелий. Все, что ты видел, — мираж. Настоящая реальность — я».

Как только поезд покинет Байрам-Али и направится к станции Равнина, начинаются пески. Глаз воспринимает переход от оазиса к пустыне как переезд из одной страны в другую. Оазис — это плоская земля, на которой проведены арыки, растут деревья, стоят дома и живут люди. Кара-Кум в большей своей части имеет вид холмистого, взрыхленного пространства, отдаленно напоминающего поле, покрытое сугробами. Только сугробы эти из песка, причем размером с добрый степной курган, вроде тех, что встречаются в донских степях. А поле это протянулось не на пять, не на десять, не на двадцать, а на полтысячи километров.

Общая площадь каракумских песков — 350 тысяч квадратных километров, что составляет немногим более 70 процентов всей площади Туркменистана. Кара-Кумская пустыня по размерам равна Финляндии и в полтора раза больше Великобритании.

Когда строители Средне-Азиатской железной дороги вышли из пределов Мургабского оазиса и увидели перед собой первые гряды мелкого, сухого песка, по которому не то что передвигаться на колесах, но даже пешком итти трудно — так он мелок, легок, сух и уступчив под ногами, — они, может быть, впервые по-настоящему усомнились в успешности начатого дела.

По характеру и особенностям песчаного ландшафта каракумские пески принято делить на подвижные — барханные — и на закрепленные — бугристые, или грядовые. На пространстве между Мургабом и Аму-Дарьей, по которому пролегла трасса железной дороги, можно встретить типы песков как подвижных, так и закрепленных.

Глаз наблюдателя, даже впервые видящего пустыню, всегда отличит подвижные песчаные холмы от тех, что навсегда установили свое положение в просторах Кара-Кума. Собственно, глаз неопытного наблюдателя закрепленные пески не всегда и не сразу согласится признать пустыней: настолько густая порой их покрывает растительность. В то время как подвижные барханы лишены какой-либо зелени и лежат под небом не менее обнаженные, чем океанские волны, пески бугристые или грядовые нередко предстают глазу как своеобразный парк,

разбитый на холмистой местности. Недаром отдельные участки закрепленных песков географы и экономисты Туркменистана зовут «туркменскими лесами».

Леса эти весьма своеобразны и образованы деревьями и кустарниками, каких не увидишь ни в каком другом месте нашей родины, кроме как в пустынях,— это саксаул, песчаная акация, гребенщик, кандым и некоторые другие. Они мало похожи на деревья северных лесов — на березу, сосну или ель.

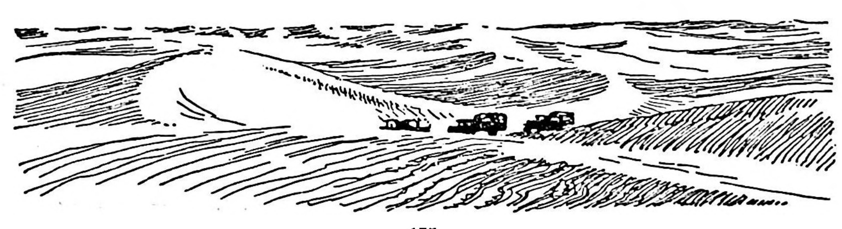
Когда впервые северянин взглянет на каракумские просторы, заросшие саксауловыми лесами, он невольно подумает: «Да какая же это пустыня? Это лес, это парк! Где же Кара-Кум?!»

И тем не менее эти заросшие высокими кустарниками и приземистыми деревьями песчаные пространства и есть тот самый, известный по книгам и рассказам путешественников, «страшный» Кара-Кум.

В рассказы и книги о Кара-Куме должны быть внесены коррективы. Очень часто рассказы о пустыне составлялись людьми, увидевшими своими глазами только какой-нибудь один кусочек или краешек каракумских пространств и принявшими этот краешек за всю огромную территорию Кара-Кума. К тому же нередко случалось, что составители рассказов о туркменской пустыне и вовсе ее не видали, довольствуясь рассказами третьих лиц или, что то же, молвой, всегда склонной значительно видоизменять правду.

Молва особенно склонна искажать облик явлений слабо изученных, мало известных или редких по самому их существу. Кара-Кум до недавнего времени принадлежал к наименее исследованным местам земного шара, и он вполне может быть причислен к явлениям редкостным и своеобразным. Отсюда и проистекало, что сведения о туркменских пустынях, основанные на непроверенных рассказах, очень часто не соответствовали действительности.

Барханные пески

Когда 60 лет назад русские инженеры начали постройку Средне-Азиатской железной дороги, вся мировая пресса кричала, что из этой затеи ничего не выйдет, — пески страшного Кара-Кума способны поглотить не только узкую ленточку железнодорожного полотна, — целые государства лежат погребенными под движущимися барханами.

Однако русские инженеры железную дорогу построили, и уже прошло 60 лет с того дня, как каракумский ветер впервые подхватил дым из трубы первого паровоза, проложившего себе путь между барханами, а дорога все существует и работает без всяких перебоев.

Кара-Кумскую пустыню до советского времени по-настоящему не знали. Лишь за несколько лет до Октябрьской революции в Кара-Куме была основана Репетекская станция по изучению песков. Но подлинно научный размах деятельности этой станции начался значительно позднее, уже в советские годы. Многочисленные комплексные экспедиции, организованные советскими учеными, и каждодневные наблюдения, какие они вели и ведут над жизнью пустыни, рассеяли многие неправильные представления о Кара-Куме и положили начало настоящему научному знанию того, что представляет собой пустыня.

2

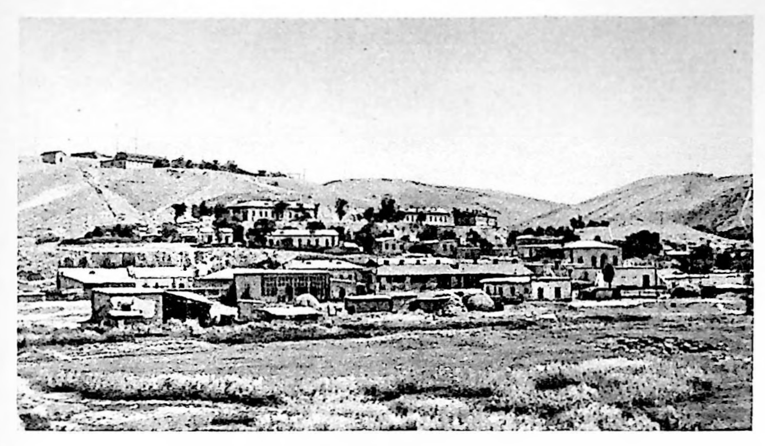
Мертвых пустынь нет. То, что мы по традиции называем пустыней, совсем не является пустым или мертвым местом, а представляет собой особую форму существования жизни, как растительной, так и животной.

Только жизнь эта в разных районах Кара-Кума и в разных песках не одинакова.

В Кара-Куме есть места более пустынные и менее пустынные, хотя и в тех районах, которые должны быть признаны наиболее пустынными, как, например, районы движущихся барханных песков, все равно жизнь есть. Если на барханах нет сплошного растительного покрова, трав или деревьев, то трудно встретить такое большое барханное пространство, где бы не опускал свой корень в глубь песка удивительно живучий злак селин или где бы мы не увидели изящную и внешне хрупкую песчаную акацию. Эти растения в многовековой борьбе за существование выработали свойства, которые не только позволяют им жить в глубоких безводных и горячих песках, но которые делают невозможной их жизнь где-нибудь, кроме как в пустыне. Для правильного развития селина нужно, чтобы листья и ростки его постоянно подвергались засыпанию песком. Будучи засыпан, селин

Кара-Кум

Город Кушка

На советско-афганской границе

В Кара-Куме

Саксауловые леса в Кара-Куме

Грядовые пески

выбрасывает в сторону длинное корневище, которое стелется горизонтально в слое песка, непосредственно не подвергающемся воздействию палящих лучей, и дает новый стебель. Корни этого растения могут достигать огромной длины — в 30 и больше метров. Особое строение корней селина мешает ему терять влагу при соприкосновении с сухим песком.

Но даже и там, где нет ни селина, ни акаций и где поверхность барханов совершенно чиста и пуста, глаз без труда различит следы многочисленных живых существ — черепах, ящериц, змей, научившихся, так же как и растения, извлекать источники существования оттуда, где, казалось бы, нет и не может быть ничего, поддерживающего жизнь. Конечно, если дует ветер, эти следы пропадают. Тогда-то барханы действительно представляют картину полной безжизненности и пустоты.

Но существенно, что обнаженные пески — барханы — не являются преобладающими в общей площади Кара-Кумской пустыни. Они редко встречаются в виде обширных сплошных массивов. Более или менее значительные массивы барханов встречаются лишь на левом берегу Аму-Дарьи — несколько южнее линии железной дороги, затем на правом берегу той же реки, к югу от станции и города Фараба, и в южной части самого северного из туркменских оазисов — Ташаузского. В этих местах полоса барханов порой достигает в ширину 60 и 80 километров.

Неширокие полосы барханов встречаются также вокруг оазисов и у колодцев, то есть, как это ни странно, в тех местах, где человек особенно интенсивно воздействует на природу.

Основная, подавляющая часть песчаного Кара-Кума закреплена растительностью. Барханные пески превращаются в закрепленные по мере их зарастания древесным или кустарниковым покровом.

Человек, приходя в соприкосновение с пустыней, начинал с того, что вырубал себе на топливо деревья, скреплявшие пески, и пески начинали развеиваться, из закрепленных вновь становясь барханными. Точно так же содействовали развеиванию песков и стада, толпящиеся у колодца и разбивающие копытами тонкую сетку корешков травы, скреплявшую песок. Там, где была спокойная страна закрепленных гряд, после прихода человека с его стадами может вновь возникнуть море барханов, способное передвигаться и угрожать трудам человеческих рук. На окраинах оазисов мы часто видим языки песчаных барханов, как бы нацеленные на жилища и посевы. Рационализация выпаса колхозных и совхозных стад должна устранить это пагубное воздействие пастьбы на закрепленный песок.

Между прочим, именно то обстоятельство, что вблизи оазисов и жилых мест часто встречаются барханные пески, и содействовало распространению общепринятого представления о Кара-Куме как о сплошном море барханов.

На самом же деле стоит, покинув оазис, преодолеть эти передовые барханные гряды и проникнуть в глубь Кара-Кума, как пустыня приобретает совсем иной вид. Во многих местах по склонам неподвижных песчаных холмов растут раскидистые кустарники, образуя уже не безжизненный ландшафт, а настоящие каракумские лесничества.

За те шесть или восемь часов, что длится переезд от Байрам-Али до Чарджоу, пустыня успевает показать пассажиру все свои характерные пейзажи. Ближе к Байрам-Али громоздятся закрепленные пески. Приближаясь к Аму-Дарье, полотно вступает в величественный и тревожный мир барханов. Но не надо думать, что эти полосы песков отделены одна от другой ясно очерченной и непереходимой чертой. Нет, различные виды песков перемешиваются и соседствуют друг с другом. Если мы говорим, что станция Уч-Аджи расположена в полосе грядовых песков, а станция Репетек среди подвижных барханов, то это надо понимать лишь как указание на преобладание тех или иных песков в этих районах. Фактически и возле Репетека можно увидеть грядовые пески, и на подъездах к Уч-Аджи могут поразить воображение и чувство путешественника совершенно обнаженные песчаные холмы, не несущие на своих спинах ни единой травинки.

3

Источниками воды в Кара-Куме служат колодцы, вырытые до уровня грунтовых вод, и дождевые ямы. Советские животноводы в пустыне непрерывно увеличивают количество колодцев, но все же их сравнитель-

но немного и воды в них мало. Среди колодцев есть такие, из которых не достанешь больше тридцати или сорока ведер.

Оседлая жизнь в Кара-Куме затруднена из-за того, что воды в колодцах обычно нехватает для удовлетворения нужд сколько-нибудь большого числа людей и животных. И Кара-Кум часто считается незаселенным местом. Но это неверно. В Кара-Куме есть постоянные человеческие поселения. В отдельных местах, обычно около такыров, где имеются более богатые колодцы, можно встретить оседлые аулы, население которых совсем не тяготится жизнью в песках. Эти оседлые поселения среди пустыни имеют школы, амбулатории, клубы, почту, магазины. Порой жители этих аулов даже разбивают огороды и бахчи. Работа советских научных станций в пустынях вносит новые идеи и приемы в это, пока еще слабо развитое, неполивное растениеводство Кара-Кума.

Кроме сравнительно немногочисленных постоянных поселений, в разные времена года в самых различных районах Кара-Кума можно встретить временные стоянки колхозных и совхозных пастухов, пришедших сюда со стадами из ближайшего оазиса. Они — в порядке сезонного использования пастбищ — перегоняют скот по определенным, научно разработанным маршрутам.

Кара-Кум, о котором принято думать как о море бесплодного песка, туркменское население испокон веков рассматривало как основу своего хозяйственного благополучия. Именно в Кара-Куме весной и осенью откармливаются стада, всегда бывшие для туркмен мерилом богатства. Если заросли грядовых и бугристых песков выполняют для республики роль лесов, поставляя в города и аулы великолепное топливо — саксаул, то те же пески в еще боль-

шей мере выполняли и выполняют роль пастбищ, поскольку знаменитые туркменские овцы и верблюды именно в песках находят для себя пищу.

До прихода русских лишь небольшая часть туркменского населения занималась хлопководством и разводила сады. Настоящей основой туркменского хозяйства было скотоводство, а Кара-Кум служил главным выпасом для скота. Туркмены привыкли видеть в Кара-Куме не столько угрозу для своих посевов, сколько свою опору и защиту. В Кара-Куме откармливался их скот, и Кара-Кум укрывал этот скот от неприятеля в периоды войн.

Но скотоводство стояло на низком уровне. Скот оставался круглый год без укрытий, кормов не заготовляли, и часто случалась бескормица, вызывавшая падеж скота. Отсутствие ветеринарной помощи вело к развитию эпизоотий. Советское отгонное животноводство свободно от этих бедствий прошлого.

Первая растительность на песчаных холмах появляется с первыми весенними дождями, в конце февраля. К марту раскрываются листочки на кустарниках и деревьях, и до начала апреля Кара-Кум радует глаз яркостью зеленого покрова и пестротой цветов.

В апреле кончаются дожди, и поверхность песка начинает быстро просыхать. Зеленый покров сменяется бурым, потом желтым. Цветы — тюльпаны и маки — отмирают, а жемчужина каракумских песков — невидная травка илек—блекнет и желтеет. В илеке больше белков и жиров, чем в люцерне. Летом илек образует своеобразное «сено» на корню, охотно поедаемое овцами.

Бугры и гряды в течение немногих дней теряют цвет весны, становясь бурыми. Пройдет еще неделя, температура днем на поверхности песков начнет достигать 50 и 60 градусов, и сухие стебельки весенних травок превратятся в прах. А затем денные температуры почвы достигнут и 70, а иногда и 80 градусов. Тогда ящерица, если ее продержать на открытом месте пять минут, гибнет от солнечного удара. Кара-Кум остается таким до глубокой осени, когда новая полоса дождей опять возвращает им зеленый травяной покров.

Однако стада и после наступления жары не возвращаются в оазисы. Там им нечего было бы делать: с начала жары травяной покров сгорает в оазисах так же, как в Кара-Куме, а на политых полях зреет хлопок или хлеб.

В месяцы летнего зноя чабанам приходится напрягать весь опыт, накопленный их предками, такими же, как и они, чабанами-каракумцами, чтобы без потерь увести стада в те районы пустыни, где ближе подпочвенная влага, где больше травы, даже засохшей; в частности, стада идут туда, где гуще заросли саксаула и других песчаных деревьев.

У корней этих деревьев травка илек продолжает расти гораздо более долгий период, чем на открытых местах.

Городскому, непривычному глазу среди бесцветности пустыни и не различить той невысокой, блеклой осочки, какая до осени будет поддерживать жизнь скота. Видя, как овцы пасутся на голом песке, среди искривленных стволов невысоких серебристых деревьев, горожанин готов подумать, что или овцы каракумских хозяйств приучены довольствоваться сухим песком, либо они гложут кору саксаула. Ни то, ни другое. Они питаются травой илек.

Сухой песок на глубине 15—30 сантиметров имеет устойчивый слой влажности. Наличие этого слоя обеспечивает сохранность жизни многому живому, что существует в песках.

Корм для скота в Кара-Куме не пропадает фактически круглый год. Он только крайне разрежен. Чтобы прокормить одну овцу в средненормальных условиях каракумской растительности, нужно пространство от 5 до 20 гектаров. Многие колхозы в Туркменистане имеют стада, насчитывающие десять и больше тысяч голов. Следовательно, чтобы такое стадо одного колхоза прокормилось, чабан должен дать ему возможность обойти пространство в десятки тысяч гектаров.

Можно себе представить, какое великое искусство требуется от пастуха, чтобы передвижение по песку огромной массы скота проходило организованно и без потерь. Много незаурядных способностей должен проявить тот, кто направляет овечий поток, — чабан, фигура, издавна пользующаяся уважением со стороны всех обитателей песчаной страны. При путешествиях по республике не редкость увидеть чабана, на прокаленной, пропыленной одежде которого

Каракулевый ягненок

горит советский орден. В каждом районе есть свои мастера выпаса. Ими по праву гордится весь Туркменистан.

Необходимость перегонять стада по пространствам, равным целым областям, представляет собой специфическую трудность туркменского скотоводства. Тем не менее перспективы его дальнейшего роста огромны.

Тому порука — неоглядность просторов пустыни. Ведь добрые три четверти всей площади Кара-Кума могут считаться выпасами. Это значит, что в распоряжении туркменских колхозов и совхозов находится четверть миллиона квадратных километров пастбищ.

Поголовье скота в Туркменистане значительно увеличивается уже в первой послевоенной пятилетке. Вместе с тем сами методы животноводства рационализируются, делаются все более культурными.

Туркменская ССР становится страной передового животноводства. Особенно большое значение имеет здесь каракулеводство. Шкурка каракулевой овцы — такая же гордость Туркменистана, как и текинский ковер. Во многих местах республики — в Серахсе, на Теджене, на побережье Аму-Дарьи, возле Чарджоу, на Мургабе — имеются специальные каракулеводческие совхозы, продукция которых высоко ценится на мировых меховых рынках. Немало имеется колхозов двухотраслевого хозяйства, то есть таких, которые на полях оазиса сеют хлопок и в то же время отсылают в Кара-Кум на выпас стада каракулевых овец. Такой вид хозяйства развит, например, в Мургабском оазисе.

Каракуль-сырье получает окончательную обработку на Чарджоуском каракулевом заводе — крупнейшем предприятии такого рода во всей Средней Азии.

Каракулевая овца мяса не дает, ибо ягнята забиваются на шкурку в раннем возрасте. Для удовлетворения потребностей республики в мясе служит другая порода овец — сараджинская. Кара-Кум является выпасом и для этих овец.

4

Кара-Кумом называют всю территорию песков, занимающих среднюю часть площади Туркменистана. Но под это название подпадает, собственно, не одна, а две весьма различные друг от друга области — южный, низменный Кара-Кум и северный, возвышенный Кара-Кум. Резко выраженная граница между этими двумя областями протянулась в общем направлении с востока на запад, от берегов Аму-Дарьи до плоскогорья Усть-Урт, на тысячу километров. Там, где возвышенный Кара-Кум встречается с более низменным, южным, находится как бы порог вышиной

до 50, 70 и больше метров. В однообразном ландшафте южного Кара-Кума бугры, входящие в систему этого порога, кажутся гораздо более возвышенными, чем они являются на самом деле.

У подножия этих бугров почти на всем их протяжении лежит цепь впадин, состоящая из солончаков и такыров. Это так называемый Унгуз, который некоторые считают сухим руслом. По имени Унгуза северный Кара-Кум обычно называется Заунгузским.

Заунгузский Кара-Кум представляет собой каменисто-песчано-глинистую приподнятость, обрывающуюся довольно круто к югу над Унгузом и медленно понижающуюся к северу. По ней рассеяны песчаные скопления, но они редко достигают такой мощности и своеобразия, как в низменном Кара-Куме. Чаще ландшафт здесь представляет собой ровную поверхность, усеянную кое-где ржавой галькой. Колодцы еще реже, чем в южном Кара-Куме, и поэтому общий вид пустыни более однообразный и безжизненный.

В отдельных буграх, какими Заунгузский Кара-Кум обрывается к югу, на поверхность выходит сера. Она сосредоточена здесь в виде сплошных каменистых залеганий. И раньше знали о наличии серы в буграх Дарвазы, расположенных примерно на полдороге между Ташаузом и Ашхабадом. Но никакого практического применения эти дарвазинские серные залежи до революции не находили. Всю серу Россия импортировала. Лишь в годы сталинских пятилеток были основаны каракумские серные заводы. Тем самым советская власть включила и пустыню в промышленную жизнь страны. Разведка серных бугров в Кара-Куме произведена советскими научными экспедициями, в которых руководящее участие принимал академик А. Е. Ферсман, неутомимый исследователь недр нашей родины.

Серные заводы находятся в центре Кара-Кума, примерно в 250 километрах к северу от столицы республики. Это, вероятно, одно из самых своеобразных промышленных предприятий всего Советского Союза. Кругом, куда ни кинуть взор, — песок, безбрежный, как океан. Связь между серными заводами и столицей поддерживается главным образом на самолетах. Грузовые самолеты вывозят продукцию заводов в Ашхабад, и на самолетах же доставляется в район заводов все необходимое для жизни и производства.

Каракумские серные заводы связаны с Ашхабадом также путями, по которым ходят караваны, а при благоприятных климатических условиях—и автомашины. Но передвижение на автомобилях по пескам не дает пока того эффекта, какой обеспечивает воздушный транспорт или верблюжьи караваны. Последние вполне уживаются в современном Туркменистане с самой передовой транспортной техникой.

Заунгузский Кара-Кум занимает лишь треть всей площади пустыни.

Две трети падает на южный Кара-Кум, юго-восточную часть которого и пересекает железная дорога на участке между Байрам-Али и Чарджоу.

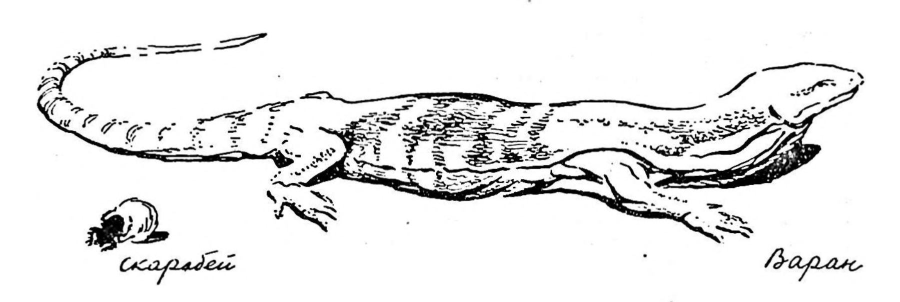
Южный Кара-Кум в основном имеет равнинный характер. Но это можно установить лишь соответствующими приборами. Обычный человеческий глаз видит в южном Кара-Куме прежде всего склоны и гребни песчаных холмов, высота которых обычно колеблется от 5 до 15 метров, так что понятие равнина кажется применимым к району южного Кара-Кума лишь условно.

Бесспорной равниной глаз согласен считать такыры, весьма частые в этом районе, да солончаковые низины, так называемые шоры. Остальная поверхность южного Кара-Кума кажется взбаламученной и беспокойной.

Этому способствует большая разница в высоте холмов, которая достигает порой тридцати метров. Рядом с весьма высокими холмами, слегка как бы дымящимися при ветре, залегают небольшие песчаные холмы в 8 — 6 метров.

На самой вершине бархана обычно бывает явственно различим гребень. При некоторой игре воображения такой песчаный гребень может показаться горбом какого-то сказочного великана-верблюда, прилегшего на отдых после утомительного похода. Впрочем, воображение здесь даже и ни при чем. Невозможно не видеть несомненного сходства между очертаниями верблюда, когда он подогнул под себя ноги и лег на песок и вытянутую шею тоже положил на песок, и очертаниями песчаного холма.

Можно подумать, что верблюд применился к формам песчаной пустыни, являющейся его естественной географической средой распространения. В течение многих тысячелетий верблюд приспосабливался ко всем трудностям и особенностям пребывания в пустыне. И достиг в этом отно-

шении немалых успехов. Организм его до минимума свел расход влаги, позволив животному оставаться без питья по нескольку дней, не нанося себе тем никакого ущерба. Теплая и легкая шерсть верблюда приобрела все оттенки колорита пустыни. Во рту его выработалась слабоуязвимая слизистая оболочка, которая позволяет верблюду спокойно пережевывать сухой колючий янтак, который обычно так и называют «верблюжьей колючкой». Так почему же и внешним формам животного было не перенять очертания форм пустыни? В песках, где игра света и теней образует изломанный рисунок горбатых линий, слишком бы выделялся такой крупный предмет, каким является верблюд, если бы его голове, шее, хребту не были приданы шишковатые, узловатые, горбатые формы.

Знакомство с животным миром Кара-Кума лишний раз убеждает нас в бесконечности того многообразия, с которым живая материя приспосабливается к условиям существования. В Кара-Куме нет ни ручьев, ни рек, а выпадающие редкие дожди на песке сразу впитываются, не оставляя луж. Следовательно, утолять жажду обычным путем для животных пустыни трудно. И вот мы видим жуков, рептилий, птиц и даже млекопитающих, которые научились обходиться без воды. Без воды живет среднеазиатский заяц, довольствуясь лишь той влагой, какую ему дают растения. Не нуждаются в питьевой воде дрофа-красотка и пустынные жаворонки. Есть разновидности ящериц и насекомые, которые в целях экономии влаги обходятся без мочеиспускания, выбрасывая излишек солей из организма в сухом виде. Верблюды, тушканчики, суслики могут долго не пить, потому что влага вырабатывается в них самих путем окисления внутренних жиров.

Степной удав

Между прочим, горб, состоящий в значительной своей части из отложения жира, и служит для верблюда источником этой внутренней влаги, необходимой организму.

Пески Кара-Кума, можно сказать, кипят жизнью. Особенно разнообразны здесь виды жуков и пресмыкающихся. Хрущи, бронзовки, слоники, скарабеи, ящерицы — от совсем маленьких до огромных, похожих на крокодилов, зем-земов. Богатое разнообразие змей и грызунов. Все это копошится под деревьями или кустарниками, наполняет пески своеобразной музыкой жизни, состоящей из разного рода стрекотов, свистов, шелестений, трещаний, писков.

Аулы в южной части Кара-Кума обычно раскидываются у такыров, так как к такырам приурочено большинство колодцев. Глинистая поверхность такыра собирает дождевую воду. Роль такыра в жизни пустыни велика. Эти глинистые площадки, окруженные песками, кажутся островками твердой земли среди безграничных хлябей песчаных холмов. Большинство караванных троп тоже тяготеет к такырам.

Совсем иной характер имеют шоры — солончаки, тянущиеся между грядами песка порой на многие километры подобием пересохших русел каких-то доисторических рек. В безоблачный день летом издали такой шор может легко представиться взору не то голубым озером, не то никуда не текущей, спокойной рекой. Соль, покрывающая поверхность шора, отражает солнечный свет, как вода. Но стоит приблизиться к шору, и обман тотчас же обнаружится. Белая, безжизненная поверхность шора своим мертвым видом как бы олицетворяет все то страшное и мертвое, что принято было связывать с понятием пустыни. Хорошо, что общая площадь всех шоров совсем незначительна.

Переплавленная сера

5

Ознакомление с пустыней, хотя бы на том участке, который перерезан железной дорогой от Байрам-Али к Чарджоу, навсегда разбивает представление о якобы лишенном жизни и потому бесполезном и бесплодном Кара-Куме.

Вот от станции Уч-Аджи в глубь песков отошла специальная железнодорожная ветка. Ну, какой бы смысл было тянуть железную дорогу в глубь пустыни, если бы пустыня действительно была просто пустым местом? Назначение этой ветки—вывозить из глубин Кара-Кума топливо для нужд республики. Запасы саксаула в этой части пустыни таковы, что большинство топливных нужд туркменской местной промышленности покрывается именно теми саксауловыми дровами, какие перевозятся по этой песчаной дороге, начинающейся в Уч-Аджи и обрывающейся в глубине песчаных холмов в урочище Чамчаклы.

Опровержением неверных представлений о безжизненности пустыни могут служить и те шерстяные изделия, которые выносят к каждому поезду местные жители. Теплые носки, шали, шапки связаны из шерсти местных овец и верблюдов.

Наконец, наносит удар неверным представлениям о пустыне и тот факт, что на некоторых станциях и разъездах, расположенных в самой глубине Кара-Кума, к поезду выносят не только шерстяные платки и вязаные безрукавки, но и арбузы. Арбузы эти выращены здесь, в Кара-Куме. Тот слой влажности, какой залегает в песках, способен не только поддерживать жизнь фаланг и ящериц, но и питать корни овощей. Надо только умело их сажать, в специально вырытых глубоких траншейках.

После всего увиденного и понятого войлочные кибитки и станционные домики, раскинутые между барханами, уже не вызывают удивления.

И уже не кажутся таким преувеличением слова туркменского поэта XVIII века Сеиди, который в стихотворении «Пустыня» отдал Кара-Куму предпочтение перед всеми другими землями Туркменистана:

Выйду без цели вешней бродить порой.
Манят вдаль твои дороги, пустыня.
Брошу дом, распрощусь с постылой горой,
Земли все пред тобою убоги, пустыня.

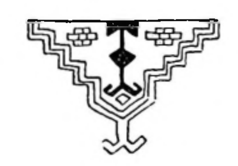
Присмотритесь внимательнее хотя бы к тем полям и строениям, которые высылает навстречу пустыне Аму-Дарьинский оазис, едва поезд миновал последнюю станцию в пустыне, носящую название Барханы. Орошенные земли Чарджоу протянулись к западу от Аму-Дарьи на 20 километров. Проехав станцию Барханы и уже привыкнув к холмистому ландшафту пустыни, вы вдруг видите, что холмы начали сглаживаться.

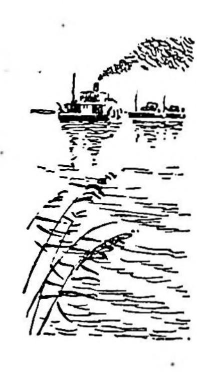
Опять потянулась ровная степь, как на подъезде к Мургабу. Вон уж на горизонте поднялся к небу тополь. Один, другой. Вон шарообразная купа карагача. Пробежал куда-то в сторону арык, взятый в те же валы, что и в Мургабском оазисе.

Окунувшись в Кара-Кум с окраины пустыни на западе возле Байрам-Али, вы вместе с поездом вынырнули из песчаного моря на его восточном краю. Начинается культурная полоса амударьинского побережья.

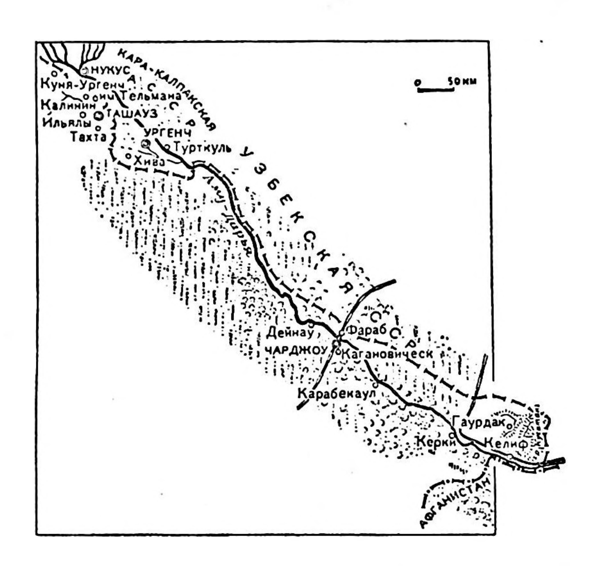
Вон на берегу арыка стоит тутовник. Он почти на метр засыпан песком. Вон и дом или, может быть, сторожка, слепленная из глиняных комков. Она, наверное, стояла когда-то на краю возделанного зеленого участка; теперь кругом нее безрадостный и бесплодный начес песков. Вот русло арыка. Судя по ширине его, он в состоянии подать амударьинскую воду не на один десяток гектаров, засеянных хлопком. Но этот арык больше не оросит никогда и дюйма земли. Валы, огораживающие его, сохранились, а русла нет. Между валами, оставшимися как память о бывших здесь когда-то хошарных работах, набит сухой, мелкий, все заполняющий песок пустыни. В двадцати километрах к востоку великая Аму-Дарья катит свои неукротимые воды по направлению к Аралу, а здесь, на западной окраине оазиса, еще дышит песками пустыня, силу которой преуменьшать нельзя.

Человек научился обуздывать злобу этих песков и извлекать из них пользу. Но ненасытность их попрежнему велика. Поэтому пусть будет благословен труд ученых-географов, геологов, гидротехников, экономистов, труд землекопов, каменщиков, строителей, который призван провести в Кара-Кум воду из Аму-Дарьи. Вода, вошедшая в новое русло, нанесет удар пескам южной части Кара-Кума. Она проникнет в глубь барханных пространств, пески зазеленеют и станут оазисом после того, как будет осуществлен грандиозный, как бы фантастический и в то же время вполне реальный план постройки Большого Кара-Кумского канала.

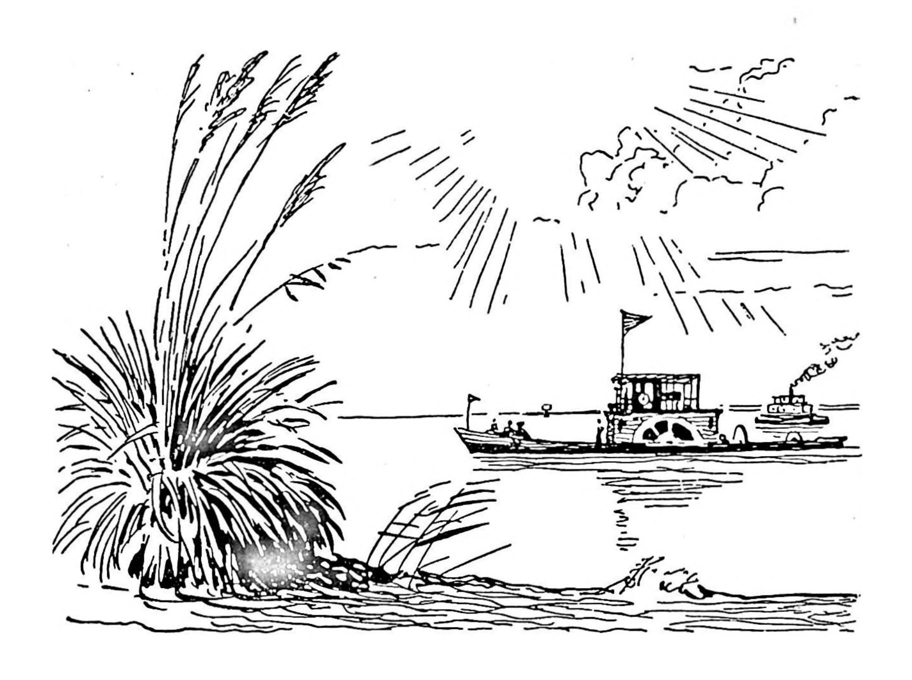

ПО ТЕЧЕНИЮ АМУ-ДАРЬИ

НУКУС
Куня-Ургенч
им. Тельмана
Калинин
ТАШАУЗ
Ильялы
Тахта
УРГЕНЧ
Турткуль
Хива
КАРА-КАЛПАКСКАЯ
А С С Р
УЗБЕКСКАЯ
С С Р
Дейнау
Фараб
ЧАРДЖОУ
Кагановическ
Карабекаул
Гаурдак
Керки
Келиф
АФГАНИСТАН
0 50 км

I

Отдалившись на 1 141 километр от берегов Каспийского моря, одолев безводное пространство, задержавшись во всех главнейших населенных пунктах Туркменской республики, поезд подошел, наконец, к перрону Чарджоуского вокзала. Пассажиры, проделавшие этот путь, имели возможность познакомиться с разнообразными ландшафтами туркменской земли: с обрывами безжизненных плато, с руслами древних рек, с иссохшими, белыми, как салфетка, солеными озерами, с гладкими такырами, с песчано-глинистыми, уходящими за горизонт равнинами. Они видели цветущие предгорья фиолетовых гор, зеленые оазисы, кладбища древних культур, барханы с курящимися под ветром вершинами, — точно это не куча песка, а огромный шатер

с разведенным внутри костром, — грядовые и бугристые пески, склоны которых одеты неожиданно пышной обильной растительностью.

Поезд прорезал все зоны пустыни, претерпел все изменения температур — от дневной, когда в вагоне душно, а рельсы, шпалы, гравий баласта накалены так, что невозможно прикоснуться к ним незащищенной рукой, до ночных прохлад под огромным бархатным небом, с которым, кажется, не может сравниться небо никакой другой страны. На разъездах и станциях, возле маленьких кирпичных вокзалов поезд принимал или оставлял на платформах рыбаков Каспия, едущих за новыми моторами для своих быстроходных катеров; передовиков-нефтяников Челекена и Небит-Дага, спешащих на совещание по поводу выполнения предначертаний новой сталинской пятилетки; студентов, боящихся опоздать в Ашхабад к началу экзаменов. В его вагонах мирно беседовали чабаны каракумских пастбищ в огромных черных бараньих шапках — тельпеках — и в выцветших от постоянного пребывания на солнце оранжево-красных халатах, накинутых поверх белых, без ворота, рубах, зоотехники и инженеры, возвращающиеся из столицы в районы к своим электростанциям, к своим стадам, к своим буровым скважинам; хлопководы мургабских полей; виноградари Геок-Тепе; пограничники из Душака, знающие наизусть каждую складку горных хребтов, каждый кустик в песках, по которым легла граница.

До восточной границы Туркменистана осталось двадцать километров. Впереди знаменитый амударьинский мост, небольшой городок Фараб, и железная дорога войдет в пределы Узбекистана.

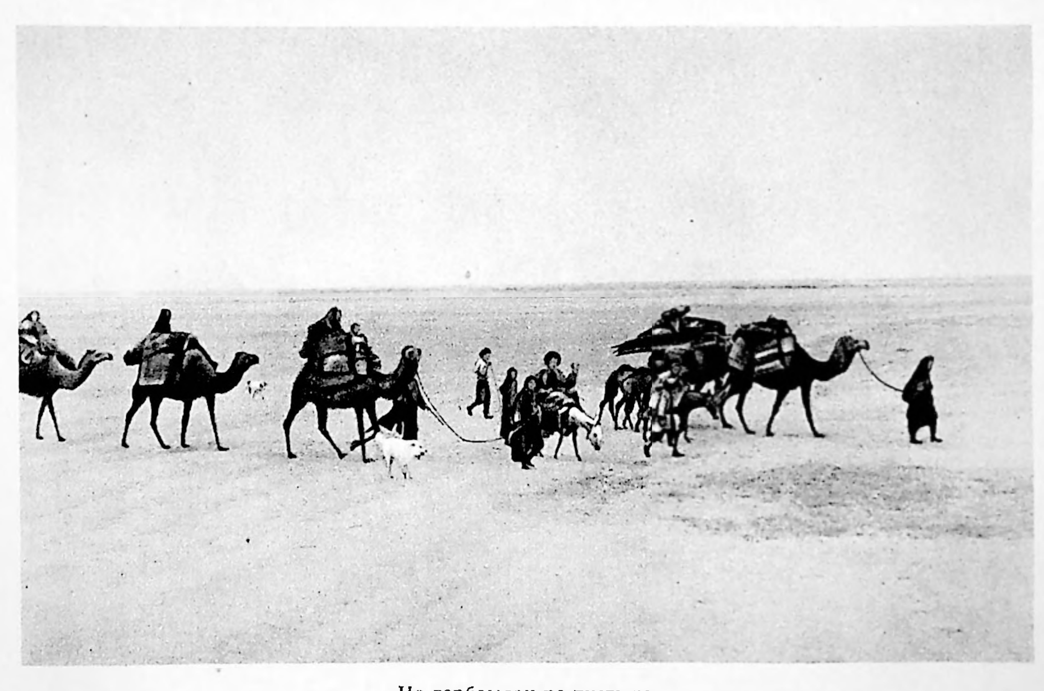
Чарджоу, второй по величине город Туркменистана, лежит на левом берегу Аму-Дарьи, в центре культурной амударьинской полосы, которую иной раз называют также Чарджоуским оазисом.

До революции Чарджоу — его называли Чарджуй — входил в пределы Бухарского эмирата и резко делился на две части — русскую и так называемый Старый город, населенный узбеками.

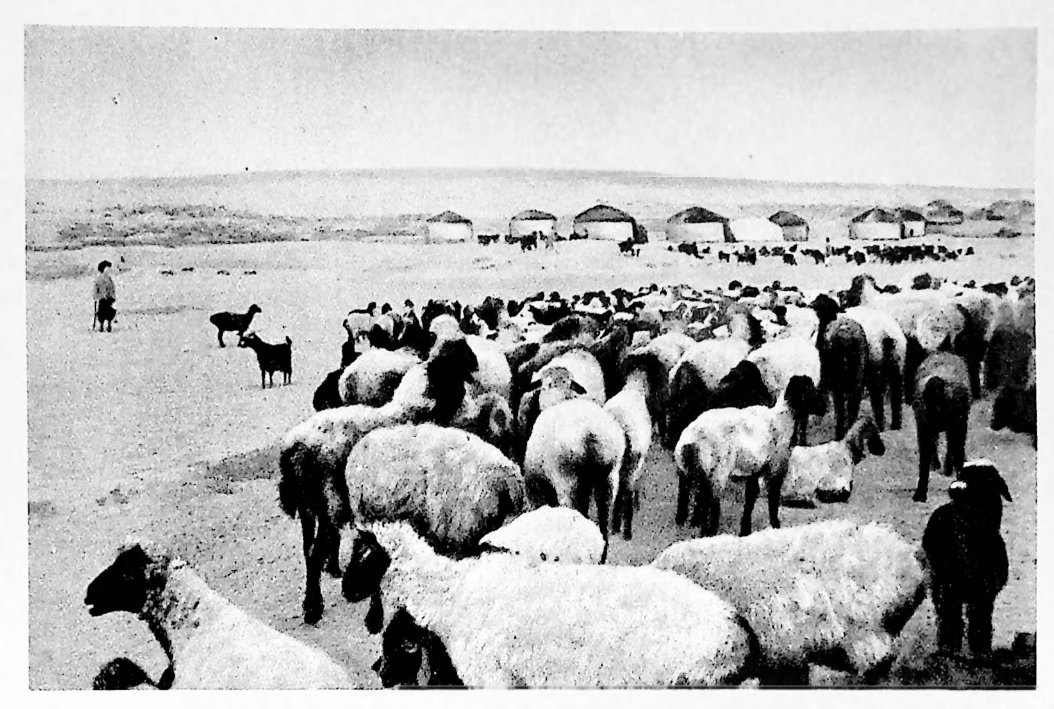
Русский Чарджоу мало чем отличался от Мары, Кизыл-Арвата или любого другого города Средней Азии, возникшего после присоединения этого края к России. Те же прямые широкие улицы, обсаженные тополями и акациями, те же узенькие арыки вдоль тротуаров, те же одноэтажные домики из серого кирпича, те же глухие дувалы, огораживающие виноградники и сады, принадлежащие жителям этих домиков.

Как и в Мары, здесь интересы жизни определялись количеством заготовленного и запроданного хлопка и качеством каракулевых шкурок, привезенных чабанами из пустыни на ежегодные меховые базары.

Отличала Чарджоу от других городов Средней Азии с русским населением разве лишь близость такой большой реки, как Аму-Дарья. Чарджоу — речной порт. Уже в 1888 году на Аму-Дарье было основано

На верблюдах по пустыне

Стадо в пустыне

пароходство, и от Чарджоу отошел первый пароход, доставленный сюда в разобранном виде из России. Эта первая навигация протекала неудачно. Пароходы были рассчитаны на русские реки с более постоянным фарватером, а Аму-Дарья изобилует перекатами и мелями. Там, где вчера был глубокий проток, сегодня могла вырасти мель, а то и целый остров. Без тщательного изучения всех повадок этой многоводной, стремительной реки нельзя было и думать о каком-либо планомерном ее использовании.

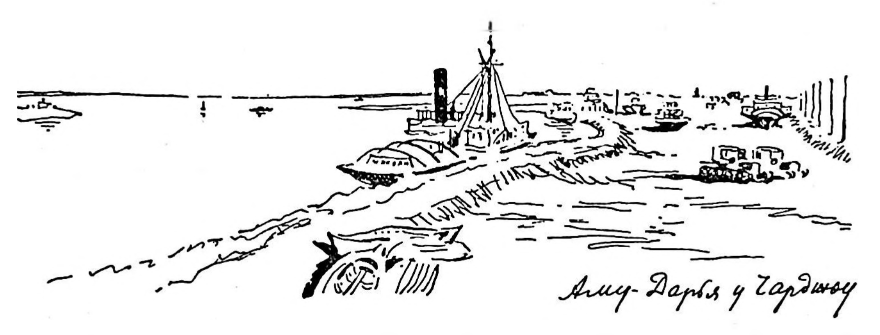
Первые пароходы шли по реке ощупью. Отправляясь из Чарджоу вверх, в сторону города Керки, или вниз, в направлении к Хорезмскому оазису, команда никогда не знала, сколько времени продлится плавание. От Чарджоу до Керки по воде две сотни с небольшим километров. На Волге такое расстояние пароход покрывает — вверх за двадцать часов, вниз за полсуток. Амударьинский пароход одолевал его когда в неделю, когда в десять дней, а когда и в две недели. Отправившись из Чарджоу в рейс — вверх ли, вниз ли, — пароход мог и совсем не притти к месту назначения, засев до конца навигации где-нибудь на мели или на внезапно возникшем новом острове.

Роль амударьинской пароходной линии в первое время была ничтожной. Все же близость большой водной артерии придавала Чарджоу некоторое своеобразие по сравнению с Мары или Кизыл-Арватом.

Совсем иными чертами, чем русская часть города, был отмечен Старый Чарджоу, отстоявший от нового города на несколько километров. Это был типичный староазиатский город, сохранявший и в XX веке особенности средневекового мусульманского поселения. Здесь в крепости жил бек и все другие высшие чиновники чарджуйского бекства Бухары. Город был обнесен высокой стеной с башнями и бойницами. Всю центральную часть его занимал длинный крытый базар с массой узких, темных улочек-рядов, образованных лавочками, ларьками, кустарными мастерскими, цирюльнями, харчевнями, чайными.

Вокруг базара, тесно лепясь друг к другу, стояли глинобитные, глухие, без единого окна, дома. Ширина улиц была ничтожна. Две арбы с трудом могли разъехаться на главной городской магистрали, а в переулках было трудно разойтись двум пешеходам. В Старом Чарджоу жили узбеки, так как в Бухарском эмирате туркмены были исключительно аульными жителями.

Очистительный ветер Октября не сразу коснулся Старого города. Чарджоу находился под властью бухарского эмира. А эмир, для вида признав советское правительство России, сразу же после Октябрьской революции стал накапливать силы для борьбы с большевиками. Его чиновники и муллы ездили по аулам и кишлакам и призывали жителей готовиться к «священной войне» с русскими.

В течение нескольких лет Красной Армии в Туркестанской республике пришлось вести героическую борьбу с басмаческими бандами, получавшими поддержку от эмира и его зарубежных заступников — англичан.

Но узбекская и туркменская беднота разбиралась в существе происходивших событий. Лживость байской агитации с каждым днем становилась все очевиднее, и дайхане все чаще и чаще давали отпор басмачам, грабившим и разорявшим аулы.

В августе 1920 года жители Старого Чарджоу арестовали бека и через русских рабочих железнодорожного депо обратились к Красной Армии с просьбой об оказании им помощи. Туркестанским фронтом в тот год командовал М. В. Фрунзе. Под его водительством части Красной Армии вместе с повстанцами Чарджоу осадили и взяли Бухару.

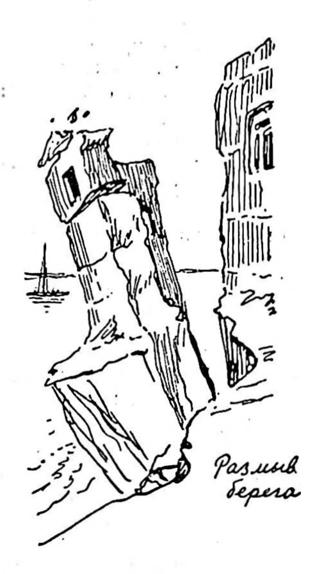
Эмир бежал. Бухарский эмират был объявлен Народной республикой. Однако подлинно революционная перестройка в городах и аулах бывшего эмирата развернулась позднее, когда трудящиеся Народной республики провозгласили Бухару Советской республикой, заявив о своем желании воссоединиться с Советским Туркестаном.

Это произошло в 1924 году. В Средней Азии в тот год было проведено национальное размежевание, по которому город Бухара отошел к Советскому Узбекистану, а города Чарджоу и Керки стали частью Советского Туркменистана. К нему же была отнесена западная часть Хивинского ханства, в дельте Аму-Дарьи.

Старый Чарджоу как центр самостоятельного бекства перестал существовать. Он стал городом Кагановическом — районным центром Чарджоуской области. А Новый Чарджоу, расположенный близ железнодорожной станции, очнувшись от дореволюционной спячки, стал быстро приобретать все черты крупного советского, подлинно нового города. Центр Приамударьинского оазиса, Чарджоу играет теперь большую роль в жизни республики. Он стал мощным транспортным узлом, где

пересеклись железнодорожные, речные, автомобильные и воздушные дороги, и значительным промышленным центром.

Близость каракумских пастбищ и наличие речного пути к скотоводческим хозяйствам Кара-Калпакии, Ташауза и района Керки определили выбор Чарджоу для постройки крупной меховой фабрики по обработке каракуля. Близость реки вызвала и быстрый рост чарджоуского хлопкоочистительного завода, а также фабрик, шелкомотальной и ватной. Сырье для этих заводов доставляется на пароходах как с верховий Аму-Дарьи, так и из богатых районов дельты. Потребностями речного транспорта вызвано непрерывное расширение судоремонтных мастерских в Чарджоу. А рост механизации оросительных работ привел к строительству в Чарджоу ремонтно-экскаваторного завода.

В послевоенной сталинской пятилетке Чарджоу обогатится еще суконной фабрикой и шелкоткацким комбинатом.

Значение Чарджоу особенно возрастет, когда будет построена железная дорога от Чарджоу до Кунграда в дельте Аму-Дарьи, на территории Кара-Калпакии.

Это одна из главных строек послевоенной пятилетки. К ней приковано внимание двух смежных республик — Туркменской и Узбекской.

В настоящее время от Чарджоу до Ташауза по берегу Аму-Дарьи пролегает автомобильный тракт. Гужевым трактом Чарджоу соединен также и с другим крупным городом Туркменистана — Керки, входившим некогда, подобно Чарджоу, в пределы Бухары.

Одной из достопримечательностей Чарджоу был и остается мост через Аму-Дарью, один из самых длинных в Советском Союзе.

От платформы чарджоуского вокзала до реки — всего несколько минут езды на поезде или полчаса неторопливого хода пешком.

Вот позади остались коричневые кирпичные станционные здания, точно такие, как и в Мары, и в Байрам-Али, и на любой другой станции Ашхабадской дороги, привокзальный парк культуры, депо. Направо открылась широкая городская улица с акациями и тальником вдоль тротуаров. Потянулся сплошной дувал, по примеру ашхабадских дувалов окрашенный в белый цвет. За ним — служебный сарай, сложенный из шпал, водокачка, тупик. Потом подъездные пути, похожие на подъездные пути всех других станций, отошли в сторону, и прямо перед глазами вдруг открылась пленительная громадность моста, который в несколько железных прыжков достигает далекого противоположного берега.

Постройка этого моста была блистательным завершением победы, одержанной русскими инженерами при постройке Средне-Азиатской железной дороги.

Строители подошли к Аму-Дарье в ноябре 1886 года. С низкого глинистого берега им были видны широкие стремнины шоколадных вод, которые с огромной быстротой неслись с юга на север, грозя смыть любые сваи и любые быки. Река не имела единого русла. Плоские острова песчаных намывов делили ее на ряд протоков. Было видно даже простым глазом, что намывы эти не остаются неизменными. Границы их то и дело размывались.

Нечего было и думать о постройке моста только через воду. Нужно было перекрыть всю пойму, с расчетом на возможное уклонение русла в ту или другую сторону, так чтобы никакой неожиданный каприз реки не нарушил бы движения поездов.

В Европе еще не было опыта строительства мостов подобной длины.

В сентябре 1887 года в дно Аму-Дарьи была забита первая свая, а в половине января 1888 года, то есть всего через четыре месяца, по новому мосту уже прошел первый поезд. Мост был построен весь из дерева. Он простоял 14 лет. В 1902 году его заменил нынешний металлический мост на 24 каменных быках.

Долгое время Чарджоуский мост оставался крупнейшим мостом Европы и России. В советское время таким крупнейшим мостом в нашей стране стал мост через Волгу, около Саратова, построенный в годы сталинских пятилеток.

2

Нет в мире другой реки, судьба которой на памяти человечества подвергались бы стольким изменениям, как судьба Аму-Дарьи. Вероятно, нет и реки, которая бы за свою историю переменила столько названий.

В древности географы ее называли трояко — Вахшу, Оксус и Джейхун. Смысл слов Вахшу и Оксус расшифровке не поддается. Слово Вахшу, вероятно, согдианского происхождения, Оксус — греческого, слово же Джейхун по-арабски означает бешеный. Так арабы прозвали реку бешеной за ее изменчивый, крутой нрав и за стремительность ее течения. У них было не меньше оснований называть реку и Гариб, что означает блуждающий или странник, ибо отличительным свойством Аму-Дарьи может считаться не только ее неукротимость и буйство, но и редкая неустойчивость ее русла. Про Аму-Дарью местные речники говорят: «Каждый может сказать, где текла Аму-Дарья вчера, но никто не может поручиться, где она потечет завтра».

На пути от Красноводска до Чарджоу железная дорога несколько раз пересекала сухие плоские овраги, про которые думают, что когда-то они были руслами Аму-Дарьи.

Первое из этих предполагаемых сухих русел Аму-Дарьи, Узбой, было видно с южной стороны полотна на перегоне Ягман — Джебел, а ведь от Джебела до нынешних берегов Аму-Дарьи в самом близком расстоянии никак не меньше пятисот километров. На земном шаре нет другой реки, русло которой блуждало бы по земле на столь далекие расстояния.

Аму-Дарьей река стала называться в VI веке, по имени города Амуль, находившегося в то время на месте нынешнего Чарджоу. Слово Дарья означает река; следовательно, название Аму-Дарья может быть переведено, как река, протекающая через Амуль.

Но название Аму-Дарья определяет только часть течения этой реки. В своих верховьях, в горах Памира и Гиндукуша, Аму-Дарья носит название Ваххжир. Несколько ниже она меняет это имя на Вахан-Дарья. После того как Вахан-Дарья сольется с рекой Памир, она становится известной под третьим именем — Пяндж. Спустившись с гор, река течет по границе Советского Союза с Афганистаном сперва как Пяндж, а потом, приняв справа свой самый крупный приток Вахш, уже как Аму-Дарья.

Сотни километров протекает Аму-Дарья по туркменской земле, притягивая к своим берегам основную жизнь Чарджоуской области.

В четырехстах километрах ниже Чарджоу Аму-Дарья своими каналами и арыками дает жизнь Хорезмскому оазису, западная часть которого образует Ташаузскую область Туркменской республики.

Наконец, пройдя от истоков 2 540 километров, распавшись на множество рукавов и протоков, Аму-Дарья впадает в южную часть Аральского моря.

Русло Аму-Дарьи на всем своем протяжении, даже после выхода

с гор, сохраняет значительный уклон, что сообщает речной воде скорость до четырех и более метров в секунду. Это большая скорость. Течение Волги в среднем ее плесе в два раза медленнее.

Стремительность тока Аму-Дарьи в сочетании со слабой сопротивляемостью грунтов, по которым река протекает, и является причиной пресловутых блужданий амударьинского русла. Грунт берегов и дна реки не выдерживает натиска воды и уступает ей.

В результате там, где вчера была вода, сегодня может оказаться лишь сырой песок бывшего дна, а река уже проложила себе новый путь, отклонившись на сотни метров, а иногда и на километры в сторону.

На реке то и дело возникают новые мели и острова, которые иной раз исчезают так же внезапно, как появились, а иной раз остаются надолго, меняя весь водный режим и природный облик района.

Размывы берегов Аму-Дарьи совершаются непрерывно. Легкий лесс и песок увлекаются течением, и река несется по туркменской земле, перенасыщенная твердыми частицами ила, как никакая другая река нашей страны.

Цвет ее вечно торопящихся вод напоминает густое кофе с молоком.

Если двигаться на лодке или на пароходе от Чарджоу в сторону Ташаузской области, на берегах реки легко увидеть следы обвалов. Вот повис над водой обломок глинобитной стены. Может быть, вчера, может быть, еще сегодня утром здесь был дом с садом, который окружала эта глинобитная стена. Река сделала очередной бросок в сторону, и сад и часть дома обвалились в воду. Если мы вернемся сюда завтра, вполне возможно, что на берегу уже не

останется и следа от этой обвалившейся стены.

Вот дерево, половиной своих корней повисшее на откосе. Ветки его, полные листьев, протянуты в воздух. Оно как бы ищет точку опоры, которую у него выхватила из-под ног река. А вот еще дальше уже десяток деревьев, которым больше не нужна никакая опора. Убранные густой листвой, они плывут вдоль берега все в ряд, верно, так же, как и стояли на берегу, вытянувшись вдоль дороги, которая теперь также смыта водой.

Тому, кто проплывет на пароходе или на просторной весельно-парусной туркменской лодке — каюке — от Чарджоу до низовьев реки, откроются следы разрушений и более разительные, нежели вырванное с корнем дерево или обвалившийся в воду дом.

В четырех десятках километров дальше того места, где Аму-Дарья покидает пределы Туркменистана, на правом, то есть на каракалпакском, берегу, стоит город Турткуль, бывший еще сравнительно недавно столицей Кара-Калпакской автономной республики. Это был не маленький город, вполне успешно справлявшийся со своей задачей быть центром новой жизни, какую начал при советской власти прежде полузабытый степной народ кара-калпаков. Ныне значительная часть Турткуля обрушилась в воду, подмытая Аму-Дарьей. Когда-то Турткуль, называвшийся в царское время Петро-Александровском, стоял в нескольких километрах от реки. Затем произошел, как всегда неожиданный, прыжок Аму-Дарьи — и несколько улиц Турткуля рухнуло в воду. Город отодвинулся к востоку, и река на время оставила его в покое. Но потом произошел новый скачок реки, и в воду оборвалось еще несколько улиц. Столица Кара-

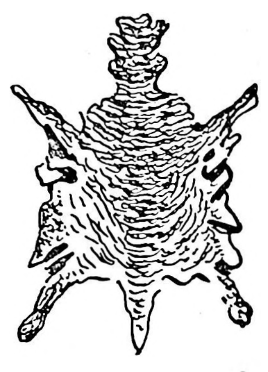
Калпакни — Турткуль — под угрозой размыва была перенесена на север, во вновь построенный город Нукус.

Такова способность Аму-Дарьи к размывам почвы. В течение года мимо города Керки Аму-Дарья проносит к низовьям 250 миллионов тонн ила и песку. Этот ил частью отлагается на землях Хорезмского оазиса, благоприятно влияя на их химический состав, а частью без всякой пользы уходит в Аральское море.

Ташаузские дыни

Амударьинский ил много полезнее мургабского, вот почему ташаузские земли считаются наиболее плодородными во всей Туркменской республике.

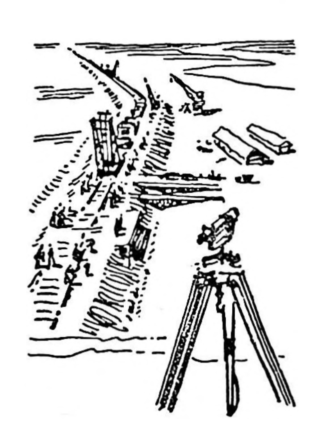

Аму-Дарья, орошая землю, одновременно удобряет ее.

Общие запасы воды в Аму-Дарье огромны. Эта величественная река, имеющая среднюю ширину в полтора километра, а местами растекающаяся на 4 и 6 километров, в состоянии была бы оросить до двух миллионов гектаров земли.

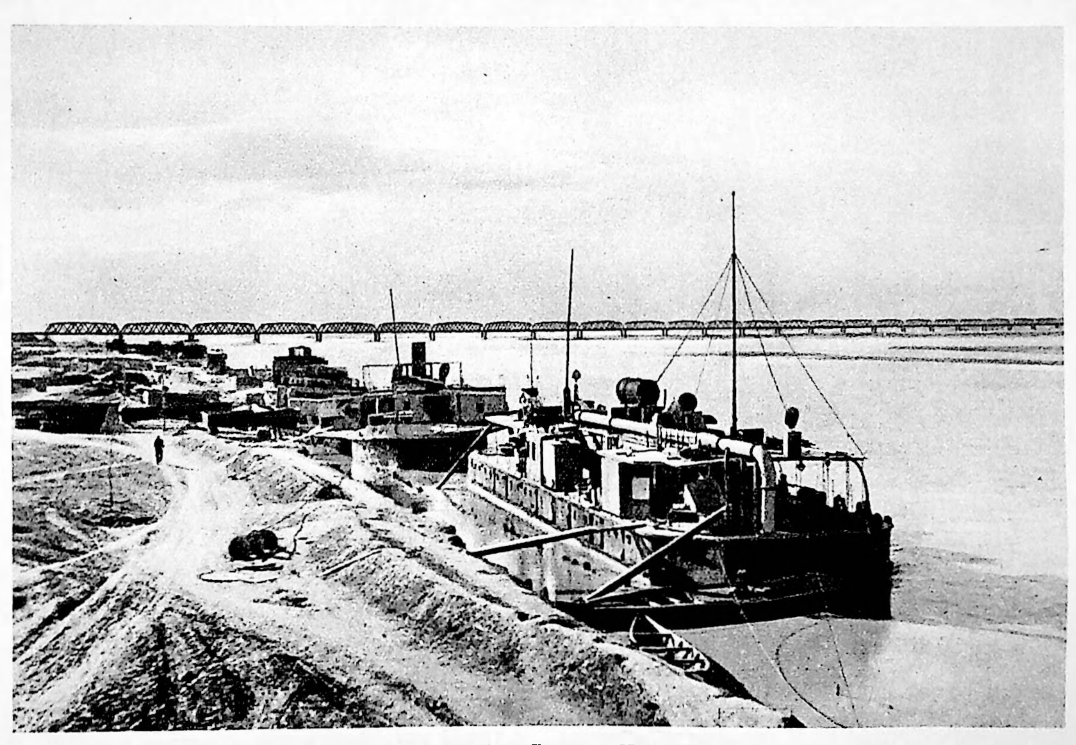
Однако пока она орошает в пятнадцать раз меньше.

3

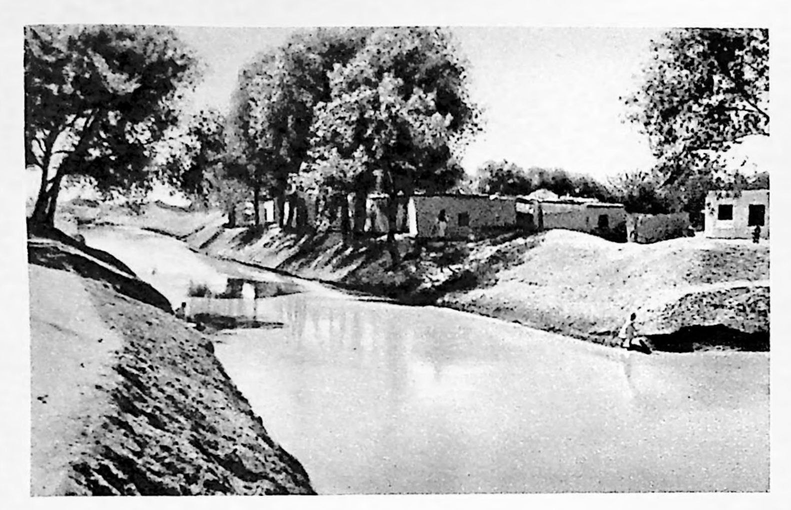

Ширина долины, орошаемой водами Аму-Дарьи в среднем ее течении, невелика. Она редко превышает 7—10 километров, а чаще бывает в 3—5 километров. В отдельных местах пески и справа и слева подступают к реке вплотную.

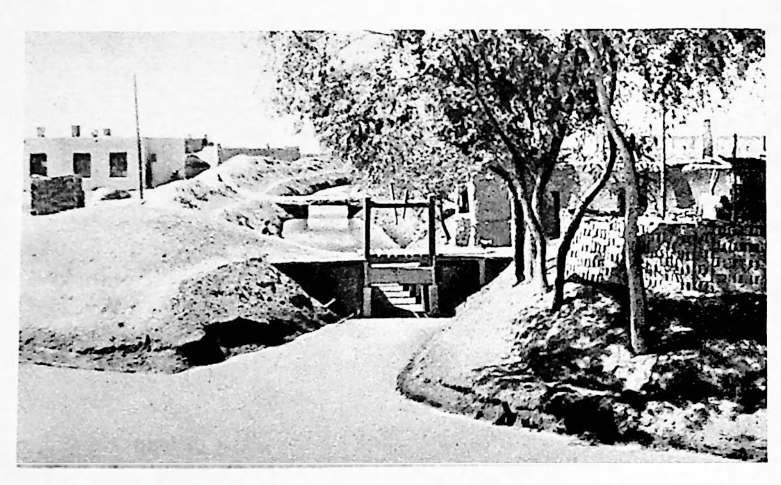
Но и эта неширокая приречная полоска не вся годится под посевы. Самая низинная ее часть подвергается постоянному воздействию речных вод, которые ее заливают и заболачивают, и здесь никакое культурное земледелие невозможно. Эта низинная часть поймы обычно зарастает влаголюбивыми деревьями и кустарниками, образую-

Мост через Аму-Дарью у Чарджоу

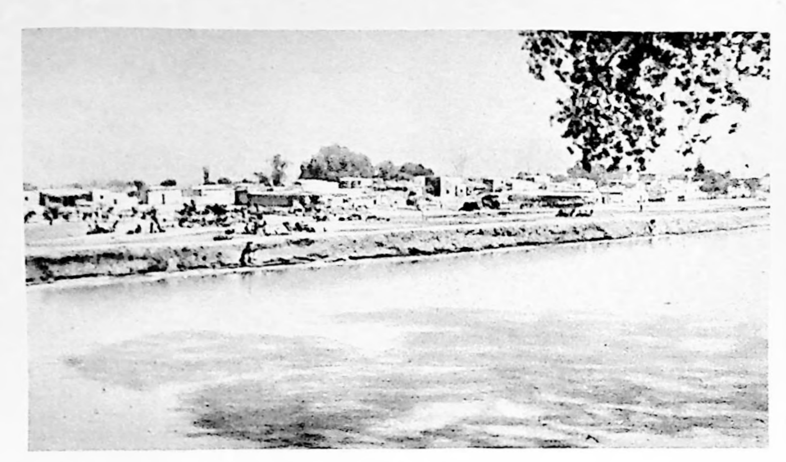
Арык вблизи Калинина

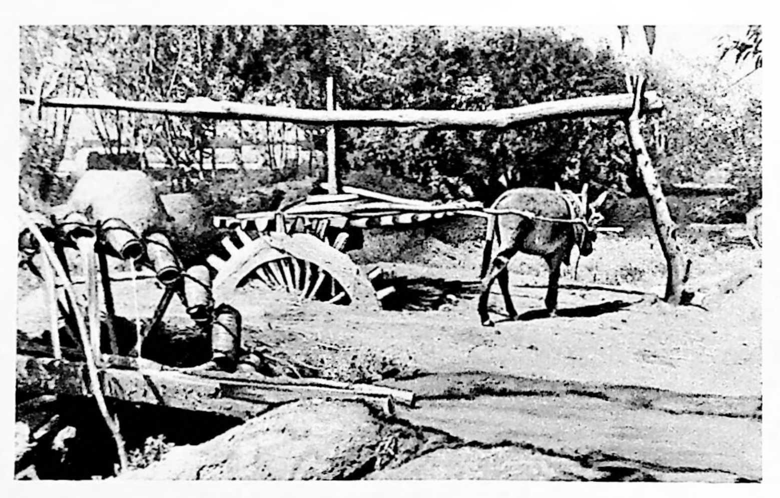
Плотина на канале Калинина

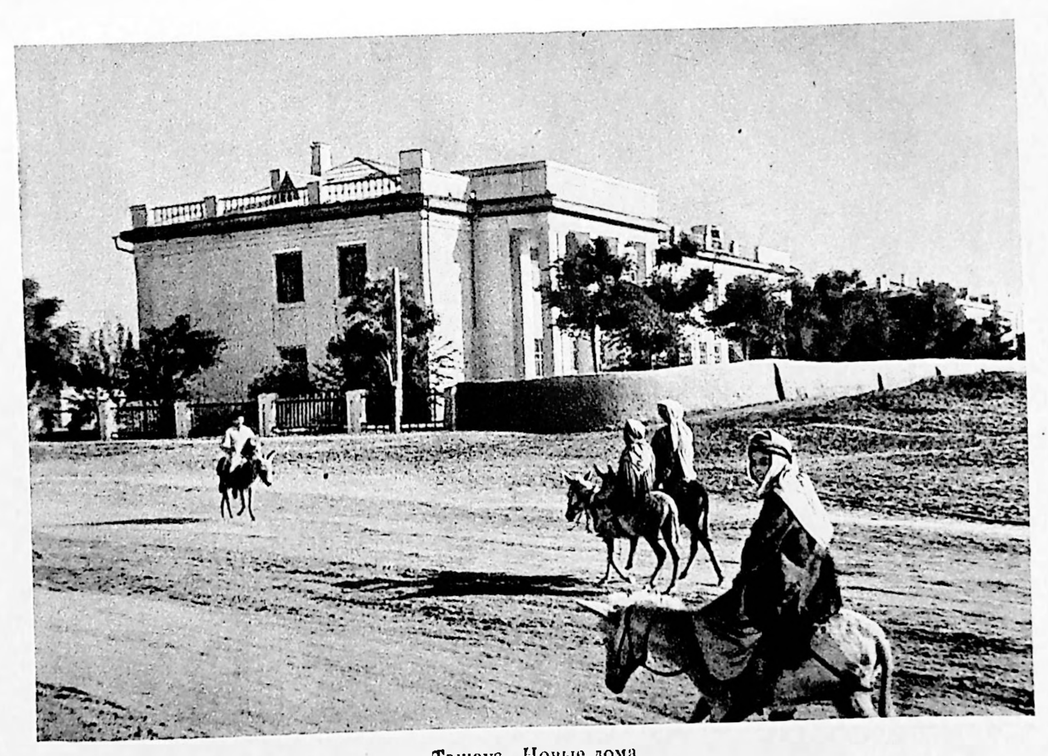
Старый туркмен

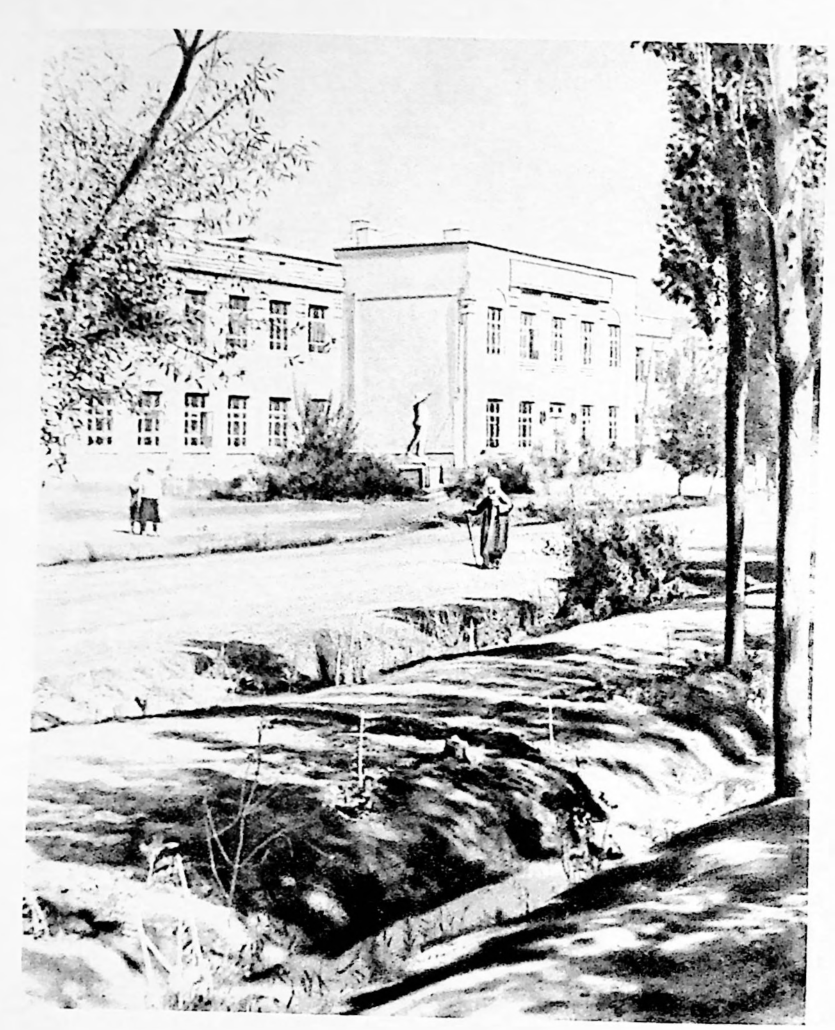
Ташауз. Канал Шават

Ташауз. Старый способ подъема воды на поля

Ташауз. Новые дома

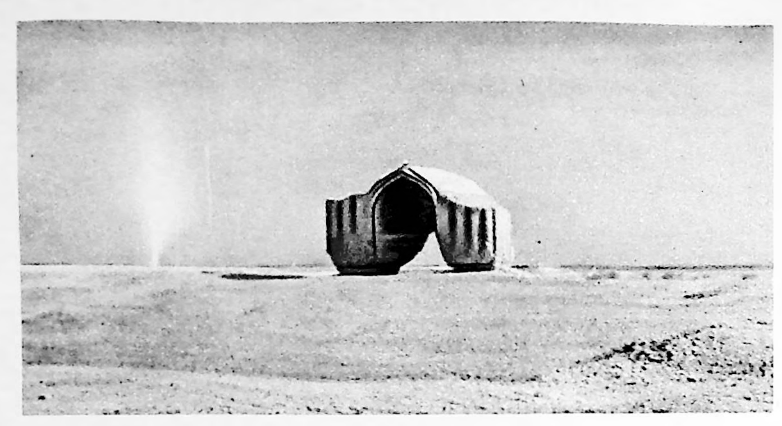
Ташауз. Здание Педагогического института

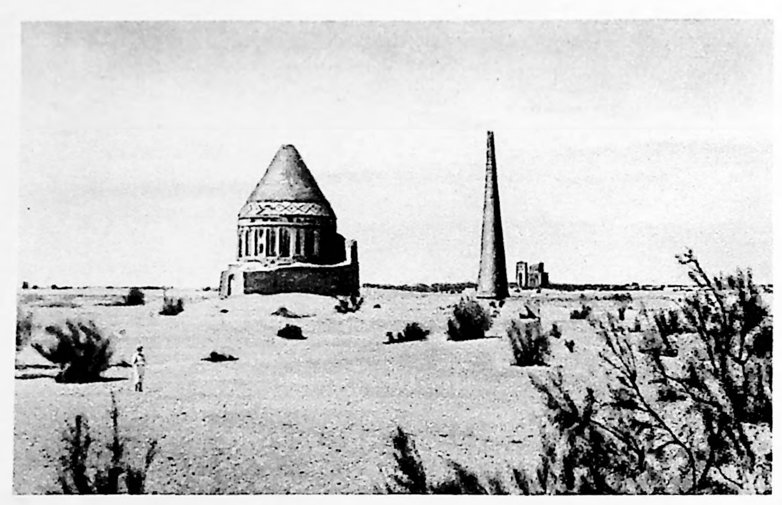
Чарджоуский каракулевый завод

Полив хлопка весной

Куня-Ургенч. Развалины Караван-Сарая

Куня-Ургенч. Мавзолей Шейх-Шерефа, Минарет, Мавзолей Тюрабек-Ханум

щими так называемые тугайные заросли. Тугаи состоят из тополя, лоха, ивы и других растений, не боящихся жары и воды. Тугаи — это джунгли Средней Азии. Они так густы, что человеку порой бывает не под силу по ним пробраться. Да человеку бывает и небезопасно пробираться по тугаям в одиночку, так как здесь можно совершенно неожиданно натолкнуться на крупных хищников, из которых наибольшую неприятность способны причинить тигр и дикий кабан.

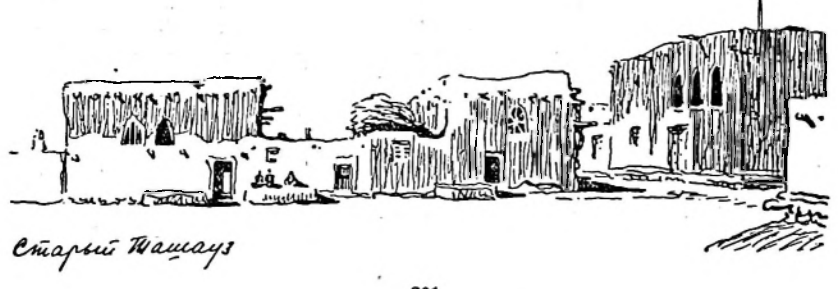
Тугайные земли не могут быть приспособлены под посевы. Однако было бы неверно считать их вовсе бесполезными. Охотники промышляют здесь фазанов. В тугаях в обилии растут солодковый корень, рогоз, камыш — это возможное сырье для многих отраслей промышленности. В будущем растения тугаев найдут себе применение в витаминном, целлюлозно-бумажном и других производствах.

Под культуру хлеба и хлопка в долине Аму-Дарьи используются лишь те земли, которые приподняты над тугаями на полтора-два метра. Такое положение более гарантирует посевы от размывов и сносов в реку. Обычно эти несколько приподнятые прибрежные участки и имеют в виду, когда говорят о землях Приамударьинского оазиса.

Казалось бы, его положение должно считаться образцовым. Воды в реке с избытком, и она под рукой. Но это далеко не так. Поля в районе Чарджоу расположены над рекой на полтора-два метра, и, следовательно, вода достигать до корней растения автоматически не может. Ее надо поднимать. А это требует усилий и большого числа технических сооружений, возводить которые далеко не просто, если иметь в виду изменчивость речного русла.

В конечном счете сельскохозяйственное значение Аму-Дарьи в среднем ее течении много меньше того, что можно было бы ожидать от такой громадной водной артерии.

Еще меньше пользы от Аму-Дарьи тем землям, которые прилега-

Старый Ташауз

ют к реке на участке от Чарджоу до границы с Кара-Калпакией. Здесь и с востока и с запада к берегам вплотную придвинулись пески, и только в отдельных местах речная пойма расширяется до 2—3 километров. Таких мест мало. Их значительно меньше, чем участков, где речная долина целиком совпадает с тугайной полосой.

И все же человек давно стал селиться на берегах Аму-Дарьи. Обилье бегущей в реке воды притягивало его. Если земли побережья оказывались негодными для посевов хлеба и хлопка, он занимался садоводством и бахчами. Если негде было разводить сады, он заводил стада. На базарах Средней Азии издавна ценились чарджоуские дыни и чарджоуский серебристый каракуль, завиток которого как бы повторяет завихрения воды в реке или завихрения песка в пустыне.

Ценился на базарах и пальвертский шелк.

Пальверт — небольшой поселок на Аму-Дарье между Керки и Чарджоу. Он лежит в той части побережья, где культурная полоса, тянувшаяся от Керки, обрывается и река входит в Карабекаульский район, особенно загроможденный барханами.

Жители Пальверта, не имевшие благоприятных для земледелия условий, стали искусными шелководами, передавая свое мастерство от поколения к поколению. Шелковое дело требует большого навыка и особо развитого чувства осязания, которое для непривычного глаза порой кажется чародейством.

Чтобы получить доброкачественную шелковую нитку, надо паутинки, образующие кокон, сгруппировать в витки определенной толщины и крепости. Шелковичный червь, превращаясь в куколку, хитро сплетенную из тончайших нитей, не задумывается над тем, как будут люди разматывать эти нити. В наше время процесс размотки кокона облегчен вмешательством машин; но население отсталого Бухарского эмирата даже не могло и подумать, что могут существовать машины, способные заменить человеческие пальцы. Из столетия в столетие переходило в семьях Пальверта искусство прядения шелка, состоящее в том, что мотальщица, не глядя, пальцами захватывала для скручивания как раз то количество паутинок, какое было нужно для получения нитки определенной толщины и прочности. Попробуйте угадать, если у вас закрыты глаза, сколько шелковых нитей лежит у вас на ладони. Угадать невозможно, ибо какой же вес у шелковой нитки? А мастерицы определяют вслепую, сколько свисает с их пальцев шелковых паутинок, и знают на ощупь, какая нитка скручена верно, а какая пойдет в брак или в ткань более грубую, чем та, какой славны пальвертские шелковые разноцветные платки, известные всей Средней Азии.

4

Долину Аму-Дарьи принято рассматривать как восточную границу Туркменистана. Мы обычно говорим: Туркменистан лежит между Каспийским морем и Аму-Дарьей, как будто за берегами Аму-Дарьи начинается другая республика. На самом же деле к востоку от неистового Джейхуна находится еще немалая часть туркменской земли, вытянувшаяся вдоль реки.

Севернее Чарджоу эта полоса уже, а южнее Чарджоу она расширяется и напротив города Керки достигает ширины в 75—80 километров.

Если бы в этой заречной полосе не было ничего другого, кроме того, чем отмечена вся прочая территория Туркменистана, то есть песков, пастбищ и хлопковых плантаций, может быть, и не было бы смысла задерживаться на описании этого района, предпочитая этому, слабо заселенному, отдаленному уголку туркменской земли другие, более прославленные и плодородные места.

Однако заречному району, расположенному на восточном берегу Аму-Дарьи, прямо против Керки, уготовано в самом ближайшем будущем занять совсем особое, почетное место в общем развитии туркменского социалистического хозяйства. Дело в том, что южную часть этого района заполняет горный массив Кугитанг-Тау. В недрах массива обнаружены запасы самых разнообразных полезных ископаемых — серы, калийных солей, шпата, цинка, свинца, каменного угля.

По планам послевоенной сталинской пятилетки, разработка кугитангских недр превратит этот крайний юго-восток республики в крупнейший промышленный центр.

О залежах самородной серы в здешних горах было известно давно. Но первое промышленное значение они получили лишь в годы первых сталинских пятилеток, когда были открыты Гаурдакские промыслы, расположенные на западных склонах Кугитанга.

Издавна было известно и наличие в горах Кугитанга цинковых и свинцовых руд. Отдельными брызгами эти металлы проступали в обрывистых стенах гор, и население использовало их, как умело, для своих бытовых нужд. Когда для охоты нехватало дроби или когда нужно было срочно наготовить пуль для отпора вражеских набегов, местные дайхане зажигали пучки камыша и подносили их к скалам. Свинец выплавлялся и стекал по каменным стенам в специально подставленные каменные или глиняные подносы.

В предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны исследование недр Кугитанга продолжалось. Были разведаны большие богатства. По пятилетнему плану развития народного хозяйства здесь будет воздвигнут мощный химический комбинат, призванный давать

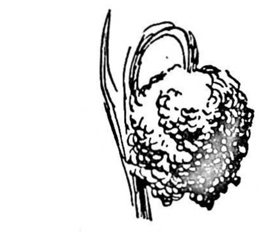
стране серу, серную кислоту и суперфосфат. Добыча одной лишь серы за послевоенную сталинскую пятилетку возрастет в десять раз. Увеличится добыча угля. Уже строится от промыслов к берегам Аму-Дарьи железная дорога, которая облегчит связь этого, прежде глухого района с остальной республикой.

Канал

Так долина Аму-Дарьи в ее среднем течении постепенно обретает новое значение, не связанное прямым образом с важнейшей особенностью, какую река представляет для туркменской земли, — с ее водными ресурсами.

Однако в низовьях основным богатством Аму-Дарьи попрежнему остается вода, какую она несет полям, да ил, удобряющий эти поля.

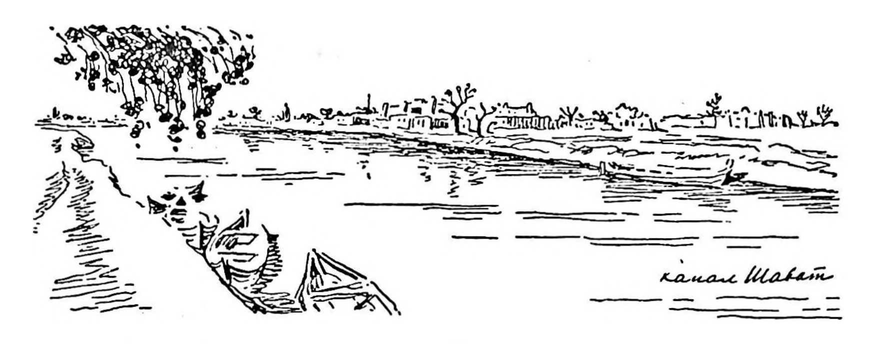
Джугара

5

Главной ценностью Аму-Дарьи для туркменского хозяйства до последнего времени является то, что она дает орошение большому Ташаузскому оазису, одному из самых древних оазисов Туркменистана.

В том месте, где сходятся границы Туркменской ССР, Хорезмской области Узбекской ССР и Кара-Калпакской автономной республики, широкое течение реки сдавливают скалистые теснины Тюя-Муюн — в переводе «верблюжья шея». Река, и без того быстрая, бешеным потоком проносится здесь между каменистыми берегами. Она делает крутую петлю, меняет северное направление на западное, потом поворачивает к югу, снова делает полный разворот левым плечом и вновь устремляется на север, чтобы отдать, наконец, свои воды садам и посевам Хорезмского оазиса, западная часть которого принадлежит Туркменистану и носит название Ташаузокого оазиса.

рис

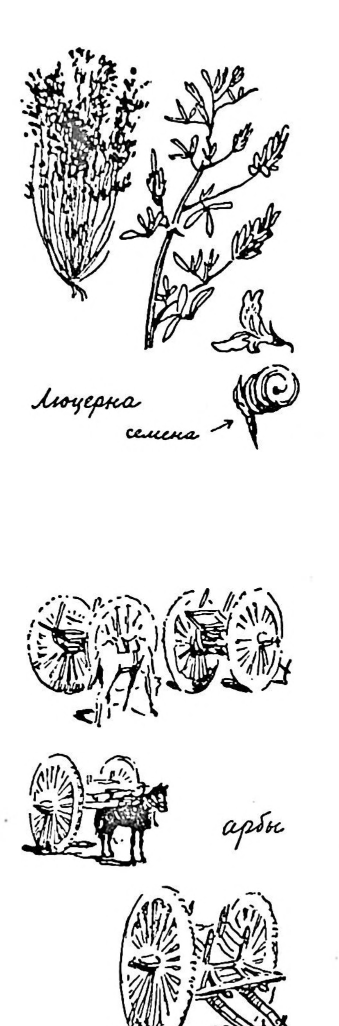

Когда-то здесь был центр и сердце того сказочного Хорезма древности, о богатстве и красоте которого с восторженностью отзывались все, кто только посещал низовья Аму-Дарьи.

«Не видел я города более огромного, богатого и красивого, чем он», писал семьсот лет назад арабский ученый Якут ибн-Абдаллах про столицу Хорезма Ургенч, побывав перед тем чуть не во всех больших и малых городах Востока. Этот отзыв ученого лишь подтверждал то, что за тысячу с лишним лет до него писали про города Хорезма китайские историки. А вот отзыв русского путешественника Н. Н. Муравьева, в первой половине XIX века прошедшего туркменские пустыни от Красноводска до Хивы «Я ехал по прекрасной лужайке между плодовыми деревьями, — писал Муравьев, рассказывая о своих первых впечатлениях о Хорезмском оазисе — Множество птиц увеселяло меня пением. Кибитки и строения из глины, рассыпанные по сим прекрасным местам, составляли весьма приятное зрелище».

Переход от полупустынных берегов среднего плеса Аму-Дарьи к зеленой расточительности Хорезмского оазиса разителен и ныне. Этот район Средней Азии местные патриоты сравнивают с Египтом, утверждая, что наносы Аму-Дарьи ценнее нильского ила.

Каналы, выведенные здесь из Аму-Дарьи, по своей ширине и мощности напоминают реки. Да они и являются искусственными реками, так как не только служат целям орошения, но и используются для транспорта. Между низкими зелеными берегами, густо поросшими тальником, тутовником, карагачами, тополями, сладкопахучим лохом, фруктовыми деревьями, медленно движутся огромные груженые каюки. Через каналы перекинуты мосты. У берегов, возле дувалов, сбегающих прямо к воде, привязаны лодки рыболовов.

Назначение этих магистральных каналов-рек — давать воду отходящим от них меньшим, распределительным каналам, от которых выведена сеть самых мелких арыков, подводящих воду непосредственно к полям.

Чертеж оросительной системы оазиса напоминает ветвистое дерево, ствол которого — Аму-Дарья, большие ветви — магистральные каналы, и от них отходят меньшие веточки, каналы распределительные. Мельчайшие арыки, бороздящие поля и сады, напоминают переплетение жилок, несущих сок непосредственно листу.

По количеству оросительных каналов на единицу площади Хорезм прежде превосходил любой другой край Средней Азии. Теперь сильно расширилась оросительная система в дельте Мургаба, в Фергане, на землях Чирчикского оазиса под Ташкентом. Но и сейчас общая длина каналов в дельте Аму-Дарьи внушает уважение. Магистральные каналы растянулись на 500 километров, распределительные — на 3 тысячи километров.

Казалось бы, не может быть и речи о недостатке воды в Ташаузском оазисе.

Однако советским людям приходится вкладывать много труда и средств, чтобы улучшить нелегкие условия полива ташаузских полей.

Когда создавалась древняя система разбора амударьинской воды, народ, населявший оазис, не составлял политического или государственного единства. Их экономику и быт определял родовой строй. Род, оседая, проводил для своих полей канал (яб) и не давал из него ни капли на поля другого, соседнего рода. Этот соседний род тоже рыл свой канал, а поля, обрабатываемые третьим родом, орошались из третьего яба. Орошаемые земли вытягивались узкими

лентами вдоль ябов, а между ними оставалась ничья и, следовательно, необрабатываемая земля.

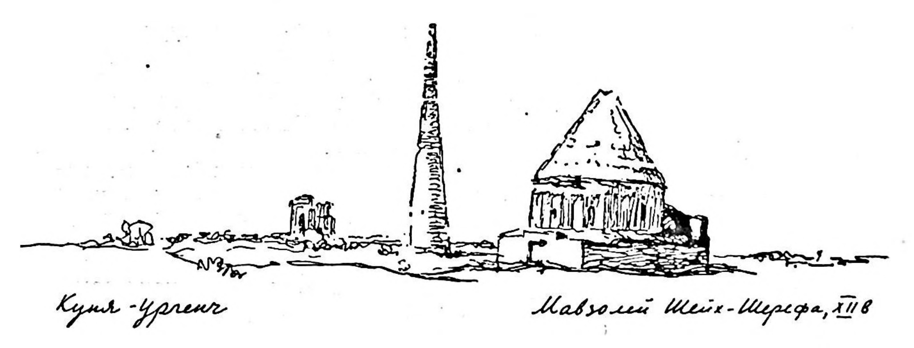
Такие участки необрабатываемой земли, лежащие между владениями отдельных родов, обычно служили местом водосброса для излишков воды с полей после полива. Это приводило к заболачиванию ничьих земель, а заболоченные земли в Средней Азии осолоняются и под действием солнечных лучей превращаются в солончаки.

Когда на место средневековой родовой общины пришли узбекские и туркменские колхозы, они получили в наследство от предков не только каналы и арыки, но и располосованную родовой враждой территорию, на которой между полосками обильно удобренных почв пролегали засолоненные бросовые участки.

Систему орошения в низовьях Аму-Дарьи приходится систематически улучшать. Надо вновь с ш и в а т ь разодранную варварством прошлого землю. На это необходимы время, средства и рабочие руки. Работа эта с успехом проводится.

При всех недостатках землеустройства и орошения Ташаузская область играет в сельском хозяйстве Туркменистана важную роль. Здесь много полей под зерновыми культурами — джугарой, пшеницей и рисом. Немало здесь и хлопка, но по сбору волокна Ташаузский оазис уступает Мургабскому. Занять первое место в республике по хлопку Ташаузской области мешает климат. Ташауз лежит севернее Мургаба на 400 километров. И эти 400 километров дают себя знать значительным сокращением вегетационного периода. Поэтому в Ташаузском оазисе вызревают лишь менее ценные скороспелые сорта хлопчатника.

Во всем мире славится здешняя люцерна. Люцерна — это постоянный спутник хлопчатника. Она дает земле азот, вытянутый из почвы

Куня-Ургенч   *Мавзолей Шейх-Шерефа, XII в*

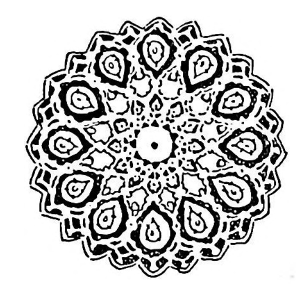

Мавзолей Тюрабек-ханум

корнями хлопкового куста. Семена ташаузской и каракалпакской люцерны экспортируются в Европу и Америку как лучшие в мире.

Огромны урожаи бахчей, славящихся на всю страну своими дынями, нежнейшими по вкусу. Эти-то дыни обычно и называют чарджоускими, потому что вывоз их осуществляется через Чарджоу, куда они доставляются по Аму-Дарье.

В годы советской власти в Ташаузской области появилась и промышленность. В частности, в годы Великой Отечественной войны в центре области — городе Ташаузе — построен и пущен большой маслоэкспеллерный завод.

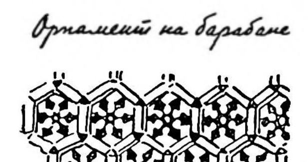
Орнамент на куполе

6

Ташаузский оазис — только часть единого оазиса низовьев Аму-Дарьи. Большинство магистральных каналов, питающих 400 колхозов Ташаузской области, принадлежат туркменской земле лишь частично. Верховья их находятся в Узбекистане.

До революции весь оазис входил в Хивинское ханство. Общее пользование магистральными каналами было источником вражды между узбеками и туркменами, которую в своих интересах разжигали ханы и баи. Один из каналов, дающих воду южным районам Ташаузского оазиса, до сих пор носит название Газават, что значит «священная война».

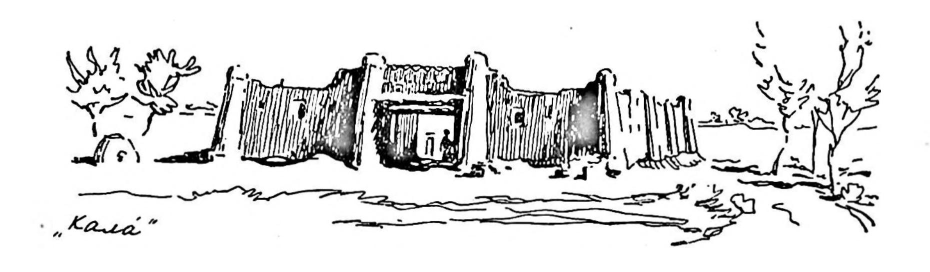
Орнамент на барабане

С установлением советской власти все причины вражды между туркменами и узбеками исчезли. Борьба с оружием в руках уступила место братскому сотрудничеству, социалистическому соревнованию между туркменскими и узбекскими колхозами. Следы былой вражды сохранились лишь в

Аму-Дарья

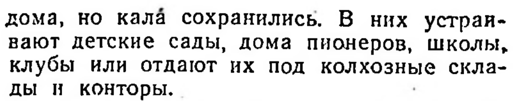
некоторых чертах пейзажа этих мест. Пройдитесь по дорогам оазиса. Здесь многое вам покажется иным, не похожим на то, что вы видели в каракумских аулах или в дельтах Теджена и Мургаба, или в поселках прикопетдагских предгорий.

Обычным поселением туркмена-кочевника был аул из большего или меньшего числа войлочных юрт. В районах, где окончательно восторжествовало земледелие, туркменские аулы приобрели вид кишлачных или даже городских поселков с рядами крепких кирпичных домиков, с садами и прямыми улицами, обсаженными деревьями. В оазисе нижней Аму-Дарьи кишлачных поселений почти не было. Дайхане жили в изолированных домах-усадьбах, имевших вид крепостей. Они даже называли свои усадьбы к а л а̀, что обозначало укрепление или крепость.

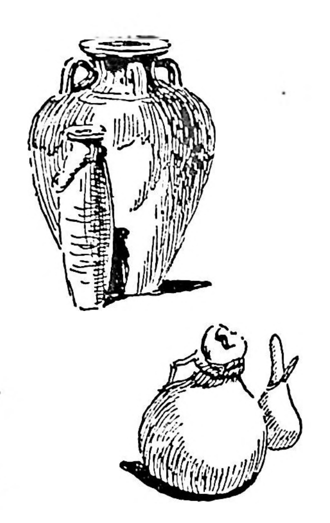
Кала̀ ставилась на краю поля над арыком, орошающим его. Это вместительный четырехугольный двор, обнесенный высокой, толстой стеной с бойницами и башенками по углам. Внутрь дома-укрепления можно было проникнуть лишь через массивные деревянные ворота, всегда бывшие на запоре. К одной из стен укрепления с внутренней стороны примыкал дом с верандой; перед самой верандой был вырыт водоем, возле которого рос карагач или тал. Вдоль стен шли навесы; в тени их стояли верблюды, лошади, ишаки. На навесах лежало сено, заготовленное на зиму.

Иногда внутри просто расставлялась войлочная кибитка. В ней и жил дайханин, уверенный, что крепкие и высокие стены укрепления не дадут внезапно налетевшему врагу застать его врасплох.

Полуосыпавшиеся стены высоких кала̀ можно видеть и сейчас в Ташаузском оазисе. Колхозники и здесь, как и в других районах Туркменистана, теперь предпочитают строить себе светлые кирпичные

дома, но кала сохранились. В них устраивают детские сады, дома пионеров, школы, клубы или отдают их под колхозные склады и конторы.

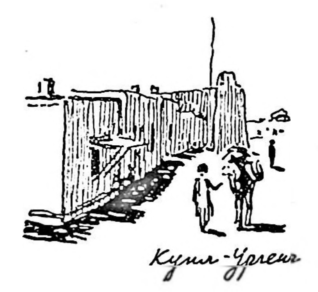
Но не только стены домов-крепостей, возникающие перед взором пугника то тут, то там среди дорог и зелени садов, напоминают о большой и трудной истории этой старой земли.

Целый заповедник прошлого являют собой развалины древнего Ургенча, находящиеся близ нового города, который назван тем не менее Куня-Ургенч, что значит старый, или древний, Ургенч. Этот город не надо путать с узбекским Ургенчем, лежащим в 150 километрах от древнего Ургенча.

7

Архитектурные памятники древнего Ургенча принадлежат к числу тех выдающихся реликвий прошлого, которые, сохранившись в различных местах Средней Азии, служат человеку незаменимым подспорьем в попытках изучить ее историю.

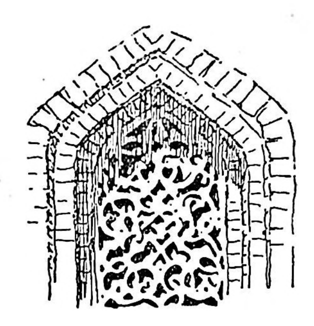
Особенный интерес из памятников Ургенча представляют: мавзолей Шейх Шерефа, возведенный, по всей вероятности, в XII веке, мавзолей Тюрабек Ханум, постройки XIV века, и знаменитый Куня-Ургенчский минарет, сложенный, надо думать, в том же XIV веке. Этот век был веком относительного покоя для народов Средней Азии. Оправившись после кровавой бури Чингис-хана, жители Хорезма вновь принялись трудиться на полях, а правители вновь стали возводить руками народа постройки, которые должны были затмить красотой те, что погибли от нашествия монголов. Никто не знал тогда, что не пройдет и столетия, и снова над Средней

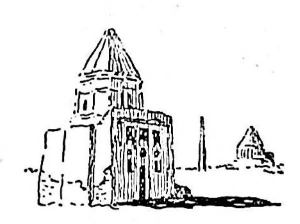
Азией забушует смерть, опять по дорогам Хорезма раздастся топот коней нового завоевателя, не менее свирепого, чем Чингисхан, — хромого Тамерлана.

Старинные здания Ургенча поражают зрелостью архитектурной мысли зодчих прошлого и тем совершенством техники, с каким они осуществляли свои замыслы.

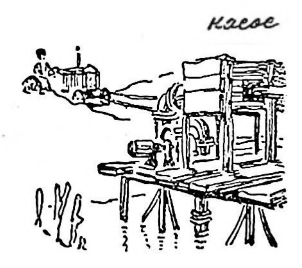
В мавзолее Тюрабек Ханум прекрасна цветная мозаика, следы которой сохранились как во внутренних частях здания, так и на его фасаде.

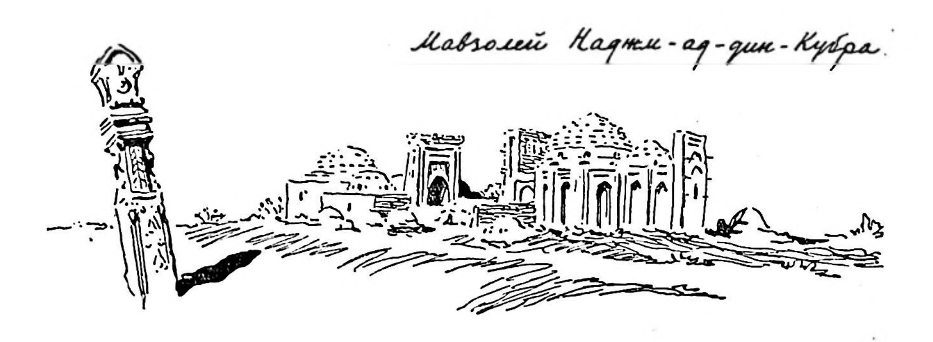
Секрет глазури, покрывающей многие архитектурные памятники Средней Азии, составляет одну из загадок прошлого, не раскрытых до сих пор. От землетрясений, от людских рук, просто от времени большинство памятников — и в Самарканде, и в Анау, и в Бухаре, и в Мары, и в Ургенче — пришло в ветхость. Обвалились когда-то величественные купола. Наклонились или рухнули высокие минареты. Осыпались стены. Иные здания стали похожи просто на холмы глины, утеряв всякое сходство с произведением человеческих рук. А цвет глазури, украшающий остатки древних храмов и усыпальниц, остался везде таким же чистым и нежным, каким он был и в годы постройки этих зданий. Ни время, ни морозы, ни бури, ни знойные ветры, ни дождь, ни снег не могли заставить потускнеть эти глиняные плоские кирпичики, политые составом такой голубизны или такого интенсивного синего, или зеленого, или желтого цвета, с какими не может соперничать ни цвет неба, ни цвет волны, ни цвет весенних цветов, покрывающих в марте и апреле земли Средней Азии своим сияющим ковром.

Мавзолей Фахр-ад-дин-Рази

Мавзолей Шейх Шерефа на два столетия старше мавзолея Тюрабек Ханум. Он привлекает внимание формой своего купола, весьма отличного от громадного большин-

ства куполов других знаменитых творений среднеазиатского зодчества. Обычно купол стремится повторить небесный свод, представляя собою то или иное сечение шара или яйца. Таков купол мавзолея Тамерлана в Самарканде. Таким был купол мечети Биби Ханум в Самарканде же. Таков купол мавзолея султана Санджара в развалинах Мерва. Таков купол мавзолея Анау возле Ашхабада. Купол ургенчского мавзолея Шейх Шерефа, в отличие от всех этих сфероидальных сводов, венчающих древние здания, представляет собой вытянутый вверх конус.

Еще более необычны для памятников Средней Азии формы Ургенчского минарета, который также является конусообразным. Он вытянут на огромную высоту, почти в шестьдесят метров. Внутри этой башни вьется кирпичная лестница, насчитывающая 143 необычайно высокие ступени.

Стремление ургенчских зодчих XII—XIV веков к конусообразным решениям высотных построек, возможно, было унаследовано ими от более ранних строителей. Купол древнейшего здания Куня-Ургенча, так называемого мавзолея Фахр-ад-дин-Рази, представляет собой двенадцатигранную коническую пирамиду, то есть форму, которая свободно может считаться переходной между пирамидой и конусом.

Мавзолей Наджм-ад-дин-Кубра постройки XIV века интересен редчайшей по рисунку резьбой на деревянной двери, ведущей в мавзолей, и резьбой деревянного панно над этой дверью.

Искусство резьбы по дереву высоко ценилось в Хорезме, как и в других древних государствах Средней Азии. Дверь и панно Куня-Ургенчского мавзолея могут считаться лучшими образцами этого искусства.

Так же примечательна — и по рисунку и по тонкости испол-

ления — резьба по камню, какой украшен надмогильный квадратный столб и само надгробие внутри того же мавзолея.

Памятники старого Ургенча только случайно уцелели после погромов, учиненных Чингис-ханом и Тамерланом. Тамерлан, завоевав Хорезм, в 1388 году приказал полностью разрушить его столицу, перепахать место, где был город, и засеять это место ячменем. Но, видимо, ярость этого мрачного деспота, так же как и ярость Чингиса, во много раз превышала технические возможности, какими они располагали. В силах завоевателей было предать смерти жителей Ургенча и сравнять с землей их нестойкие постройки. Уничтожить память о городе оказалось свыше их сил. Мавзолеи и мечети Ургенча представляли собой не только выдающиеся явления зодчества, — они были и образцами передовой строительной техники своего времени. Крепкий обожженный кирпич, какой был употреблен на их постройку, цементирующая связка, технические расчеты толщины стен и перекрытий одержали верх над варварством вражеских полчищ. Жителей и жилых домов в Ургенче не стало. Но и после смерти разорителя Хорезма странник, приближающийся по пустыне к древнему городу, как встарь, видел тонкий минарет, стремительно взлетевший к синеве, и голубые куполы мавзолеев, от облицовки которых шло такое сияние, что казалось, это само небо опустилось на землю и приняло сказочную законченность линий и форм в угоду человеческих желаний.

Ургенч снова был бы восстановлен, как восстанавливались в Средней Азии многие города после ухода варварских полчищ. Но над многострадальной столицей Хорезма, как и над другими соседними селениями и городами, спустя полтора столетия после

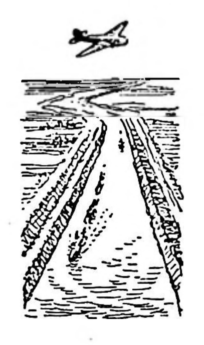

смерти Тамерлана разразилась другая катастрофа. Она оказалась гораздо более разрушительной, чем даже нашествие варваров. Причины и обстоятельства этой катастрофы до сих пор неясны. Следы же ее разбросаны не только по Ташаузской области, но и по многим другим местам туркменской земли. Ликвидация последствий этого бедствия составляет в наше время главную заботу ученых, занятых мыслью о наибольшем процветании Туркменистана.

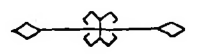
Существует мнение, что Аму-Дарья прежде, миновав Ташаузский район, направляла один свой проток к Аральскому морю, а другой — в Сарыкамышскую впадину, которая руслом Узбоя соединялась с Каспийским морем. По неизвестной причине в XVI веке река изменила течение и всю свою воду стала отдавать только Аралу. Земли, лежащие к западу и к югу от Ургенча, оказались полностью лишенными орошения. Посевы засохли, и люди покинули прежде цветущие земли. Только ветер и песок остались постоянными жителями тех мест, где недавно цвели деревья, журчали арыки и увлажненная земля давала человеку и хлеб, и хлопок, и овощи, и плоды садов...

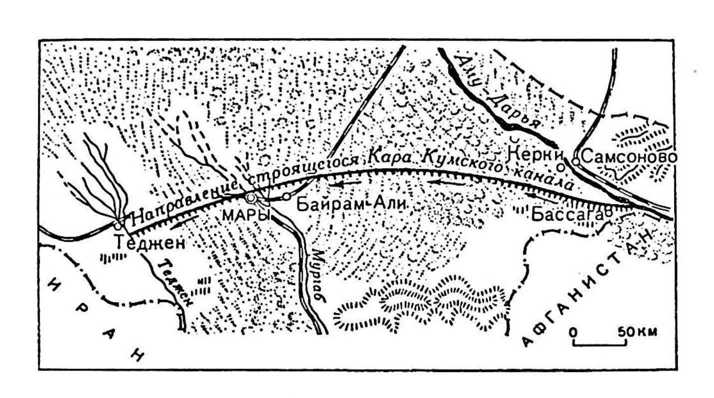
Проблема Узбоя принадлежит к одной из тех географических и исторических загадок, которые издавна занимали внимание ученых, исследователей и путешественников по Туркменистану.

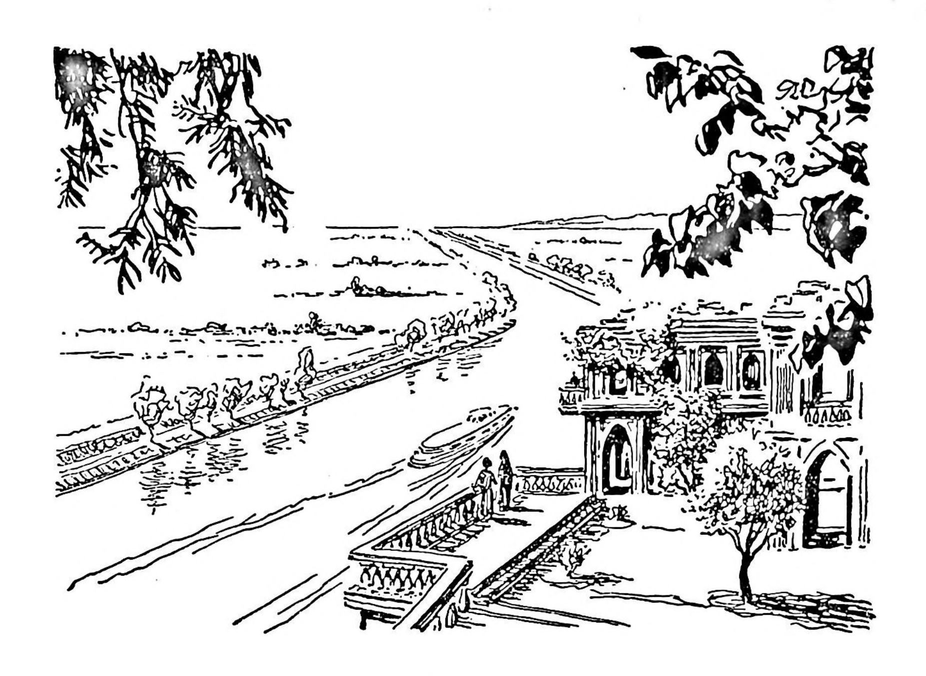

ТРАССА В БУДУЩЕЕ

Аму-Дарья
Керки
Самсоново
Направление строящегося Кара Кумского канала
МАРЫ
Байрам-Али
Бассага
Теджен
Теджен
Мургаб
ИРАН
АФГАНИСТАН
0
50 км

1

Узбоем, или Западным Узбоем, принято называть пересохшее старое русло, направляющееся от района Сарыкамышской впадины через Кара-Кум на юго-запад, в сторону Красноводского залива.

Другое высохшее русло, пересекающее южный Кара-Кум в направлении из района города Керки к железнодорожной станции Уч-Аджи, носит название Келифского Узбоя.

Цепь впадин и шоров, отделяющая северный Кара-Кум от южного, называется Унгуз и некоторыми географами также считается остатком древнего русла. Унгуз в восточной его части называют иногда Чарджоу-Дарья.

О том, что воды Аму-Дарьи когда-то попадали в Каспийское море, сохранилось немало косвенных исторических указаний, а еще больше устных преданий.

Географ X века Абу-Абдаллах ал-Мукадам, описывая Хорезм, говорит: «Джурджания стоит на Джейхуне так, что вода омывает его края».

Джурджания — город, который мы называем древним Ургенчем. Аму-Дарья протекает от него в сорока километрах к востоку. Запись ал-Мукадам не может служить свидетельством того, что Аму-Дарья впадала в Каспий, но она лишний раз подтверждает способность русла Аму-Дарьи мигрировать на весьма далекие расстояния.

В XIV веке персидский ученый Хамдаллах Мустафи Казвини, описывая Джейхун, говорит лишь о некоторых протоках, впадающих в Аральское море, видимо, подразумевая, что остальные протоки впадают в иной бассейн. О том свидетельствуют упоминаемые в сочинениях Казвини несуществующие ныне города — Новый Хорезм и Хульм, которые стояли на берегу «полноводного» Узбоя.

Из книг историка XVII века Абульгази явствует, что туркменские племена прежде жили и на берегах Узбоя.

Предполагают, что окончательный поворот реки к Аральскому морю произошел в конце XVI века. Что именно случилось тогда, неизвестно. Сама ли река прорвала низменный северный берег и устремилась в котловину, на дне которой лежало Аральское озеро, или чья-то злая воля открыла в валах, отгораживающих воду от близлежащих низин, ворота? Кто знает! Только Джейхун резко изменил направление, а вместе с тем изменилась и судьба земель, лежащих к западу и югу от Ургенча.

Течение прежней реки можно с точностью восстановить, если двигаться по сухим канавам и впадинам с востока на запад.

В самой северной части Туркменистана старое русло Аму-Дарьи имеет два рукава. Один из них проходит мимо развалин Ургенча и называется Дарьялык, что означает *место реки*, или Куня-Дарья, что значит *старая река*. Другой рукав тянется параллельно Дарьялыку, несколько южнее, и называется Буджукую-Даудан.

Ширина Дарьялыка колеблется от 150 до 250 метров. В восточной части этого высохшего русла берега низкие, как это свойственно и Аму-Дарье в ее нижнем течении. Но чем дальше к западу, тем русло становится глубже. В отдельных местах берега Дарьялыка возвышаются над его дном на 50 и 60 метров. Здесь, вероятно, Аму-Дарья представляла собой когда-то такой же неистовый поток, каким она является перед нами теперь в теснинах Тюя-Муюн.

Подходя к впадине Сарыкамыш, Дарьялык снова теряет глубину, которая становится не больше 4—5 метров.

К Сарыкамышу, вернее, к небольшому пересохшему озерку Тюнюклю, которое, надо думать, когда-то было соединено с Сарыкамышем, подходит и южный, высохший проток Аму-Дарьи — Буджукую-Даудан. Только русло Даудана сохранилось в меньшей неприкосновенности, нежели Дарьялык. Причина тому в близости Кара-Кума. Пустыня начинается непосредственно к югу от Даудана, и за несколько столетий ветер нанес столько тысяч тонн песка, что русло местами не столько видится, сколько угадывается. Но по берегам Даудана явственно сохранились следы древних населенных мест. Среди песка видны остатки мелких оросительных канав, развалины городских зданий, площадки бывших пахотных участков, черепки посуды.

Сарыкамыш — это обширная сухая впадина, лежащая между Кара-Богаз-Голом и дельтой Аму-Дарьи. Еще совсем недавно она была озером. Западные берега этой обширной впадины образованы обрывистыми склонами плато Усть-Урт. Южные границы Сарыкамыша находились где-то возле нынешних колодцев Чарышлы. От Ташаузской низменности Сарыкамышскую впадину отделяет перемычка высотой до 100 метров.

Когда вода Аму-Дарьи текла по Дарьялыку, Сарыкамыш был большим и глубоким проточным озером. Потом вода реки перестала в него поступать, и Сарыкамыш стал замкнутым водоемом, который в течение столетий, пересыхая постепенно, уменьшался в размерах.

60 лет назад зеркало озера Сарыкамыш еще равнялось 150 квадратным километрам. Вплоть до первой мировой войны на всех картах Сарыкамышская впадина наносилась голубой краской и именовалась озером, хотя к 1914 году площадь озера уже не превышала 6 квадратных километров. Теперь озера нет. Сарыкамыш в наши дни — это огромная высохшая яма, на дне которой можно обнаружить многие тысячи морских раковин и сухие скелеты разных рыб.

Русло Узбоя выходит из Сарыкамыша в южной оконечности бывшего озера, неподалеку от колодцев Чарышлы.

Километр за километром мы можем двигаться по дну бывшей реки, видя по обе стороны от себя бывшие речные берега, которые то раздвигаются на несколько километров, то сближаются, образуя каньоны шириной в 100—150 метров. В отдельных местах дно Узбоя становится порожистым. В нашем воображении уже воскресает шум воды, которая когда-то бурлила и пенилась у этих камней, образуя водопады и водовороты. Ниже колодцев Бургун, что лежат к югу от колодцев Чарышлы, расположен Бургунский порог, — самый длинный на Узбое. Его протяженность — 4 километра. Вода ниспадала здесь

с высоты 8 метров. И на месте ее падения в дне русла образовались выбоины, ясно различимые и сейчас.

Миновав Бургунский порог, река входила в равнинную часть Кара-Кума. Как напоминание о благодетельном воздействии, какое оказывали речные воды на пустыню, в этой части поймы Узбоя кое-где и теперь еще стоят саксауловые заросли и рощи гребенщика.

Неподалеку от Балханов сохранились не только следы главного русла Узбоя, но и многие старицы его. На дне этих стариц не редкость обнаружить воду, которой оказывается достаточно, чтобы поддерживать растительность, значительно более густую, нежели в близлежащей пустыне.

Равнинный характер местности вполне объясняет, почему на этом участке то один, то другой берег сухого русла временами пропадает, сливаясь с окрестной долиной. Дальше оба берега вновь становятся ясно видимыми.

Затем Узбой входит в коридор, образованный Большим и Малым Балханами. После пересечения с железной дорогой около станции Айдин он пропадает, сливаясь с окружающей местностью. Надо думать, здесь начиналась его древняя дельта. Теперь рукава дельты занесены песком и очертания их русел стерлись. В этой части Туркменистана дуют частые сильные ветры, которые приносят из Кара-Кума много песка. Мы знаем, что за несколько лет они способны засыпать чуть не доверху высокие буровые вышки. Нужно ли удивляться, что за четыре столетия ветры Кара-Кума уничтожили всякие следы бывшей дельты Узбоя.

Однако внимательное чтение карты этого района позволяет восстановить общий план и характер дельты.

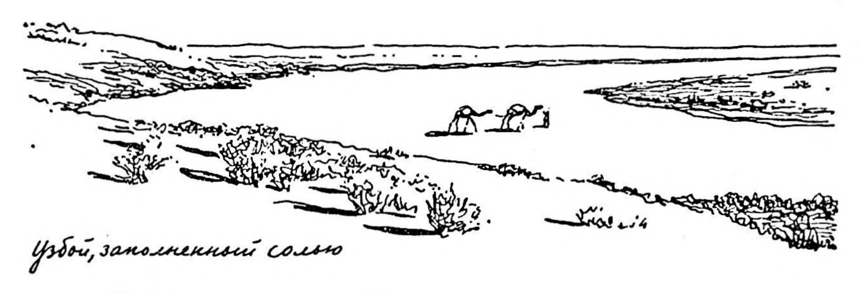
Один из протоков Узбоя, вероятно, сливался с морем восточнее Нефтяной горы, как раз посередине между Большим и Малым Балханами. Другой рукав огибал Большой Балхан с запада и вырывался к северу через так называемый проток Актам. Подходя к морю, он образовывал глубокий и узкий Балханский залив, окончательно пересохший уже на наших глазах в годы Великой Отечественной войны.

2

Таков в общих чертах Узбой.

Время и пустыня не могли стереть из памяти человечества того, что речные воды когда-то несли жизнь обширным пространствам Западного Туркменистана.

Уже в начале XVIII века знатный туркмен из Мангышлака по

Узбой, заполненный солью

имени Нефес отправился в Петербург просить Петра I осуществить мечту туркменских племен, изнывающих от засухи, — возвратить их пастбищам и огородам амударьинскую воду.

Петр снарядил в Хиву экспедицию под началом князя Бековича-Черкасского. Одной из целей экспедиции было изучение вопроса о прежнем течении Аму-Дарьи.

В указе, данном Бековичу, Петр писал:

«Над гаваном, где бывало устье Амму-Дарьи реки, построить крепость человек на тысячю... Ехать к хану Хивинскому послом, а путь иметь подле той реки, и осмотреть прилежно течение оной реки, тако же и плотины, ежели возможно оную воду паки обратить в старой ток, к тому же протчие устья запереть, которые идут в Оральское море».

После гибели Бековича и его отряда в Бухару был направлен сотрудник восточной экспедиции посольского приказа Флорио Беневени. Он сообщил Петру, что «река Аму в старые годы заподлинно в Каспийское море текла, но не вся, токмо половина; а для которой причины отвращена вода и так крепко запружден проток, никто о том верно донесть не может».

Инженер-майор Ладыженский, плававший в Каспийском море в 1764 году, то есть спустя 47 лет после гибели Бековича, касаясь прошлого реки, писал в своем журнале:

«Пресных вод не нашли, жила и людей не видали, а залив к южному концу горы Балхана кончился; камыша во всем заливе нет, а только есть несколько при окончании оного залива, где несколько и гусей красных видели, а кроме оного места во всем Балханском заливе ни одной птицы не видели. Гора Балхан с воды кажется чрезвычайной высоты, так что на всем восточном берегу выше ее не видно было. По объявлению оставшегося на судне для показания мест Трухменца, р. Аму-Дарья одним рукавом впадала под горою Балханом с северо-восточной стороны в залив Балханский, а другим рукавом прошел позади оной горы, называемой Большим Балханом, между ею и

горою Малым Балханом, впадала ближе к Астрабаду в море; назад тому более 360 лет, как течение оной реки совсем заметало песком; хотя оная река и немалой ширины была. На оной реке бывшие три Хивинские города за безводием запустели, которых остатки строения еще и поныне сыскать можно».

В советское время мечты туркменского народа о возвращении речных вод западным землям Туркменистана ожили вновь. Именно в советское время им и суждено сбыться. Только исполнение этих мечтаний произойдет в несколько иных формах, нежели о том думали туркмен Нефес из Мангышлака, царь Петр и русские ученые XVIII и XIX веков, занимавшиеся этой проблемой. Аму-Дарья будет повернута; но Узбою и Сарыкамышу попрежнему предстоит оставаться сухими. Получит воду Келифский Узбой, пересекающий южный Кара-Кум.

Проект поворота Аму-Дарьи в новое русло в наши дни называется проектом постройки Большого Кара-Кумского канала.

Советская техническая мысль отказалась от обводнения Дарьялыка и Саракамыша, между прочим, потому, что земли по Узбою лежат далеко от основных центров туркменской земли. Кроме того, при исполнении этого варианта неминуемо были бы затоплены нефтеносные районы Небит-Дага и Мунжуклы.

Был отвергнут и второй мыслимый вариант поворота амударьинской воды в сторону пустыни, а именно — использование впадин Унгуза в качестве русла будущего протока. Этот проект признан нерентабельным и чересчур сложным.

В качестве русла будущего канала избрана цепь удлиненных впадин и шоров, начинающаяся к юго-востоку от Керки — недалеко от кишлака Келиф — и тянущаяся на протяжении 160 километров по направлению к Уч-Аджи (на железной дороге северо-восточнее Байрам-Али). Эта цепь впадин и шоров пересекает южную часть Кара-Кума и известна среди местного населения и в географических описаниях Туркменистана как Келифский Узбой.

Работы на трассе канала уже ведутся...

3

Важнейшая стройка ближайших лет в Туркменистане — Большой Кара-Кумский канал — является воплощением смелой и зрелой человеческой мечты, направленной на служение человеческому счастью.

В осуществлении этой мечты советским людям помогут точный технический расчет и природа тех мест, по каким канал пройдет.

Природа эта такова. Началом канала будет уже существующий

Бассага-Керкинский канал, протянувшийся от селения Бассага на юго-восточной границе Туркменистана к городу Керки. Этот канал был одной из первых строек советской власти в Туркменистане. Длина его—37 километров. Опыт сброса амударьинских вод в пески через Бассага-Керкинский канал уже делался несколько лет тому назад.

Новой плотины на Аму-Дарье сооружать не придется. Но надо будет построить заново головные сооружения канала, так как существующие ныне не в состоянии забирать из Аму-Дарьи то количество воды, какое будет потребно новой грандиозной трассе.

Пройдя Бассага-Керкинский канал, вода Аму-Дарьи по существующему уже Келифскому сбросу вольется в Келифский Узбой. Здесь образуется Келифское озеро, площадью почти в сто квадратных километров. Это озеро будет началом собственно Кара-Кумского канала, и одновременно оно будет служить отстойником, выманивающим из амударьинской воды излишний ил.

Ниже водохранилища трасса канала пересечет собственно Кара-Кум и, одолев этот труднейший участок, подойдет к линии железной дороги на некотором расстоянии от станции Байрам-Али.

Союзником человека на этом труднейшем участке явится тот общий уклон в сторону северо-запада, какой свойственен песчаной равнине этих мест. Вода в канале пойдет самотеком, огибая все возвышенности и препятствия на своем пути. Человеку нужно будет только снимать те песчаные перемычки, какие возникли в русле Келифского Узбоя в результате действия ветров.

Канал перережет железную дорогу и направится на запад в сторону Мары, по дороге насыщая водой магистральные и распределительные каналы Мургабского оазиса.

Затем канал впадет в Мургаб. Здесь кончается тот участок канала, который будет построен в первую очередь.

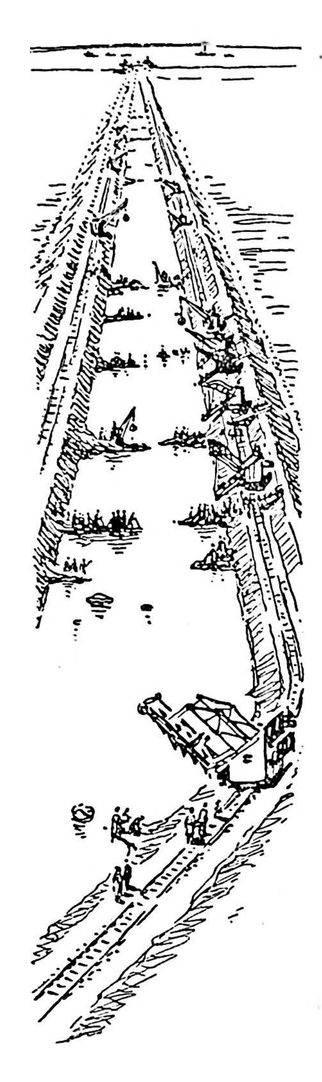
Общая длина канала от Аму-Дарьи до Мургаба составит 437 километров.

А там можно будет ждать проведения трассы между Мургабом и Теджеtом. Длина этого участка равняется 229 километрам.

Тогда канал даст Туркменистану добавочных 220 тысяч гектаров орошенной земли для хлопка, 400 тысяч гектаров обводненных земель под пастбища и повысит вдвое урожай земель Мургабского и Теджеского оазисов.

Если же заглянуть еще дальше вперед, то возникает мечта и о третьей очереди строительства, которая направит воду от Теджена на Каахка—Ашхабад, преодолевая добавочное расстояние в 210 километров.

Как уже указывалось, союзником строителей будет естественный

уклон равнины, который позволит воде двигаться именно туда и так, как это нужно.

Однако у строителей будут не только союзники, но и враги, достаточно разнообразные, изворотливые и коварные.

Первый враг — это илистость воды, которая будет приводить к постоянному и неуклонному засорению всей системы канала.

Второй враг — фильтрация. Часть трассы пройдет по глинистым почвам, успешно противящимся фильтрации, но на значительном протяжении дном и берегами канала будут пески. На участке длиной в 130—140 километров вода канала будет стремиться уйти под почву, используя для этого песчаное или песчано-глинистое ложе русла. Именно этот участок и потребует от строителей наибольшей изобретательности и технического новаторства.

Следующий враг — песчаные перемычки и другие механические препятствия, какие строителям придется преодолевать на протяжении столь растянувшейся трассы.

Еще враг — развеивание дамбы канала и засыпание его русла песком.

Со всеми этими врагами строители будут бороться так, как привыкли бороться советские люди за осуществление дела, в которое верят, — настойчиво и без страха.

Мечта многих поколений о повороте амударьинского потока в те места, где вода наиболее полезна для счастья и благоденствия туркменской земли, будет воплощена.

Эта смелая мечта может быть воплощена лишь в эпоху социализма.

4

Что даст Советской стране Большой Кара-Кумский канал?

Проведение Кара-Кумского канала более чем в полтора раза расширит возде-

Побежденная пустыня

лываемые земли Туркменистана. Кроме того, канал обводнит почти полмиллиона гектаров пустующих земель в пустыне. Таким образом, среди песков будет создана новая прочная база для животноводства.

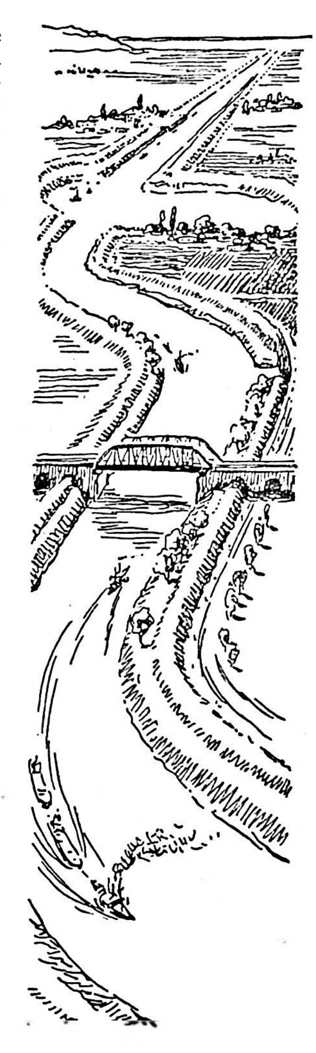
Но канал не только оросит новые площади, до сего времени не участвующие в хозяйственной жизни страны по полному своему безводью, — будут спасены от угрозы засухи земли, уже орошаемые, но находящиеся в постоянной зависимости от капризов весенних вод Мургаба и Теджена.

Таким образом, Кара-Кумский канал расширит площадь туркменских полей не в полтора, а в добрые два раза.

От района Керки к Байрам-Али, Мары, Теджену после проведения канала откроется водный путь. По этому голубому пути, возникшему в пустыне в результате победы социалистического труда, поплывут баржи с хлебом и хлопком, плоты со строительными материалами, речные грузовозы с фруктами, тканями, минеральными удобрениями, с кондитерскими изделиями, со шкурками каракуля, с мясом сараджинской овцы, с шелками Пальверта, с углем, добываемым в Кугитанге, с книгами и журналами туркменских государственных издательств, с мылом и маслом Байрам-Алийского комбината.

По каналу поплывут быстроходные пассажирские катеры, на которых можно будет проехать из Мары непосредственно в Керки и дальше на Термез или на Чарджоу, к Ташаузу.

По каналу и водохранилищам, какие возникнут в долинах между холмами Кара-Кума, заснуют быстрые рыбацкие мотоботы и юркие охотничьи весельные лодочки. Новые водные пространства станут прибежищем птицы, стремящейся в зимние месяцы к теплым берегам, и рыбы, в обилии живу-

щей даже теперь в то и дело пересыхающих Мургабе и Теджене.

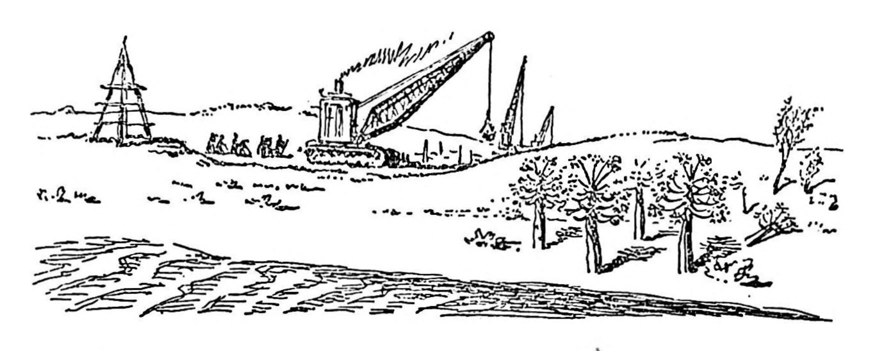
На берегах канала зазеленеет камыш, встанут тополя, расправит свои листья приветливая шелковица. Фруктовые деревья поднимут нагруженные яблоками, грушами, персиками, урюком, сливами ветви над теми участками новоорошенной земли, какие по почвенным условиям окажутся негодными под посевы хлопка.

Через две-три пятилетки жители Москвы, Ленинграда, Калининграда и других северных городов Советской страны будут требовать, чтобы фруктовые магазины постоянно имели неограниченные запасы каракумского граната или ананасов. На новых хлопковых плантациях, обильно орошенных каракумскими водами, будет зреть не только хлопок длинного белого волокна, но и хлопок коричневый, зеленый, голубой, не нуждающийся в искусственной окраске. Для переработки этого волокна в ткани, возможно, в Байрам-Али, возможно, в Мары или Иолатани, возникнет новый текстильный каракумский гигант.

В колхозах Кара-Кума, возможно, утвердится совсем новая земледельческая культура, которой до сих пор Туркменистан не знал. У этой культуры, как у всякого нового дела, будут свои энтузиасты и свои недруги, считающие введение ее пустым и нестоящим делом. Это культура сахарного тростника, который после селекционной работы сможет здесь расти.

Внешний облик Ашхабада, как только столичные арыки до краев наполнятся водой укрощенной Аму-Дарьи, неузнаваемо изменится уже в течение одного-двух лет. Нет таких цветов на земном шаре, какие бы не могли цвести на ашхабадских улицах, наполняя их освежающим и чистым благоуханием.

Столица Советской Латвии, Рига, наиболее славится своими прекрасными парками, уличными цветниками и декоративными насаждениями, превращающими отдельные дома ее как бы в сказочные здания, построенные лишь из цветочных лепестков и запахов. Ашхабад будет оспаривать это первенство у Риги. Его союзниками в этом споре будет солнце юга и друг земли — амударьинский ил. Тротуары на центральных улицах туркменской столицы превратятся в тенистые галлереи, образованные переплетением виноградных лоз.

Речная трасса Кара-Кумского канала будет начинаться вблизи от района Кугитанга, который по плану послевоенной сталинской пятилетки должен превратиться в мощный промышленный центр. Бедой Кугитанга всегда была его безлюдность и оторванность от остальной республики. Теперь он будет иметь не только железнодорожную, но и водную связь.

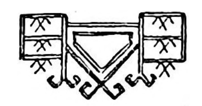
Все это будет. Но все это не придет само собой. И Кара-Кумский канал, и кугитангские шахты и заводы, и новые хлопковые поля на мургабских и тедженских землях, как и новые нефтяные скважины в Небит-Даге и Мунжуклы, как и угольные копи в Туар-Кыре, как и новые миллионы голов скота на каракумских пастбищах, как и новые масличные и финиковые рощи на Атреке или новые тысячи тонн рыбы у гасанкулийских берегов, — все это явится на земле в результате соединенных усилий многих тысяч умов и рук советских людей, которые под водительством великой большевистской партии воплощают в жизнь то, что предначертано вдохновенными планами сталинских пятилеток.

А в процессе осуществления этих планов родятся и новые планы, которые в свое время станут предначертаниями следующих пятилеток.

Одна победа родит другую. Одно смелое открытие всегда увенчивается новым неожиданным и смелым открытием.

Все, что совершают сейчас советские люди на древней туркменской земле, — это только начало будущего сияющего цветения молодой Туркменской республики.

Тому порука — неисчерпаемые творческие силы советского народа. Тому порука—вся история трех последних десятилетий, за время которых так неузнаваемо изменилась туркменская земля — сухая, строгая, но и удивительно отзывчивая к умному творческому труду.

ТУРКМЕНИСТАН
В ОБРАЗАХ ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЯЯ СТРАНА

Туркмения представляет собой осадки древних морей мелового периода, которые под влиянием бокового давления образовали горные хребты (Копет-Даг). Горные хребты начали свое образование в конце мелового периода. Это образование продолжалось и в более позднее время, продолжается и сейчас.

Копет-Даг — не что иное, как молодая горная цепь, сложившаяся из осадков древних морей. Одновременно с горными образованиями в северной части Туркмении происходили соответствующие процессы и в глубине земли...

Таким образом, древняя история территории (земной коры) нынешней Туркмении такова: сперва шло образование горных хребтов и подъемов, затем образовались разломы по линии Копет-Дага и вдоль отдельных хребтов, и потом уже начался более спокойный период. К этому периоду можно отнести колоссальные морские приливы и отливы. Они создавали озера и реки. Реки все время виляли и, разламывая пески, сооружали поверхность современных Кара-Кумов... С одной стороны, на юге идет неспокойная жизнь Копет-Дага, а с другой — спокойная жизнь песков.

А. Е. Ферсман. Журнал «Туркменоведение» № 4—5. Ашхабад, 1930 г.

СЛЕДЫ ИСТОРИИ

Перед отъездом из Байрам-Али я пошел к развалинам старого Мерва. Отдельные руины встречаются и в самом городе; районный исполком одним углом смотрит на осыпавшуюся башню

XVI века, которой суждено быть представительницей прошлого при бурно растущем настоящем, но основная масса развалин находится за полотном железной дороги. Там — стены, ворота, могилы и древние водохранилища. Там — черепки посуды, засыпанные арыки и валы.

Развалины встретили меня сухим зноем, ящерицами под ногами и грудами щебня. Протоптанная веками и верблюдами тропинка бежала между рытвин и холмов. Она взбиралась на возвышение, сложенное из черепков побитой семь веков назад посуды. Она спускалась на дно бывших здесь когда-то водоемов и каналов. Она поднималась на холмы разрушенных тронных зал и вилась вдоль жалких остатков когда-то неприступных стен.

Между камней шмыгали ящерицы и змеи. На камнях сидели жуки и цикады. То тут, то там тянули к небу сухую зелень «верблюжьи колючки».

Я шел по земле, которую 700 лет назад топтали орды Чингисхана.

Я ступал москожевской подметкой по улицам города, по которому когда-то гулял сказочный багдадский калиф Гарун аль-Рашид, и я думал о судьбе этой легендарной страны.

... С высоты мавзолея Санджара — одной из наиболее сохранившихся древностей Мерва — я видел плоскую землю на 10 километров вокруг. Я видел Байрам-Али, трубы заводов, я видел пески на севере и отряды тополей, которые, выбежав далеко в степь, сторожили оазис от страшного наступления пустыни.

П. Скосырев. Совхоз Байрам-Али. «Молодая гвардия», 1930 г.

ЗЕМЛЯ ТУРКМЕНОВ

Чело подымаю, в сердце — мечта;
Тебя жаждет сердце, отчизна моя!
Атрек и Гурген, родные места!
Тебя жаждет сердце, отчизна моя!

Туры, джейраны, — о, горы мои!
В долины с вершин стремятся ручьи;
Прохладной травой луга заросли.
Тебя жаждет сердце, отчизна моя!..

...Не выплакать слез, все — вновь предо мной...
Тебя жаждет сердце, отчизна моя!..

Из стих. Зелили, туркменского поэта XIX века, «Отчизна моя». Перев. Г. Веселков. Туркменский литературный альманах «Ватан», Ашхабад, Тогиз, 1944 г.

Ты лежала без сил в тишине пустынь,
Стаям злобных степных волков отдана...
Плыл в песчаном тумане твой жалкий стон,
В грудь навылет раненная страна!

Но никто не был в силах тебе помочь:
Все народы такие ж были рабы.
И над странами всеми висела ночь...
Нищий раб — не хозяин своей судьбы!

Не имели мы в страшные те года
Ни цветка, ни поющего соловья:
Были распри и темных племен вражда,
Умирала родная земля моя.

Заунывный и странно зловещий звук —
Крик с мечетей — грозил тебе злой судьбой;
Чад религии все застилал вокруг,
И жрецы господствовали над тобой.

Белый царь, разжигая вражду племен,
На лихое оружье не был скуп.
Лгать умел племенам и народам он,
Нас друг с другом стравливал, душегуб!

В сотнях книг не расскажешь, каков был гнет!..

Рахмет Сеидов, Родина. «Молодая гвардия». 1939 г.

ТУРКМЕНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Для нас каждая капля воды — алмаз.
Капля по капле — озеро, капель нет — пустыня.
Нашел свой след, беды уже нет.
Тропа выведет на дорогу, дорога приведет к народу.
Стоячая вода плесенью покрывается.
Короткий путь дороже обходится.
Рога барану не в тягость.
Сломалась арба — лентяю дрова.
Хочешь узнать, кто ленив, пошли на полив.
От беготни козел джейраном не станет.
Ужаленный змеей веревки боится.
Провожающий — не спутник.
Собака лает, а караван шагает.
Тот народ богат, у которого есть вода и пустыня.

НАСТУПЛЕНИЕ ПУСТЫНИ

Древним горам степной грозит суховей,
Влагу ворует, душит поток песком,
Сад, где гремел неистовый соловей,
Вихрь обгложет, и станет цветок песком.

Из стих. туркменского поэта XVIII века Махтум-Кули «Песком». Перев. М. Тарловский. Туркменский литературный альманах «Ватан», Ашхабад, Тогиз, 1944 г.

Станция (Репетек) со всех сторон окружена грядами холмов из сыпучего песку, почти совершенно обнаженных и только кое-где поросших кустарниками, зелень которых имеет серовато-пепельный цвет: обнаженная песчаная почва представляет на своей поверхности волнистые рисунки под влиянием располагающего песок такими волнами ветра. Днем, на палящих лучах солнца, при температуре, возвышающейся на солнце до 60° Реом., раскаленные пески этой пустыни представляются совершенно мертвыми и безжизненными. Только ночью, при быстром падении температуры не ниже, однако, 20° в мае, замирающая днем природа немного оживает. Выползают на поверхность почвы глубоко зарывающиеся днем в песок фаланги, скорпионы, интереснейшие породы большею частью бескрылых жуков, ящерицы, змеи, мелкие млекопитающие из грызунов и т. п., а на свет лампы стремится множество не менее интересных летающих насекомых здешней крайне своеобразной фауны, представляющей некоторые несомненные аналогии с фауною аравийских пустынь и Сахары...

П. П. Семенов-Тян-Шанский, Туркестан и Закаспийский край в 1888 году. Изд. Русск. географ. общества, т. XXIV, вып. V. Спб., 1889 г.

...Я вышел из фактории и прошел сто шагов. Очертания первых барханов закрывали горизонт. За ними начиналась пустыня. На другой день мы въехали в барханы на прекрасных, достойных всяческой прозы, конях. Они шли «юргой», странным аллюром, по-

хожим и на тропоту и на широкую рысь. Барханы вздымались над нами с двух сторон. Можно было ехать только по узкому коридору между ними. С боков подымались огромные песчаные стены, верхний край их дымился. Змееобразные тени от оползающих несчетных песчаных поясов утомляли глаза. Мы вывели лошадей на вершину. От края до края стояло желтое однообразие барханов. Буря переставляет целые ряды их, но и без бури в них заблудиться ничего не стоит.

...Для самих туркменов пески то же, что леса для северного человека... Природа песков и лесов сама по себе полна торжественности, и солнце почти самовлюбленно закатывается в барханах. Волк, выходящий на холм и медленно, не боясь выстрела, идущий по песчаному выступу, и очковая змея, лежащая поперек тропинки, от которой в испуге отскакивают лошади, — явления примитивные и любопытные.

Н. Тихонов, Кочевники. Л., Изд-во писателей, 1932 г.

ВОДА УХОДИТ

Река (Аму-Дарья) бежала со скоростью десяти километров в час, всхлипывая от ветра на гребешках волн и шумя своим подвижным песчаным дном — на перекатах.

...Низкий левый берег был в камышах и болотцах, правый — высокий — нес на себе хилые сады, черные бугорки кочевок и дым на горизонте, пока барханы не перебегали этой живой полосы и не спускались к самой воде, мертвя вокруг себя все живое.

Трава становилась седой, берег превращался в песчаный водопад, жизнь исчезала и потом возникала в прежних картинах, будто заранее переставленная вперед.

...Триста пятьдесят или четыреста километров, которые пробегает Аму от границы до Чарджуя, — это один и тот же километр, одурело вращающийся перед глазами, как электрическая мельница городской рекламы. Все те же зелено-рыжие камышевые бере-

га с выглядывающими макушками песчаных барханов слева, с контурами далеких кишлаков — справа. Только однажды на крутом обрыве открылась старая крепость — развалины крепости Кушки, как значилось на карте. За крепостью метался крохотный пастуший костер без людей, и даже эта убогая разнообразность нам показалась целым событием.

«...Тот, кто не думает в Туркмении о воде, не думает о социализме», говорят здесь...

П. Павленко, Путешествие в Туркменистан. М., изд-во «Федерация», 1932 г.

На древней мечети
Анау
свиваются
два дракона.
В старой Туркмении
каждый аул
знал
их законы.
Первый дракон —
жары поводырь,
солнечный шар
бегучий.
Второй дракон —
пожиратель воды.
Пустыня —
барханные тучи.

Они возвращаются в вечной смене,
царствуют искони.
Но для тебя, молодая Туркмения,
разве страшны они?..

Вл. Луговской, Туркмения (из книги «Большевикам пустыни и весны»). М., Гослитиздат, 1935 г.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ПУСТЫНЮ

За барханами, за колодцами
В каракумских песках
Ходит, бродит вместе с овцами
Одногорбая тоска.

Ни воды, ни корма малого,
А колодцы — пусты.
Только ветры, ветры шалые,
Да колючие пески.

Ой, кочевье невеселое!
О тебе из года в год
Так поет, повесив голову,
В Кара-Кумах скотовод.

И вдруг вода в пустыню голую,
В Келифский хлынула Узбой,
Вода, как свет, вода, как молодость,
Пескам подарок дорогой.

И там, где ветер прежде, шествуя,
Раскуривал барханов сны,
Там трактор поступью железною
Открыл хлопковый фронт страны.

И вот на эти земли мертвые,
Вводя колхозы в обиход,
Рассада хлопка первосортного
Организованно идет.

И на песках встают оазисы,
И, славя первый водомет,
Унылая пустыня Азии
Себя в лицо не узнает.

Г. Санников, Вода в пустыне («Айдинг-Гюнлер», альманах к 10-летию Туркменистана), М., 1934 г.

Конечно, на первых порах все было не совсем стройно, но им достали европейские плуги, присылали инструкторов, советовали, указывали, контрактировали, и, в конце концов, кочевники почувствовали себя настолько колхозниками, что, собираясь по вечерам у стен своих прочно стоявших шатров, они пили чай и наслаждались двойной тишиной — тишиной их мирного поселка и тишиной возделанных полей, обильно политых их трудовым пóтом. Скота у них было много, скот отъелся, пожирнел, арбузы и дыни на громадной бахче в тридцать га разлеглись, как тяжелые кабаньи головы, саману для скота было заготовлено тысяча с лишним пудов, хлопок чувствовал себя превосходно, уже свисала его белоснежная нежность вдоль стенок лопнувших коробочек, среди изумрудно-темной зелени.

Н. Тихонов, Кочевники. Л., Изд-во писателей, 1932 г.

В головах — гималайские кручи,
Под ногами — аральская муть...
Почему в Кара-Кумах сыпучих
Ты не можешь спокойно уснуть?

Иль туманные эти вершины
Беспокойный навеяли бред?
Будто вновь, сквозь пески и равнины,
Ты на старый направилась след...

Будто ты свой тельпек с Гималаев
Перевесила на Копет-Даг
И, бесплодный Арал покидая,
Снова к Каспию сделала шаг.

Не томись, не смотри так угрюмо,
Воплотится твой сон наяву:
Пересохшую грудь Кара-Кумов
Вновь наполнишь ты жизнью, Аму!

Рахмет Сеидов, Сон Аму. Перев. Г. Веселков. «Солнечный Туркменистан». Литературный альманах. Ашхабад, 1947 г.

МИР ПРЕДГОРИЙ

Вершины горные; туманы там и тут;
Морского ветра вой среди высот Гургена;
Когда промчится дождь, безумствуя, ревут
Потоки мутные вспененных вод Гургена.

Леса густые там; по берегам тростник;
Красавиц в серебре блестит живой цветник;
Там серая овца, конь белый, черный бык,
Там буйвол есть и тур: обилен скот Гургена!

Джигиты шаль спешат вкруг стана затянуть
И с ловчим соколом в опасный скачут путь, —
И ветру влажному лань подставляет грудь:
Оленьим зовом полн весь небосвод Гургена!

Махтум-Кули прошел немало разных стран,
Но в сердце никогда не чуял столько ран:
Вот пери нежная, колеблясь, как джейран,
Отыскивает брод средь буйных вод Гургена!

Махтум-Кули Фраги, Гурген. Перев. Г. Шенгели. «Избранные стихотворения». М., 1945 г.

Ты проедешь Сумбар,
И в полуночный пар
Ты минуешь рудник Арпаклен,
И пройдешь по хребту
Через всю высоту,
Сквозь луга и сквозь каменный плен.

Где, как мертвый пастух,
Громоздится уступ.
Словно овцы — кусты по горе.
Пусти шагом коня
В жар зеленого дня:
То ущелье зовут Ай-Дэрэ.

Травы брата родней,
В темножильях камней
Родников отчеканена дрожь.
Лучше рощ, гибче вод,
Драгоценней пород
Ты в Туркмении, верь, не найдешь.

Никого не предашь,
Ты останешься наш,
Но вдохни этот воздух, какой он!
Ты отрады такой
Не встречал под рукой,
Ты такого не ведал покоя.

На большие года
Будет память горда,
Будет сердце, как конь на заре,
А в томительный час
Повторишь ты не раз:
То ущелье зовут Ай-Дэрэ.

Н. Тихонов, Ущелье Ай-Дэрэ. Л., Гос. изд-во «Художественная литература», 1935 г.

ДОЛИНА СУМБАРА

Миндаль шумит на звонкой высоте,
Где только ветер, солнце и большие
Распластанные птицы.
Известняк
Изъеден временем. Рябые скалы
В раструбах дыр хранят помет вороний
И тихо запевают поутру.
От первых вихрей, прилетевших с юга,
Курятся пропасти. Внизу Сумбар,
Как синий уж, скользит среди осоки.
Водораздел прохладен и ребрист,
И трое лесников идут поспешно,
Выкапывая маленькие лунки
Для будущих побегов миндаля.
В коричневое лоно плоскогорья
Ложатся золотистые орехи.
И это есть история о рощах,
О трех семействах около границы,
Об одиноком домике в теснине,
Покрытом тенью двух карагачей,
Откуда в сумерки выходит мальчик
С неразличимой удочкой и долго
Сидит над тихим, меркнущим Сумбаром,
Мечтая о полярных самолетах.
И это есть история о том,
Как люди мучаются, бредят, верят
В свои посадки, опыты и знанья,
А ночью на детекторный приемник
Среди громов и шелестов пространства
Упрямо ловят голоса Москвы...

Вл. Луговской, Кара-Кала.

Не узнаю тебя, родимый край,
Твоих садов прохладных и пахучих:
Не заблудился ли веселый май
В твоих зеленых и нарядных кущах?
Звенит в ручье студеная вода,
Слегка качая ветви винограда,
Вся в шелковистом бархате джида
Приветливо кивает мне из сада.
Идет сбор фруктов. Свежая трава
Примята всюду золотистым градом,
И вздрагивает мягкая листва
Под птичий говор над шумящим садом.

Б. Шувалов. В долине Сумбара. «Туркменская искра», 20 июля 1947 г.

У КУШКИ

Кушка лежит на скате широкой речной долины, переходящей у границы в ущелье. С гор, с Казачьего перевала, она похожа на горку белых, с розовато-рыжими пятнами яблок, переложенных зеленою стружкой.

П. Павленко, Путешествие в Туркменистан. М., изд-во «Федерация», 1932 г.

Кушка!

На карте железных дорог азиатской части СССР она показана одинокой точкой — последняя точка Страны Советов перед бесстрастным простором Северного Афганистана.

Пограничная зона. Безмолвный край. Лютое солнце и желтый простор. Песчаные степи. По солнечным степям блуждают анти-

лопы-джейраны; в голубом воздухе пустыни пугливо чернеют развилины их тонких рогов; порой они стоят неподвижно, словно стадо статуэток, и с диким вниманием следят за редкой кучкой всадников, медленно пересекающих пространство обнаженных холмов.

Пограничную с Персией полосу вытаптывают водопойными тропками грузные кабаны. На север от мертвого озера Ер-ойландуз, на высушенных пастбищах пасутся неуловимые куланы; их легкие следы похожи одновременно на конские и ослиные. Горячая земля страны Бадхыз изрыта норами песчанок; под черной паутиной скудной тени спят исполинские, в ликующих узорах ящеры зем-зем. С закатом вылезают на песок скорпионы и мохнатые фаланги. Зоогеографические детали Кушкинского района волнуют непривычное сердце: песок и солнце — родина воинственных пресмыкающихся; безводная, безлюдная отчизна, где стремительные тропы джейраньих стад встречаются чаще караванных.

Вокруг Кушки расстилается горбатая пустыня холмов и увалов. Небо и бледный песок...

Владимир Козин. Цвет пустыни. М., Моск. т-во писателей, 1932 г.

НИЗОВЬЯ АТРЕКА

Бросаясь с высоких гор в море, Атрек разрывает перед собой землю и, пятясь от Каспия, трусливо зарывается в ложбину берега и так граничит с морем полупресной мелководной лужей, утыканной заграждением камышей. Пароходы останавливаются перед Гасан-Кули в девяти километрах от берега, и пассажиры пересаживаются в большие лодки, из них — в малые, из малых — в арбы с высокими колесами и долго едут по морю на экипаже, пока сразу не въезжают в селение.

Парк-море у Гасан-Кули богат оттенками воды и населен шумными птицами. Это зимний птичий курорт всего СССР. Они

живут в камышах залива землячествами... Розовые фламинго, ростом с десятилетних ребят, шарят в воде, как тряпичники на свалке, клювами, изогнутыми в крюк... Фламинго забираются в воду по самый живот. В таком положении они не могут взлетать, потому что размаху крыльев мешает вода... Конь быстрее фламинго и настигает жертву на глубоких местах. Птиц ловят арканами или бьют из ружей.

П. Павленко. Путешествие в Туркменистан. М., изд-во «Федерация», 1932 г.

Здесь македонец вел железные полки,
Но замерли пески, пустынных тайн не выдав;
И на путях своих роняли костяки
Когорты римские и орды Сассанидов.

И поступь времени означена в песках:
Вот замков глиняных изглоданные груды,
Вот перламутровый фиалов древних прах,
И ржавые бредут, бренча звонком, верблюды.

И там, где золотом поит пески Аму,
Где из Атрека пьют скупую воду тигры,
Номады к очагу садятся своему...

И вновь звенят пески, и убежать нельзя,
И солнце вечное на беспощадной страже
Стоит над всей страной, сжигая и грозя,
И грезят о воде полдневные миражи...

Такой, Туркмения, ты рисовалась мне,
И ты действительно была такой когда-то,
Но всю в движении, всю в буре и огне
Я увидал тебя с востока до заката.

Вот силы скрытые выходят из земли,
На трубы стройные сменились минареты,
И вместо сладостных газелл Махтум-Кули
Гимн гордому труду твои поют поэты.

. . . .
Вот на твоих лугах, где рдел бесплодный мак,
Сгустился волокном великолепный хлопок;
Вот обещает дать безводный Гаурдак
Фосфаты для полей и снова нефть для топок.

И солнце вечное, в стекло кидая зной,
Гелиостанцией запряжено в работу,
И близок день, когда моторов звучный строй
Его энергией с песков стряхнет дремоту...

Столетья сжаты в год. И видим мы уже
Твое грядущее вплотную перед нами,
Сверкающие дни встают на рубеже,
Твоими юными ведомые сынами.

Люблю на них глядеть: их пламенность все та же,
Что прежде, тот же глаз, загадочный и узкий,
Но зубы вдруг сверкнут улыбкою: — йолдаш!
Да, все товарищи, — йомуд, текинец, русский!

О нет, то не мираж: над россыпью веков
Не лжет истории отточенная призма.
Сменился навсегда застой былых веков
Державной поступью годов социализма!

Г. Шенгели, Туркмения («Айдинг-Гюнлер», альманах к 10-летию Туркменистана). М., 1934 г.

Наш пароход доставил на Кара-Бугаз пресную шолларскую воду и весь был пропитан свежим запахом этой воды. Казалось, что пароход плывет не по морю, а по прозрачному пресному озеру и по звездам.

Обычная ослепительная ночь дымилась со всех румбов. Тепличный ветер долетал от берегов Персии, как из открытого на ночь

окна цветочного магазина. Он приносил запах растертых пальцами листьев ореха, тяжелой листвы и сырых зернистых песков.

За кормой глухо гудел светящийся след от винта и терялся в полночной тьме. Там закатывались в остывающих песках громадные звезды. Свет их был на востоке ярче, чем на западе. Сухость пустынь сообщала ему напряженную резкость. На западе звезды мигали во влажном воздухе, в горных испарениях, и в них, как в стеклянных сосудах, переливалась сверкающая жидкость.

Со мной ехали Прокофьев, девушка-химичка из Москвы и женщина-инженер, седая и усталая, похожая больше на врача.

...Качки не было, но море дышало, то подымая, то чуть-чуть опуская тяжелый пароходный корпус.

— Вот мы объехали весь этот край,—сказал мне Прокофьев.— Мы видели пески, бесплодную землю, пили соленую воду, узнали, что такое Кара-Бугаз. Все это так. Но достаточно ли у нас воображения, чтобы представить себе будущее этих земель? Интересно проверить. Спросим об этом наших спутниц.

Девушка-химичка ответила, не задумываясь:

— Будет жарко, шумно и весело. Как в Баку в праздничный день. Мне очень нравятся каспийские пароходы. Они хорошо выкрашены в желтый цвет. Масса желтых пароходов будет дымить в двух новых портах, где их будут строить, — ну да, в Бек-Таше и Карши. Хоробрых получит первую премию на будущей сельскохозяйственной выставке за самые душистые и сочные в мире карабугазские дыни. Ветряные двигатели начнут высасывать из залива густую воду и наполнять бассейны. Академик Иоффе поставит первые солнечные машины, а мы с вами по вечерам будем ходить в порт и пить под акациями вкусную воду со льдом и апельсинным сиропом. С Казанского вокзала начнут отходить поезда с табличками «Москва — Кара-Бугаз, через Ташкент — Красноводск». В проливе откроют курорт, потому что нет во всем Союзе лучшего купанья, чем там. Хватит с вас и этого.

Женщина-инженер думала о другом.

— Вы знаете, — промолвила она, — вчера туркменка, жена Уссейна, сказала мне: «Я хочу работать в женотделе, потому что там женщин делают умнее мужчин». Я выросла на востоке.

В Кара-Бугаз я приехала, когда в кибитке начальника треста застучала первая пишущая машинка. С тех пор прошло два года, но уже сейчас залив не узнать. И вот я думаю, что такие вещи, как будущий комбинат, ударят по старому Востоку, по исламу, по всей этой совершенно окаменелой жизни, как гром. Была у кочевников песня, где говорилось: «Кочевник проходит через жизнь, как пыль. Никто не хочет знать его имени, никто не знает, сколько весит его горе». Вот с этим будет покончено.

Прокофьев молчал.

— Вы, что ж, не можете ничего придумать? — спросила его химичка.

— Нет, — ответил Прокофьев. — Придумывать не надо, так как действительность превзойдет все мои выдумки и мне самому станет стыдно. Я не обладаю фантазией.

Одолевать пустыню тяжело, особенно когда человек думает, что он одолевает ее ради своего персонального месячного оклада. Необходимо понять, что ваша работа в пустыне — дело славы, дело высокого племени новых людей, — а это ведь так и на самом деле, — и тяжесть с вас слетит, как пот после купанья в море. Отсюда вывод — никогда не упускайте из виду далеких горизонтов. Помните, что скулят только близорукие. Давайте волю своему воображению. Сила его необычайна. Воспитать в себе чувство времени и чувство будущего. Овладеть этими двумя ценностями — это уже страшно много.

Мы легли спать в каюте, наполненной ветром и свежестью моря. Видения городов из сверкающего радугами стекла преследовали меня всю ночь. Города эти подымались из прозрачных морей и отражались в зеркалах заливов нагромождениями хрусталя и теплых неподвижных огней. Летние рассветы разгорались над ними. Рассветы пахли растертыми в ладонях листьями ореха, густой листвой, шолларскими водами, мангышлакской полынью.

...На востоке, над Кара-Бугазом, сметая звезды, стремительно раскрывала небо высокая морская голубизна — над пустынями Хорезма подымался один из бесчисленных и прекрасных дней.

К. Паустовский. Кара-Бугаз. М., изд-во «Молодая гвардия», 1933 г.

ПРИВЕТСТВИЕ ВОЖДЯ

Туркменские конники, участники пробега 1935 года Ашхабад — Москва, обратились к И. В. Сталину со следующими словами:

«Через беспредельные просторы нашей великой родины — пески Кара-Кумов, степи Усть-Урта, бесконечные колхозные поля — принесли мы, посланцы солнечного колхозного Туркменистана, тебе, нашему учителю, вождю и любимому другу, пламенный колхозный привет.

Мы принесли тебе выражение нашей радости и восхищения той новой жизнью, которую мы завоевали под твоим руководством, тем беззаветным братством народов, которое расцветает в нашей великой родине и пришло на смену безвозвратно канувшей в прошлое тюрьме народов — царской России.

От имени всех трудящихся Советского Туркменистана заверяем тебя, наш мудрый вождь, что если враг посягнет на мирный труд и социалистическое строительство народов СССР, мы оседлаем наших лучших коней и будем драться до последной капли крови, до полной победы над врагом.

Да здравствует наша партия, Ленинско-Сталинский ЦК ВКП(б) и наш вождь, горячо любимый великий Сталин!

Да здравствует нерушимое братство народов Советского Союза, победоносно строящих социализм!»

«Правда» от 23 августа 1935 г.

Товарищ Сталин ответил:

Командору конного пробега Ашхабад — Москва товарищу Соколову

Товарищеское спасибо всадникам Туркменистана за приветствие.

Поздравляю их с успешным проведением беспримерного в истории кавалерии пробега.

Только ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия, — могли обеспечить такую славную победу.

Партия коммунистов может поздравить себя, так как эти качества культивирует она среди трудящихся всех национальностей нашей необъятной родины.

И. СТАЛИН.

«Правда» от 25 августа 1935 г.

— Скажи, отец мой, что такое счастье?
Отец ответил: — Посмотри сюда:
Вот поле хлопка, вот овец стада...
Природа — мастерская, труд в ней мастер.
Пшеницы ль видишь золотой разлив,
Плоды ль средь зелени густой заметишь —
Ты сам себе на свой вопрос ответишь:
Тот знает счастье, кто трудолюбив.

Хасымкули Курбанов. Счастье. Перев. В. Пермяков «Солнечный Туркменистан». Литературный альманах. Ашхабад, 1947 г.

ТУРКМЕНИСТАН
В ЦИФРАХ

РАЗМЕРЫ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Туркменская ССР расположена на крайнем юге СССР, в географической зоне пустынь. На одной широте с Туркменистаном лежат Корея, Калифорния (США), Греция, юг Испании и Италии (см. рис. 3).

Площадь Туркменской ССР—484,8 тысячи квадратных километров, то есть примерно 2 процента площади Советского Союза. По размеру территории Туркменская ССР занимает среди советских союзных республик четвертое место (после РСФСР, Казахской ССР и Украинской ССР). Она почти равна по площади Испании, примерно вдвое превышает площадь Великобритании.

Туркменская ССР образована 27/X 1924 года.

Крайние точки Туркменистана:

Западная — мыс Суэ на восточном побережье Каспийского моря, 52° 31′ в. д. (по Гринвичу).

Восточная—в горах Кугитанга, 66°41′ в. д.

Северная — севернее аула Кесеклик, 42°50′ с. ш.

Южная — южнее города Кушка, 35°08′ с. ш. (самая южная точка СССР).

Протяженность территории:

с запада на восток (по 38° с. ш.) — 1 100 километров,

с севера на юг (от пункта севернее аула Садывар, Чарджоуской области до пункта близ стыка границ СССР, Ирана и Афганистана) — 650 километров.

Сравнение площади Туркменской ССР и некоторых иностранных государств (в довоенных границах) в тыс. км²

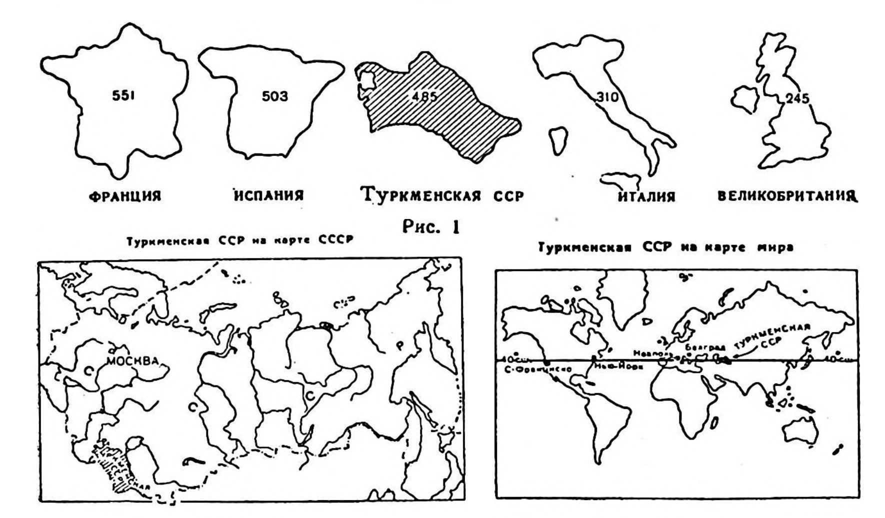

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Туркменская ССР граничит на юге с Ираном и Афганистаном. Она примыкает на севере к территории Казахской ССР, на севере и востоке — к территории Узбекской ССР.

Республика состоит из 4 областей: Ашхабадской (центр — Ашхабад), Марыйской (центр — Мары), Ташаузской (центр—Ташауз), Чарджоуской (центр—Чарджоу).

Столица республики—Ашхабад (37°57' с. ш., 58°24' в. д.). Основан в 1881 году подле одноименного аула. До 1921 года именовался Асхабадом, в 1921—1924 годах — Полторацком.

Расстояние от Ашхабада до Москвы: по железной дороге через Ташкент, Куйбышев, Рузаевку—4 639 километров, по прямой — до 2,5 тысячи километров.

НАСЕЛЕНИЕ

Численность населения Туркменской ССР, по данным переписи 17 января 1939 года — 1 251 883 человека.

Плотность населения невелика. Население размещено весьма неравномерно: наиболее плотное население — в оазисах; наименее плотное — в пустыне Кара-Кум.

В Ашхабаде, по переписи 1939 года, жило 126,6 тысячи человек, в Чарджоу, Мары и Красноводске примерно по 50 тысяч человек.

Национальный состав (в тысячах человек), по данным 1939 года, следующий:

Туркмены	—	741,5
Русские	—	232,9
Узбеки	—	107,4
Казахи	—	61,4
Татары	—	19,5
Иранцы	—	8,3
Белуджи	—	5,4
Прочие	—	75,5
		1 251,9

Число рабочих и служащих в Туркменской ССР перед Великой Отечественной войной превышало 160 тысяч человек. Удельный вес рабочих и служащих в составе населения непрерывно возрастает — в 1925 году численность рабочих и служащих была менее 40 тысяч человек.

Быстро увеличивается процент женщин в общем числе рабочих и служащих (в 1925 году — около 7 процентов, в настоящее время—более 30 процентов).

ПРИРОДА

Поверхность Туркменистана в основном равнинна — более или менее значительные горы возвышаются лишь на крайнем юге и юго-востоке республики (см. рис. 4).

Некоторые отметки:

Гора Риза — около Фирюзы в хребте Копет-Даг — 2 938 метров.

Хребет Кугитанг-Тау на границе Узбекской ССР — до 3 137 метров.

Большой Балхан на западе Туркменистана — 1 880 метров (г. Дюнеш-Кала).

Возвышенность Карабиль на юго-востоке — 979 метров.

Ашхабад — 214 метров.

Район серных заводов в центральном Кара-Куме — 88 метров.

Сарыкамышская впадина на севере Туркменистана — 43 метра ниже уровня океана.

Впадина на плато Ишек-Анкрен-кыр— 92 метра ниже уровня океана.

Каспийское море, играющее в жизни Турменистана громадную роль (важнейший транспортный выход, источник минерального сырья, рыболовство), образует западную границу республики. Каспийское море занимает огромную впадину, глубина которой в отдельных точках доходит до километра. Уровень Каспия зависит от соотношения поступления воды (Волга дает 4/5 ее) и испарения; в среднем по всему морю за год испаряется слой воды толщиною около 90 сантиметров.

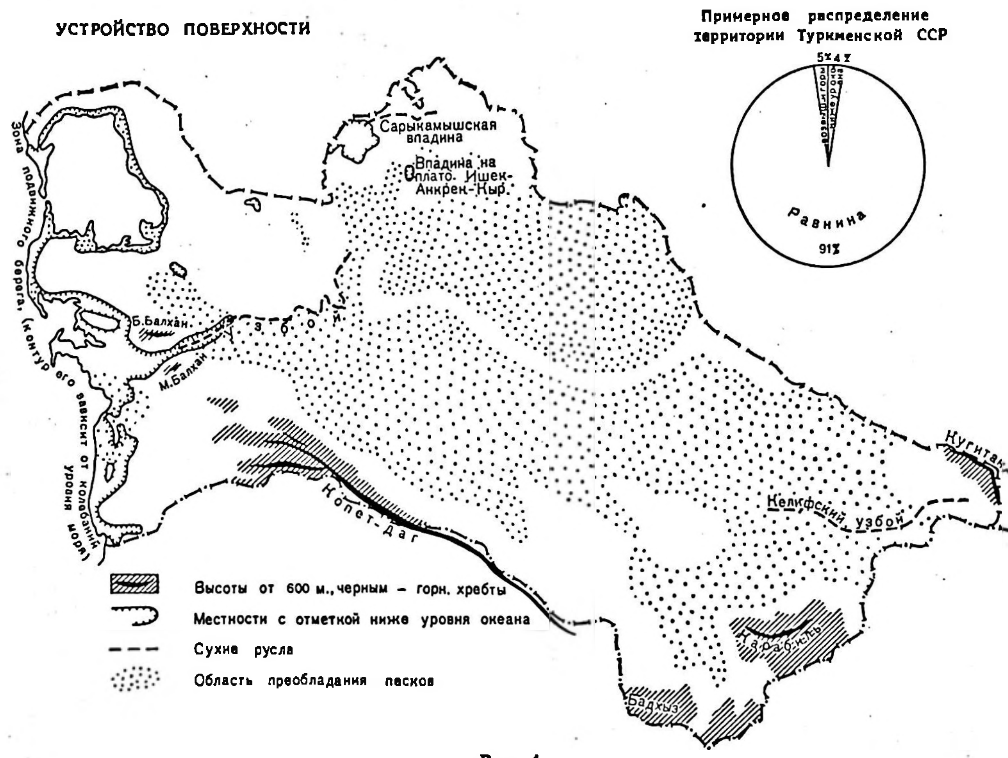

УСТРОЙСТВО ПОВЕРХНОСТИ
Примерное распределение территории Туркменской ССР
5% 4%
Равнина
91%
Сарыкамышская впадина
Впадина на плато Ишек-Анкрен-Кыр
Зона подвижного берега, (контур его зависит от колебаний уровня моря)
Б.Балхан
М.Балхан
Узбой
Копет-Даг
Кугитанг
Келифский узбой
Карабиль
Бадхыз
Высоты от 600 м., черным – горн. хребты
Местности с отметкой ниже уровня океана
Сухие русла
Область преобладания песков

Рис. 4

При среднем «вековом» уровне Каспия на 25—26 метров ниже уровня Черного моря за последние годы отмечено значительное (до 2 метров) понижение уровня Каспия (см. рис. 5).

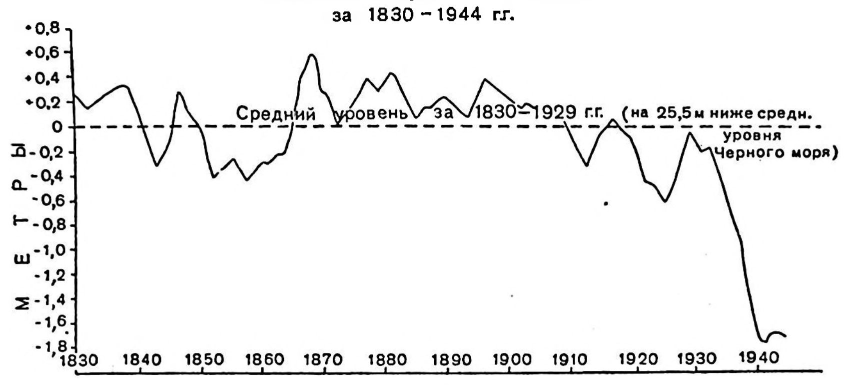

Рис. 5

и выше. При слабой сопротивляемости грунта это ведет к большой насыщенности воды взвешенными частицами ила. В среднем за год река переносит 250 миллионов кубических метров земли. Паводков бывает в году два: весенний, в апреле—мае, от таяния снега в долинах нижних притоков, и летний, в мае—июне, от таяния ледников в верховьях реки; второй паводок более значительный. Амплитуда уровня Аму-Дарьи в пределах Туркменистана дохо-

В результате последнего понижения уровня Каспия остров Челекен соединился с материком и стал полуостровом; обнажились многие, ранее подводные участки берегов залива Кара-Богаз-Гол. По приблизительным оценкам можно полагать, что понижение уровня Каспия увеличило площадь Туркменистана почти на 15 тысячи квадратных километров (см. рис. 6).

Реки Туркменистана малочисленны и (кроме Аму-Дарьи) маловодны (см. рис. 7).

Общая длина в км:

Аму-Дарья	— 2 540
Мургаб	— 852
Теджен	— 1 124
Атрек	— 495
Сумбар (приток Атрека)	— 210

Некоторые данные о режиме рек

Аму-Дарья. Течет в Аральское море. Скорость течения — 4 метра в секунду

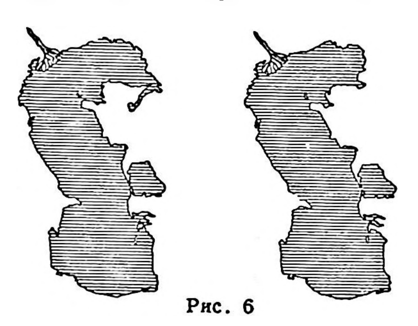
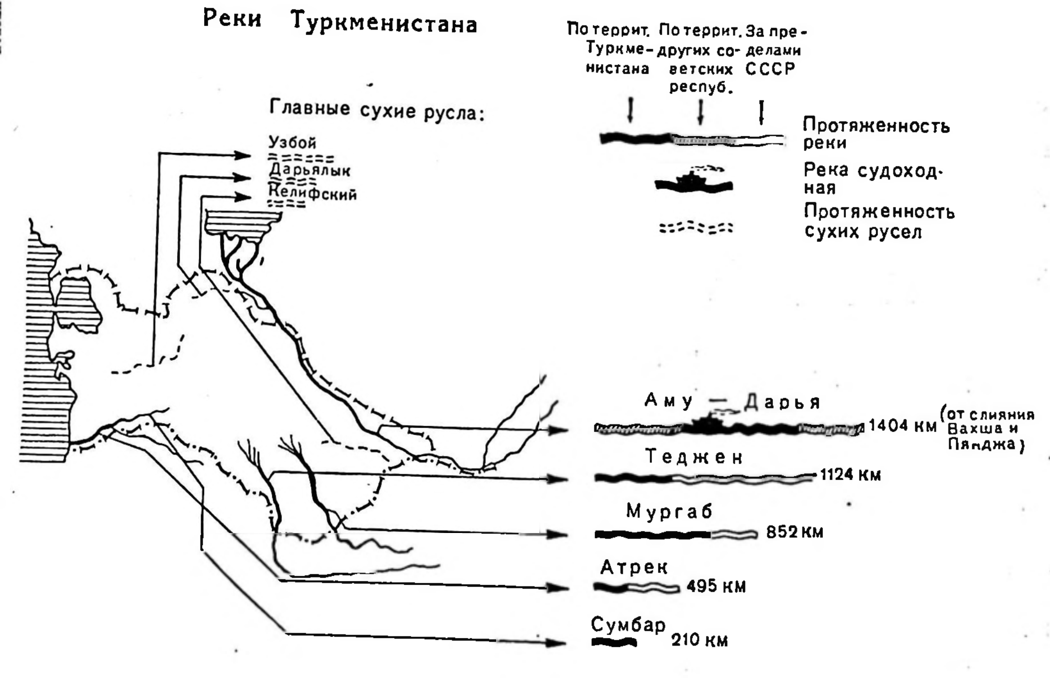

Рис. 6

Реки Туркменистана
Главные сухие русла:
Узбой
Дарьялык
Келифский
По террит. Туркменистана
По террит. других советских респуб.
За пределами СССР
Протяженность реки
Река судоходная
Протяженность сухих русел
Аму — Дарья
1404 км (от слияния Вахша и Пянджа)
Теджен
1124 км
Мургаб
852 км
Атрек
495 км
Сумбар
210 км

дит до 2 метров. В Туркменистане река замерзает у берегов, в протоках и у рукавов в период с декабря до половины марта. Размывая берега, меняет русло, часто уничтожает головные сооружения каналов и заносит их илом.

Мургаб. Имеет очень извилистое русло. Скорость течения — 2 метра в секунду, а в паводки—до 4 метров. Левые притоки — Кашан и Кушка. Паводок бывает в апреле—мае. Много воды теряет на испарение и фильтрацию. В отличие от Теджена и Атрека 80 процентов воды расходуются в СССР. Устья не имеет.

Теджен. Основная часть воды разбирается на орошение в Гератской долине Афганистана. Летом, ниже Серахса (в пределах Туркменской ССР), русло реки во многих местах пересыхает. Питает поля главным образом паводковой водой весной и в первую половину лета. Устья не имеет.

Атрек. Течение медленное, несет много ила, летом вода солоноватая. Впадает в Каспийское море, летом вся вода разбирается на орошение. Правый приток — Сумбар.

Со склонов Копет-Дага, Большого и Малого Балханов стекает ряд мелких речек. Весной, в марте — апреле, они имеют повышенный расход воды. В сухое время года вся вода разбирается на орошение.

Грунтовые воды и их использование в сельском хозяйстве

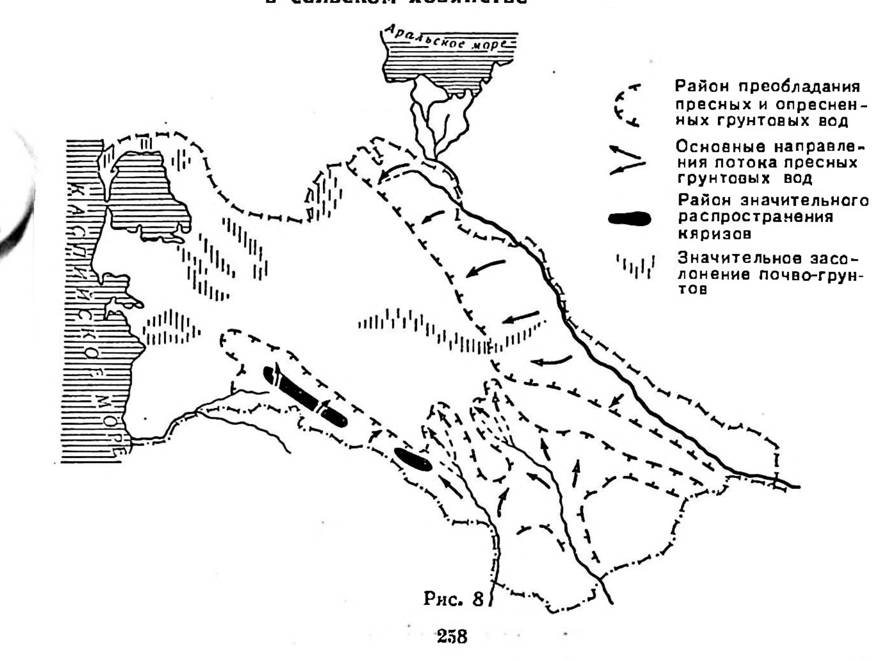

Рис. 8

При бедности Туркменистана поверхностными пресными водами особое значение приобретают грунтовые воды (пресные или солоноватые). Они широко используются путем устройства колодцев и кяризов (подземные галлереи-каналы); последние во многих районах дают воду для орошения (см. рис. 8).

Большое значение грунтовых вод побуждает советских ученых внимательно их изучать. Установлено наличие значительных запасов пресных грунтовых вод. Новые исследования открывают все больше пресных подземных вод и за пределами контуров, показанных на нашей карте.

КЛИМАТ

Климат Туркменистана отличается высокими летними температурами, мягкой зимой, малым количеством осадков, большой сухостью. Лето бездождное, осадки выпадают весной и отчасти зимой (см. рис. 9).

Климатические данные:

	Средняя t° января	Средняя t° июля	Средняя t° годовые	Количество годовых осадков в мм
Ташауз	−6,5	+23,5	+10,0	100
Ашхабад	+1,1	+30,5	+16,1	230
Красноводск	+3,0	+29,1	+16,0	114
Кушка	+1,8	+28,4	+14,7	251
Байрам-Али	+1,2	+30,4	+16,1	122
Репетек	+0,4	+32,2	+16,4	103

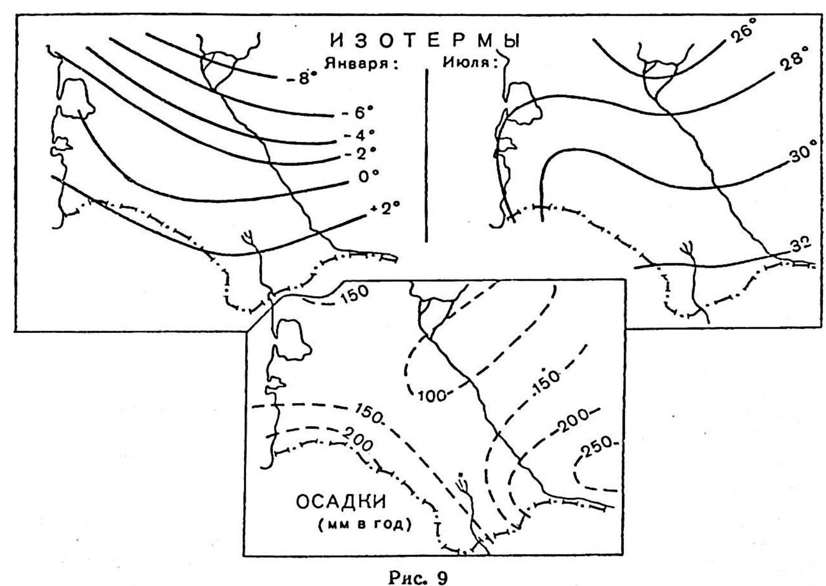

Рис. 9

ПОЧВЫ

Почвенный покров в общем слабо развит в связи с малым участием воды и растительности в почвообразовательном процессе. В предгорьях залегают типичные лёссовидные сероземы; в долинах рек — аллювиальные луговые почвы; при условии достаточного орошения эти почвы очень благоприятны для земледелия. В пустыне преобладают пески, солончаки, глинистые такыры и примитивные сероземы. Почвенный покров в горах довольно пестр — от светлых сероземов до темных сероземов.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

Среди разнообразной растительности пустыни наиболее характерны: из травянистых растений — песчаная осока (илек), мятлик, злак селин, полынь; из кустарников — черный и белый саксаул, кандымы, песчаная акация, черкез. Весной на короткое время пустыня покрывается эфемерной травяной растительностью. В песчаной пустыне саксаул образует «леса» с редким древостоем.

В поймах рек — густые тугайные заросли — тополи, ивы (тал), лох (джида), гребенщики — с богатым травянистым покровом.

Горы Копет-Дага лишены сплошной лесной растительности, кроме сравнительно небольших зарослей широколиственных пород по ущельям (дикий миндаль, фисташка, грецкий орех, гранат, вяз, ясень) и древовидного можжевельника (арча) в верхнем поясе гор, где он образует редкий древостой.

ЖИВОТНЫЙ МИР

Для фауны пустыни характерны грызуны (суслики, песчанка, зайцы, тушканчики), пресмыкающиеся (ящерицы, черепахи, змеи), копытные (джейран и уже редко встречающийся дикий осел — кулан), хищники (гиена, волк, лисичка-корсак, барханный кот); из птиц — саксаульная сойка, чекан и др.

В тугаях живут кабаны, фазаны; изредка встречаются тигры.

В горах водятся грызуны (большая песчанка, дикобраз, тушканчик), хищники (барсук, гепард, гиена, дикий кот, рысь и др.), пресмыкающиеся (ядовитые змеи — кобра, гюрза; ящерицы и др.).

На морском побережье много водоплавающей птицы; есть пеликаны, фламинго.

ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ

В 1913 году на территории Туркменистана было известно 30 месторождений полезных ископаемых, а в 1944 году — 500.

Виды полезных ископаемых Туркменистана (в рамках важнейшие):

Энергетические: нефть, каменный и бурый уголь, горючие газы.

Соли: глауберова, калийная, поваренная, соединения брома и иода, селитра.

Керамико-стекольные: кварц, бентонит.

Строительные: известняк гюша, мергель, гипс, кир, мрамор, мел.

Прочие: сера, витерит, озокерит, барит, минеральные краски, свинцовые и медные руды.

Природные источники: минеральные, термальные сероводородные (см. рис. 10).

Большие работы по геологическим разведкам проводятся в послевоенной пятилетке. Главное внимание уделяется разведкам на нефть, серу, озокерит, уголь.

Рис. 10

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Дореволюционный Туркменистан был колониальной окраиной царской России и имел крайне слабо развитую промышленность. Население занималось сельским хозяйством, которое стояло на самом низком техническом уровне.

В результате социалистических преобразований в Туркменской ССР за годы советской власти создана крупная индустрия.

Изменения в структуре народного хозяйства Туркменистана находят общее выражение в следующих данных:

В 1925 году сельское хозяйство давало три четверти общей продукции республики, а промышленность — одну четверть.

К началу Великой Отечественной войны доля сельского хозяйства (при его абсолютном росте) упала и составляла менее одной трети, а доля промышленности поднялась более чем до двух третей.

В послевоенном пятилетии народное хозяйство Туркменской ССР продолжает быстро развиваться. Объем капитальных работ по республике за пятилетие составит огромную сумму — 1 600 миллионов рублей.

Промышленность Туркменистана до революции ограничивалась сравнительно небольшими Челекенскими нефтепромыслами, Кизыл-Арватским паровозо-вагоноремонтным заводом и двумя десятками мелких хлопкоочистительных заводов.

Основными отраслями промышленности в настоящее время являются:

добыча нефти,
нефтепереработка,

добыча сульфата,
добыча серы,
добыча озокерита,
текстильное производство.

Основная часть этих производств создана заново в годы советской власти.

Имеются и другие отрасли (металлообработка, железнодорожный ремонт, производство стекла, пищевая промышленность, добыча угля, соли, иода, брома и т. д.) (см. рис. 11).

Некоторые промышленные предприятия

Нефтяные промыслы Небит-Дага. В западной части Туркменистана геологические запасы нефти исчисляются сотнями миллионов тонн. Нефть Небит-Дага начали добывать при советской власти. В годы Великой Отечественной войны, в связи со вскрытием богатого нефтью девонского пласта, добыча резко увеличилась. Промыслы расположены среди незакрепленных песков. Работу осложняет отсутствие источников пресной воды и песчаные бури, вызываемые постоянными ветрами. Имеется водопровод, подающий пресную воду из казанджикских источников. В 1945 году бурением в районе промыслов найдены полупресные воды, которые будут использованы для озеленения и бытовых нужд. По плану послевоенной пятилетки добыча нефти в Туркменистане должна увеличиться в 1,8 раза.

Промысел сульфата в заливе Каспийского моря Кара-Богаз-Гол. Запасы мирабилита достигают огромных размеров. Эксплоатация начата в годы советской власти. Первое время практиковался сбор мирабилита, выброшенного волнами на берег; ныне применяется способ бассейнизации.

Серные заводы в центральной части пустыни Кара-Кум (примерно в 250 километрах от Ашхабада). Сера стала разрабатываться в годы советской власти. Действуют три завода.

Начинает осваиваться мощное Гаурдакское месторождение серы на востоке республики — в горах Кугитанга.

Промысел озокерита на полуострове Челекен. Занимает первое место в СССР. Добываются также иод и бром. В земляных работах применен гидромониторный способ, резко повысивший производительность труда. Вместо выварки породы в водяных котлах вводится экстрактивный метод, дающий значительное снижение отходов. Есть незначительная добыча нефти.

Угольные разработки. Эксплоатируются месторождения бурого угля — Ягман (на западе) и месторождение каменного угля — Кугитанг (на востоке). Добыча угля на последнем месторождении будет расти в связи со строительством Гаурдакского химкомбината.

Промыслы поваренной соли. Эксплоатируются два месторождения — озеро Куули на Красноводском полуострове (самосадочная соль) и Баба-Ходжинское, около Небит-Дага (каменная соль).

Ашхабадская хлопчатобумажная фабрика имени Дзержинского. Фактически является комбинатом с незавершенным циклом (отсутствует красильно-отделочный цех). В послевоенной пятилетке будет построена и введена в действие вторая очередь фабрики.

Ашхабадский стекольный завод имени Калинина. Введен в эксплоатацию перед Великой Отечественной войной.

Рыбокомбинат в Красноводске.

Фабрика первичной переработки шерсти в Мары.

Масложиркомбинат в Байрам-Али.

Ватная фабрика в Чарджоу.

Шелкомотальная фабрика в Ашхабаде.

Шелкомотальная фабрика в Чарджоу.

Целым рядом новых производств промышленность Туркменистана обогатилась в годы Великой Отечественной войны. В это время выросла нефтеперерабатывающая промышленность, были пущены в ход масло-экспеллерный завод в Ташаузе, рисоочистительный завод в Чарджоу, ремонтно-механический завод в Ашхабаде и другие предприятия. Ашхабадский мясокомбинат и Красноводский рыбокомбинат получили консервные цехи. Освоено производство землесосов, деталей сельскохозяйствен-

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТУРКМЕНИСТАНА
Производства союзного масштаба
Производства местного масштаба
Добывающая промышленность
Обрабатывающая " " "
Пищевая " " "
Н.... Добыча нефти
У.... " " угля
О.... " " озокерита
С.... " " серы
Добыча солей:
Пс... Поваренной
Мб... Мирабилита
ИБ... Иода и Брома
М..... Металлообработка
Тш... Шелковая промышленность
Тх... Хлопчатобумажная " "
Тс.... Шерстяная " "
Х..... Хлопкоочистка
Ст.. Стекольная промышленность
Мж. Масло-жировая " "
Р.... Рыбная " "
П... Прочая промышленность значительных размеров
Рыболовство
Ташауз
Кара-Богаз-Гол
Куули
Красноводск
Ягман
Челекен
Небит-Даг
Дарваза
Серный Завод
Кизыл-Арват
АШХАБАД
ЧАРДЖОУ
МАРЫ
Теджен
Байрам-Али
Иолотань
Санды-Качи
Кугитанг
КЕРКИ
Гаурдак
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТУРКМЕНИСТАНА в 1913 г.

Рис. 11

ных машин. В дни войны налажено производство спичек, бумаги, посуды и т. д.

За послевоенную пятилетку в Туркменской ССР будет создано много новых промышленных объектов; среди них:

нефтепровод,

суперфосфатный завод на базе фосфоритов Кара-Тау (Южный Казахстан),

цементный завод,

электростанции,

угольные шахты,

суконная фабрика,

завод овощных консервов.

В конце послевоенной пятилетки Туркменская ССР наряду с другой продукцией даст:

1 104 тысячи тонн нефти,

22 миллиона метров хлопчатобумажных тканей,

2 миллиона квадратных метров стекла оконного,

820 тысяч метров шерстяных тканей,

825 тысяч метров шелковых тканей,

3 100 тысяч пар чулочно-носочных изделий,

1 470 тысяч пар обуви,

60 тысяч тонн угля,

150 миллионов киловатт-часов электроэнергии,

50 тысяч тонн суперфосфата,

40 тысяч тонн цемента,

7 тысяч тонн мяса,

160 тысяч тонн соли,

4 миллиона условных банок мясных консервов,

400 тонн масла животного,

20 тысяч тонн масла растительного.

Увеличится выпуск иода, брома, озокерита, серы и пр.

В целом по Туркменистану валовая продукция превысит уровень 1940 года на 76 процентов.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

За годы советской власти ранее крайне отсталое сельское хозяйство Туркменистана стало колхозно-совхозным, механизированным, культурным. Его продуктивность сильно возросла.

Земледелие

Общая посевная площадь Туркменистана составляет почти полмиллиона гектаров.

По удельному весу в посевной площади на первом месте стоят зерновые культуры (пшеница, ячмень, джугара, рис и др.), на втором — хлопчатник; доля хлопчатника (особенно длинноволокнистых сортов) за годы сталинских пятилеток сильно возросла. Кроме того, имеются посевы кормовых культур, главным образом люцерны, бахчевых, кунжута, картофеля и др. (см. рис. 12).

Значительную площадь в Туркменистане занимают виноградники, насаждения шелковицы и сады.

В юго-западном районе Туркменистана развивается субтропическое хозяйство (маслина, гранат, инжир, финиковая пальма и др.).

Структура посевных площадей к концу послевоенной пятилетки

Рис. 12

Земледелие в Туркменистане главным образом поливное. Основные орошаемые земли находятся в Мургабском оазисе, в полосе вдоль Аму-Дарьи. Ташаузской области (западная часть Хорезмского оазиса); меньшая часть в подгорной зоне Копет-Дага, в Тедженском, Кара-Калинском и Кизыл-Атрекском оазисах (см рис. 13 и 14).

В результате ирригационного строительства орошаемая площадь возрастает. За годы сталинских пятилеток построены, в частности, Ташкепринское водохранилище, Карабекаульский канал.

По плану за послевоенную пятилетку площадь поливных земель возрастет на 15 тысяч гектаров. В течение пятилетки должно быть закончено сооружение Тедженского водохранилища. Начнется строительство Большого Кара-Кумского канала, который должен вывести воды Аму-Дарьи для обводнения и орошения больших территорий в районе Мары и Теджена.

Общая длина Кара-Кумского канала превысит 600 километров. Рассчитывают, что только в Мургабском и Тедженском оазисах он позволит дополнительно оросить до 220 тысяч гектаров плодородных земель. Головным участком канала явится построенный уже за годы советской власти Бассага-Керкинский канал. Отсюда часть амударьинских вод направится на запад, по Келифскому Узбою. На базе Келифского Узбоя будет устроено водохранилище, вмещающее более $1/3$ миллиарда кубических метров воды.

В Туркменистане имеется более 200 действующих подземных каналов — кяризов — и свыше 100 заброшенных. Общая длина галлерей всех 300 кяризов превышает 1 000 километров.

До революции на дайханских полях Туркменистана применялись лишь примитивные сохи — азалы и бороны — малы. Теперь сельское хозяйство республики оснащено передовой, современной техникой. Перед Великой Отечественной

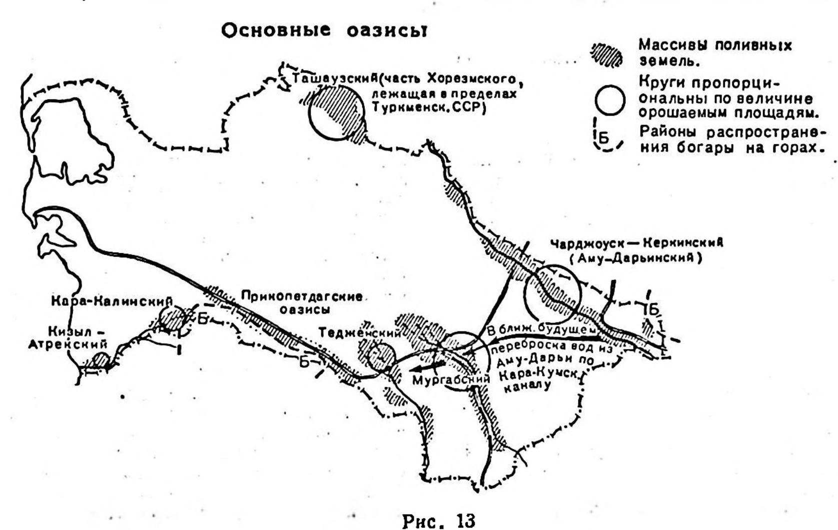

Рис. 13

ных машин. В дни войны налажено производство спичек, бумаги, посуды и т. д.

За послевоенную пятилетку в Туркменской ССР будет создано много новых промышленных объектов; среди них:

нефтепровод,

суперфосфатный завод на базе фосфоритов Кара-Тау (Южный Казахстан),

цементный завод,

электростанции,

угольные шахты,

суконная фабрика,

завод овощных консервов.

В конце послевоенной пятилетки Туркменская ССР наряду с другой продукцией даст:

1 104 тысячи тонн нефти,

22 миллиона метров хлопчатобумажных тканей,

2 миллиона квадратных метров стекла оконного,

820 тысяч метров шерстяных тканей,

825 тысяч метров шелковых тканей,

3 100 тысяч пар чулочно-носочных изделий,

1 470 тысяч пар обуви,

60 тысяч тонн угля,

150 миллионов киловатт-часов электроэнергии,

50 тысяч тонн суперфосфата,

40 тысяч тонн цемента,

7 тысяч тонн мяса,

160 тысяч тонн соли,

4 миллиона условных банок мясных консервов,

400 тонн масла животного,

20 тысяч тонн масла растительного.

Увеличится выпуск иода, брома, озокерита, серы и пр.

В целом по Туркменистану валовая продукция превысит уровень 1940 года на 76 процентов.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

За годы советской власти ранее крайне отсталое сельское хозяйство Туркменистана стало колхозно-совхозным, механизированным, культурным. Его продуктивность сильно возросла.

Земледелие

Общая посевная площадь Туркменистана составляет почти полмиллиона гектаров.

По удельному весу в посевной площади на первом месте стоят зерновые культуры (пшеница, ячмень, джугара, рис и др.), на втором — хлопчатник; доля хлопчатника (особенно длинноволокнистых сортов) за годы сталинских пятилеток сильно возросла. Кроме того, имеются посевы кормовых культур, главным образом люцерны, бахчевых, кунжута, картофеля и др. (см. рис. 12).

Значительную площадь в Туркменистане занимают виноградники, насаждения шелковицы и сады.

В юго-западном районе Туркменистана развивается субтропическое хозяйство (маслина, гранат, инжир, финиковая пальма и др.).

Структура посевных площадей к концу послевоенной пятилетки

Рис. 12

Земледелие в Туркменистане главным образом поливное. Основные орошаемые земли находятся в Мургабском оазисе, в полосе вдоль Аму-Дарьи, Ташаузской области (западная часть Хорезмского оазиса); меньшая часть в подгорной зоне Копет-Дага, в Тедженском, Кара-Калинском и Кизыл-Атрекском оазисах (см рис. 13 и 14).

В результате ирригационного строительства орошаемая площадь возрастает. За годы сталинских пятилеток построены, в частности, Ташкепринское водохранилище, Карабекаульский канал.

По плану за послевоенную пятилетку площадь поливных земель возрастет на 15 тысяч гектаров. В течение пятилетки должно быть закончено сооружение Тедженского водохранилища. Начнется строительство Большого Кара-Кумского канала, который должен вывести воды Аму-Дарьи для обводнения и орошения больших территорий в районе Мары и Теджена.

Общая длина Кара-Кумского канала превысит 600 километров. Рассчитывают, что только в Мургабском и Тедженском оазисах он позволит дополнительно оросить до 220 тысяч гектаров плодородных земель. Головным участком канала явится построенный уже за годы советской власти Бассага-Керкинский канал. Отсюда часть амударьинских вод направится на запад, по Келифскому Узбою. На базе Келифского Узбоя будет устроено водохранилище, вмещающее более $^1/_3$ миллиарда кубических метров воды.

В Туркменистане имеется более 200 действующих подземных каналов — кяризов — и свыше 100 заброшенных. Общая длина галлерей всех 300 кяризов превышает 1 000 километров.

До революции на дайханских полях Туркменистана применялись лишь примитивные сохи — азалы и бороны — малы. Теперь сельское хозяйство республики оснащено передовой, современной техникой. Перед Великой Отечественной

Рис. 13

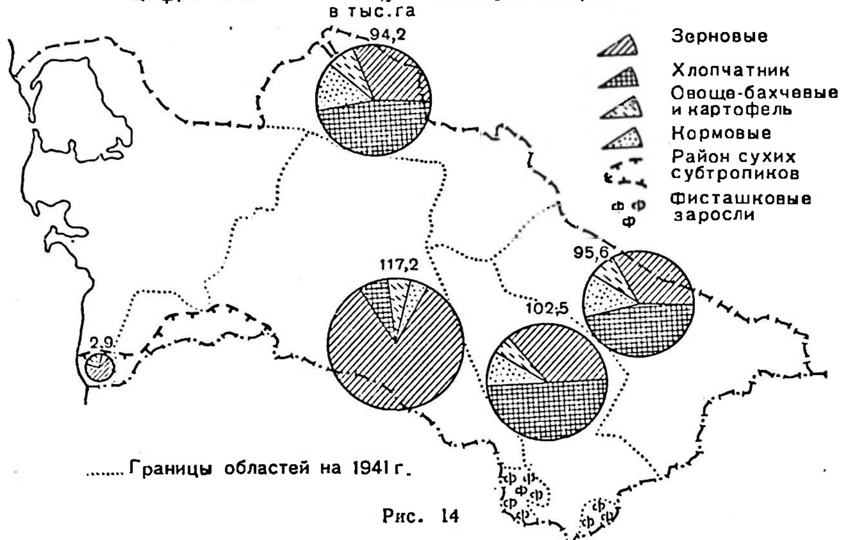

Рис. 14

войной колхозы и совхозы Туркменистана имели несколько тысяч тракторов и грузовых автомобилей, около 20 тысяч культиваторов и множество других машин.

В республике более 50 машинно-тракторных станций.

Животноводство

В Туркменистане сильно развито животноводство, хотя оно по размеру продукции и уступает земледелию.

В стаде больше всего овец и коз. Примерно половину общего поголовья мелкого скота составляют каракулевые овцы.

Разводится также крупный рогатый скот, верблюды, лошади и др. (см. рис. 15)

К концу пятилетки намечается численность поголовья — лошадей 64 тысячи голов, крупного рогатого скота—305 тысяч голов, овец и коз—4 330 тысяч голов Особое внимание уделяется развитию каракулеводства.

Важную роль в республике играет отгонное животноводство. Для смены пастбищ скот перегоняется по определенным маршрутам, главным образом в пустыню Кара-Кум.

Совхозы

В сельском хозяйстве Туркменистана существенное место занимают совхозы, число которых превышает тридцать. Больше всего совхозов каракулеводческих, есть совхозы верблюдоводческие, фисташковые, виноградные, плодоовощные и пр. Совхозы сосредоточивают

Распределение и состав поголовья скота по областям Туркменистана

(по данным на 1942 г.)

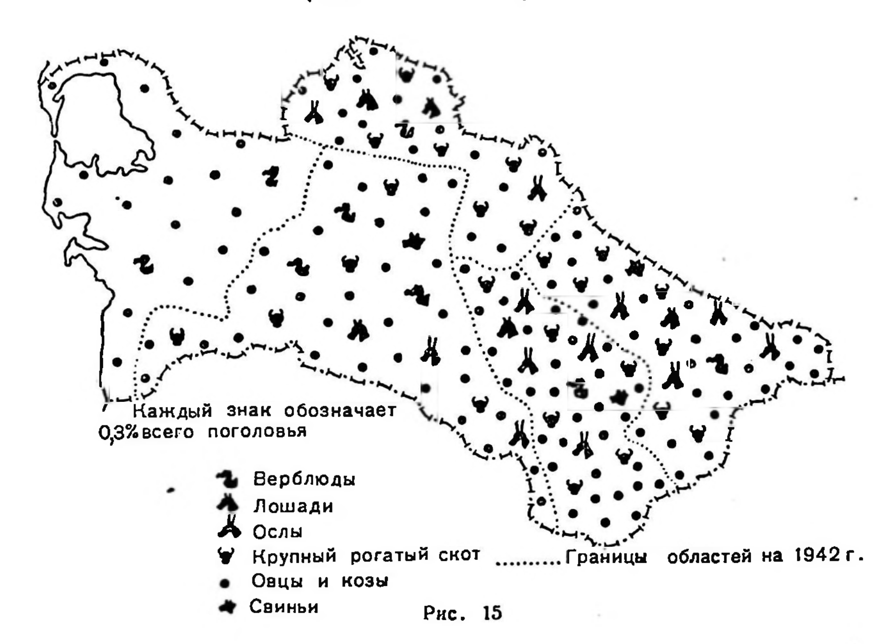

Рис. 15

четвертую часть поголовья каракулевых овец, десятую часть поголовья верблюдов и лошадей; совхозам принадлежит половина плодовых насаждений республики.

Ковроткачество

Ковровым промыслом занято до двадцати тысяч туркменок. Созданы экспериментальная ковровая мастерская и республиканский фонд, имеющий свыше 1 000 ковров. Выткан самый большой в мире ковер площадью в 192 квадратных метра.

Общая ковровая продукция по сравнению с дореволюционной возросла в десять раз. За послевоенную пятилетку производство ковров увеличится более чем вдвое.

ТРАНСПОРТ

Железнодорожная линия пересекает Туркменскую ССР с запада на восток, от Красноводска через Ашхабад—Чарджоу, на протяжении 1 170 километров. От Мары отходит ветка на Кушку. Восточную часть республики пересекает железнодорожная линия, идущая из Кагана на Термез и Сталинабад.

На территории Туркменской ССР расположен морской порт Средней Азии — Красноводск, связанный регулярными рейсами с другими важнейшими портами Каспийского моря.

На Аму-Дарье имеется речное судоходство, испытывающее значительные

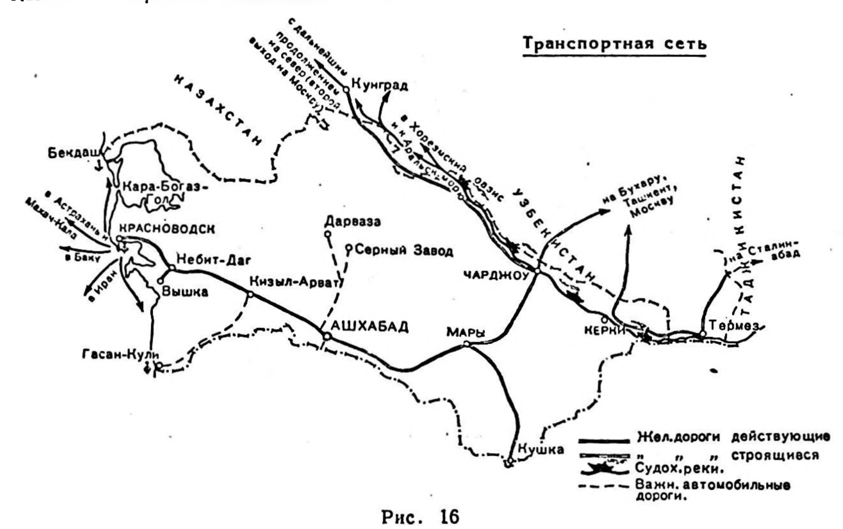

Рис. 16

Строится новая железнодорожная линия — от Чарджоу на Кунград (в дельте Аму Дарьи на территории Кара-Калпакской АССР).

трудности в связи с изменчивостью фарватера.

Сильно развит авиационный и автомобильный транспорт (см. рис. 16).

КУЛЬТУРА

За годы советской власти в Туркменской ССР расцвела национальная по форме, социалистическая по содержанию культура.

До революции в Туркменистане было 0,7 процента грамотного населения. В 1939 году грамотность достигала 80 процентов.

До революции было 58 школ, сейчас их свыше тысячи. Осуществлено обязательное семилетнее обучение.

В республике 3 вуза:

Ашхабадский медицинский институт, Ашхабадский сельскохозяйственный институт, Ашхабадский педагогический институт. Кроме того, в республике имеются: Ашхабадский учительский институт, Ташаузский учительский институт, Марыйский (женский) учительский институт и свыше двадцати техникумов.

В Туркменистане 38 научных учреждений с 600 научных работников, среди которых много туркмен.

Туркменский филиал Академии наук СССР (ТФАН) объединяет институты — Ботанико-растениеводческий, Зоолого-зоотехнический, Геологический, Физико-технический, Истории языков и литературы;

Музеи — краеведческий, историко-революционный;

Сектор экономических исследований.

Ботанический сад;

Репетекскую песчаную станцию, Фирюзинское опытное богарное поле.

В республике имеются 3 научных общества: Туркменское географическое общество, Туркменское медицинское общество и Туркменское общество по распространению политических и научных знаний.

До революции в Туркменистане было 6 больниц и 9 врачей; сейчас в Туркменистане свыше 1,5 тысячи лечебных учреждений.

В республике:
театров — 14,
кинотеатров — 38,
клубов — 599,
кибиток-читален — 435.

В Ашхабаде имеется кинофабрика.

До революции издавалось 3 газеты (на русском языке), а в 1946 году — 65 газет (57 — на туркменском языке). Издается несколько журналов.

Книг за годы 1924 — 1945 издано 3 872, общим тиражом 26 234 200 экземпляров.

На территории Туркменской ССР есть 2 заповедника союзного значения:

Гасан-Кулийский (охраняется водоплавающая перелетная птица). Бадхызский (охраняются куланы, онагры, фисташковые рощи).

Некоторые замечательные в географическом отношении точки Туркменистана

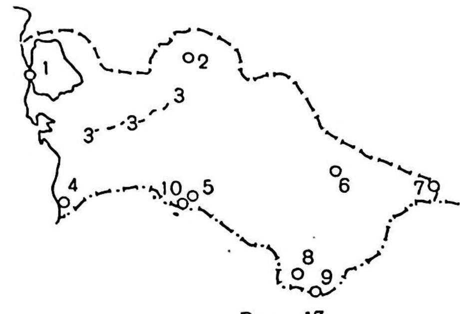

Рис. 17

1. Залив Кара-Богаз-Гол.	Естественная фабрика солей в связи с большим испарением воды, поступающей из Каспийского моря.
2. Впадина на плато Ишек-Анкрен-кыр.	Самая низкая точка Туркменистана (отметка — 92 м ниже уровня океана).
3. Узбой.	Древнее русло.
4. Гасан-Кули.	Заповедник.
5. Ашхабад.	Столица республики.
6. Репетек.	Научная станция в пустыне.
7. Вершина в горах Кугитанг.	3 137 м — высшая точка Туркменистана.
8. Бадхыз.	Заповедник.
9. 35°08′ с. ш. у г. Кушки.	Самая южная точка СССР.
10. Гора Риза в хребте Копет-Даг.	2 938 м.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

У

Ф

Х

Ц

СОДЕРЖАНИЕ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте Ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания писателям и издательству.

Комсомольских и библиотечных работников просим написать о работе, проведенной с этой книгой.

Укажите Ваш адрес, профессию и возраст.

Пишите по адресу: Москва, Сущевская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Подписано к печати 2/IX 1949 г. А05917
Печ. л. $21\frac{1}{2}$. Уч.-изд. 20,33. Формат $70\times82^{1}/_{16}$

Отпечатано в тип. М-402 с матриц
типографии „Красное знамя“ изд-ва
„Молодая гвардия“. Москва.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

- Столица ССР
- Центры областей
- Прочие населенные пункты

ГРАНИЦЫ:

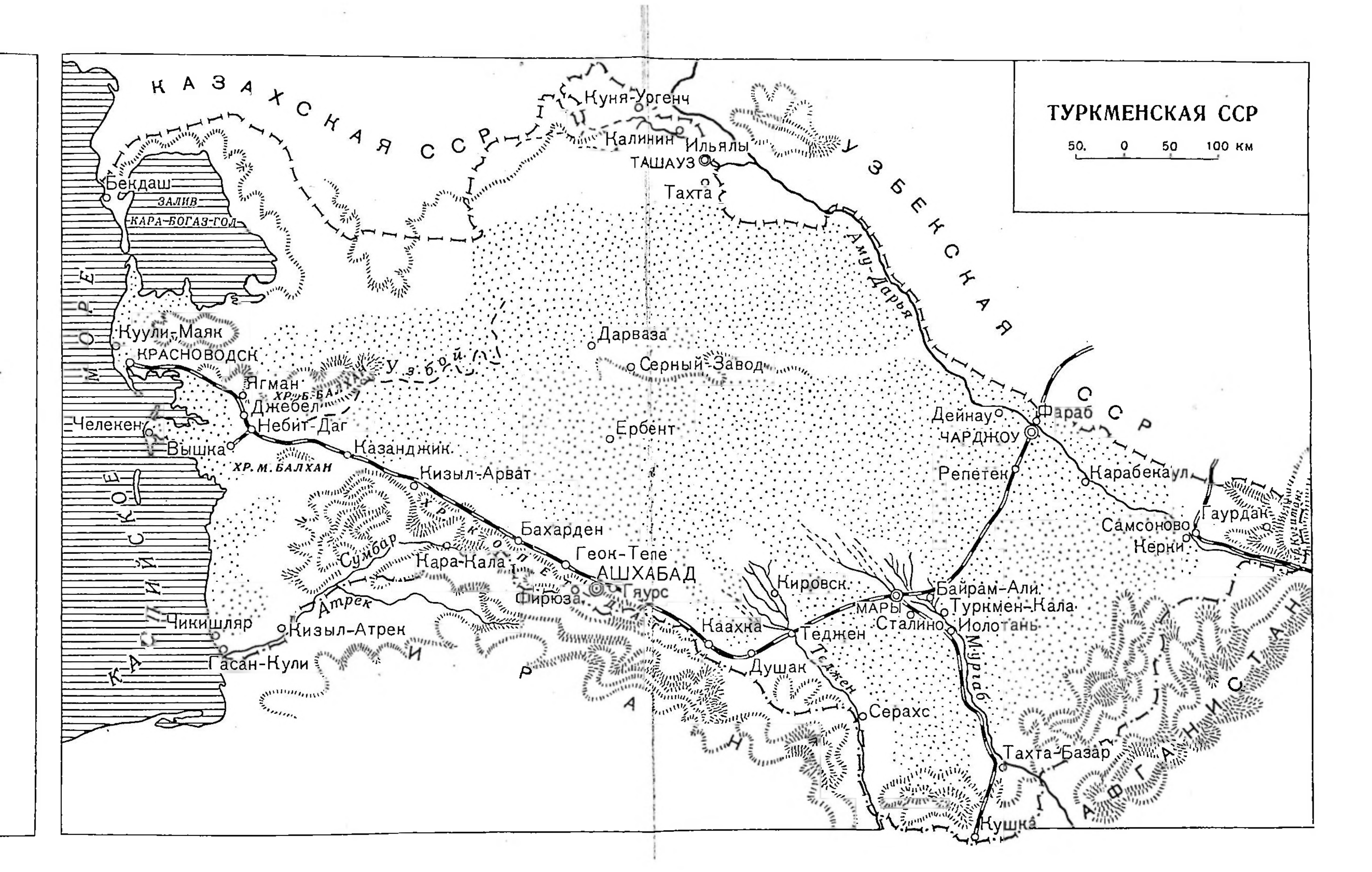
- Государственные
- ССР

Железные дороги

Реки

Пересыхающие реки

Пески

11 руб.